

Эдуард Тополь

Ты самая любимая (сборник)

«Эдуард Тополь»

2011

Тополь Э. В.

Ты самая любимая (сборник) / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь»,
2011

ISBN 978-5-17-072167-2

Как и почему русские женщины покоряют сердца мужчин во всем мире... Как любовь спасает, лечит и вдохновляет на подвиги... Дюжина новелл и повестей знаменитого писателя и драматурга, автора «Красной площади» и других международных бестселлеров, а также популярных фильмов «На краю стою», «Ванечка» и многих других.

ISBN 978-5-17-072167-2

© Тополь Э. В., 2011

© Эдуард Тополь, 2011

Содержание

Дочь капитана	6
Часть первая	6
1	6
2	7
3	10
4	10
5	12
6	14
7	15
8	17
9	18
10	20
11	21
12	23
13	25
14	26
Часть вторая	28
15	28
16	29
17	29
18	30
19	32
20	32
21	34
22	36
23	37
24	39
25	40
26	41
27	42
28	44
29	47
Часть третья	50
30	50
31	51
32	52
33	53
34	55
35	57
36	57
37	59
38	59
39	60
40	63
41	63
Часть четвертая	66

42	66
43	67
44	68
45	70
46	71
47	73
48	75
49	77
50	78
Послесловие	79
Ангел с небес	80
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Эдуард Тополь

Ты самая любимая (сборник)

Дочь капитана

Автор благодарит главного редактора сайта «Морской бюллетень» Михаила Войтенко, капитанов дальнего плавания Вячеслава Осташкова («Hercules») и Виктора Никольского («Faina»), старшего механика Леонида Мицкевича («Hansa Stavanger») и Вадима Вилкова, морского инженера-электромеханика, а также всех остальных, кто помогал и консультировал его в работе над этим романом

Часть первая

Захват

«Я взглянул на полати и увидел черную бороду и два сверкающие глаза».

А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»

1

Голос был родным, но пугающе тревожным:

– Самолет Евросоюза! Фрегат Евросоюза! Вас вызывает «Антей»! Вас вызывает «Антей»! Прием!

А на экране редакторского компьютера нос морского корабля вздымался на встречной волне, а затем нырял с нее так, что вода свинцово обрушивалась на палубу и пенными ручьями стекала за борт. И поверх этого голос отца продолжал по-английски:

– Coalition Aircraft! Coalition Warship! Вас вызывает «Антей»! Вас вызывает «Антей»!..

Ольга сжала руками подлокотники кресла. Господи, что с ним? Авария? Крушение?

– «Anthey»! «Антей»! – наконец откликнулся другой голос. – Это вертолет Евросоюза! Вертолет Евросоюза на 16-м канале! Прием!

И снова голос отца поверх носа корабля, падающего в тяжелую темную волну:

– Вертолет Евросоюза! Я капитан «Антея»! Три скоростных катера приближаются к нашему судну! Повторяю...

– «Anthey»! «Антей»! – отвечал вертолетчик. – Сообщите ваши координаты! Прием!

– Вертолет Евросоюза! Наши координаты 12°52' северной широты и 045°32' восточной долготы! Прием!

Ольга похолодела от догадки. 12 северной и 045 восточной – это же Индийский океан, это...

– «Anthey»! «Антей»! – кричал тем временем вертолетчик. – Плохо вас слышу! Перейдите на канал 72. Прием!

И тут же отец:

– Вертолет Евросоюза! Я на 72-м канале! Три скоростных катера приближаются к нам! На каждом по пять человек! Прием!

– «Антей»! Видите ли вы у этих людей оружие или пиратское снаряжение типа «кошек»? Прием.

«Боже мой! – взмолилась Ольга. – Пираты! Значит, это Сомали, Аденский залив...»

А отец сообщал по радио:

– Вертолет Евросоюза! Оружия не вижу, но они уже от нас на расстоянии одного кабельтова! Прием!

– «Антей»! – сказал вертолетчик. – Советуем вам маневрировать! Советуем маневрировать! Прием!

– Вертолет Евросоюза! У меня максимальная скорость четырнадцать узлов, а у них двадцать пять! И они заходят с кормы! Блин, у них «калашниковы»!!! Прием!

– «Антей»! Мы передаем ваши координаты на фрегат Евросоюза! Маневрируйте! Мы находимся от вас в двадцати минутах! Маневрируйте! Прием!

И тут же – взрыв и грохот гранатомета. И голос отца:

– Вертолет Евросоюза! Они стреляют! Мы под огнем!

– «Антей»! Увеличьте скорость! Маневрируйте! Мы летим к вам, мы в двадцати минутах! Прием!

Ё-моё! Какой, к чертям, «маневрируйте», когда в эфире уже автоматные очереди, звон разбитых иллюминаторов и голос отца:

– Вертолет Евросоюза! Мы под огнем! Мы под сильным огнем! Спешите! Мы под огнем! Прием!

А этот вертолетчик все талдычит по-английски:

– «Антей»! «Антей»! Мы летим! Мы в семнадцати минутах! Отвечайте! «Антей»! Отвечайте! Отвечайте! Отвечайте! «Антей»!..

Но ответа уже не было. Хотя все, кто собрался в кабинете главного редактора службы теленовостей, сгрудились вокруг его монитора, словно пытались вытянуть из экрана еще хоть слово.

А Ольга уже не сдерживала беззвучных слез.

Главный нажал на «стоп», и кадр замер.

– Это последняя радиозапись, – сказал он. – Час назад ее выложил в Интернете Брюссельский штаб Евросоюза. И все, больше с «Антеем» нет связи.

Ольга зажала ладонью рот.

– Это мой папа... Отец...

2

Стоя в одном из фибергласовых катеров (каждый снабжен двумя моторами «Ямаха»), пираты, черные, как армейский сапог, что называется «от пуза» палили из автоматов по «Антею» буквально в упор, с расстояния двадцати метров. А один из них – Лысый – вскинул на плечо гранатомет, и граната с визгом ушла в левую сторону палубной надстройки, пробила ее d-deck, то есть стенку на уровне третьего этажа.

А справа из такого же фибергласового катера палили по «Антею» еще несколько пиратов, и один из них – Толстый – из гранатомета. Его граната пробила правую сторону палубной надстройки – с-deck на уровне четвертого этажа.

Но это был лишь отвлекающий маневр, прикрывающий высадку на судно «главных сил» – главаря пиратов Махмуда и еще троих. Поскольку за кормой любого судна всегда, даже при самом быстром ходе, образуется тихая вода, катер Махмуда вплотную подошел к корме «Антея», пираты по-альпинистски точно бросили свои якорные «кошки», с обезьяньей ловкостью забрались по ним на судно и секунды спустя уже бежали по палубе, паля из автоматов по иллюминаторам ходовой рубки.

Резкий крен судна на левый борт снес их к леерному ограждению, а волна, хлестнувшая на палубу, сбила с ног и едва не сбросила за борт.

Однако следом за ними по веревочным лестницам уже взбирались на «Антея» еще пятеро. Все разного возраста, одеты кто во что, как шпана на пляже, но у всех «АК-47» китайского производства и по несколько автоматных рожков. Едва взобравшись на корму, они тут же помчались к палубной надстройке, на ходу стреляя по ходовой рубке.

И хотя разбиты были уже все иллюминаторы, хотя осколки стекла и щепы разбитых переборок засыпали пол, а пули продолжали свистеть в рубке и крошить ее стены, капитан Казин, пригнувшись у рулевой колонки, продолжал заваливать судно с одного бока на другой в последних попытках сбросить пиратов. И кричал то старпому: «Давай сигнал бедствия! Шли „Дистрас“ и „Мэйдэй“!», то в микрофон громкой судовой связи: «Внимание экипажу! Аварийная тревога! Нападение на судно! Всему экипажу немедленно укрыться в машинном отделении!» И еще успевал жать на кнопку сигнала громкого боя, который оглашал все судно пронзительными звонками тревоги.

Сидя на корточках у аварийного УКВ и спутникового передатчика, старший помощник капитана и сам, без приказа шефа пытался передать в эфир их координаты и сигналы бедствия, но вокруг все так ужасающе гремело, свистело, брызгало осколками битого стекла, что руки старпома дрожали и качка сбивала с ног. А капитан продолжал кричать:

– Ну что ты трясешься, ё-моё?!

Тем временем пираты, продолжая стрелять, уже взбегали к рубке по боковым трапам. Хотя отнюдь не так стремительно, как им хотелось, поскольку рубка находилась на высоте пятого этажа, а капитан продолжал резко переваливать судно с боку на бок – так, что кто-то из пиратов, не удержавшись, просто свалился с трапа на мокрую палубу.

А в рубке капитан Казин, видя, что творится со старпомом, с силой нажал аварийную «тревожную» кнопку связи с компанией судовладельца. И услышал голос по радио:

– Эй, на «Антее»! Вы чё – охренели? Не троньте аварийные кнопки!

– Диспетчер, у нас ЧП! – закричал капитан.

– Какое еще ЧП? – с ленцой отозвался далекий диспетчер. – Капитан напился?

– Я капитан, Казин. Нас захватили сомалийские пираты!

– Да ладно! – не поверил диспетчер. – В натуре?

Тут очередная пулеметная очередь вдребезги разнесла последний правый иллюминатор.

– Ой, блин! – испуганно сказал диспетчер. – Я слышу...

И в этот момент в рубку с обеих сторон ворвались трое черных, как деготь, пиратов – Высокий, Толстый и Лысый, все вздрюченные адреналином стрельбы и мокрые от морской воды.

– Stop engine! – закричал Высокий и с ходу выпалил автоматной очередью по аппаратуре связи, осколки одного из экранов брызнули старпому в лицо.

– Ё-о!.. – сказал по радио далекий диспетчер и отключился.

А Толстый и Лысый пробежали по рубке, выдергивая вилки из розеток, обрывая провода и разбивая экраны GMSB (глобальная морская система связи), GMDD (Global Maritime Distance Distress) и других приборов.

Вторую автоматную очередь Высокий пустил поверх головы капитана.

Капитан и старпом подняли руки.

Тем временем командир пиратов Махмуд и еще трое бегом пробежали по грузовым палубам, где стояли принайтованные танки, пушки и ракетные установки. Махмуд на бегу обнимал и щупал каждый танк и по рации что-то радостно кричал по-сомалийски.

А в ходовой рубке Толстый и Лысый, забежав в штурманский отсек, стали вытряхивать на пол содержимое стальных шкафов и сорвали икону Николая Угодника, висевшую в углу.

А Высокий дулом автомата прижал капитана к стене, затем то же самое проделал со старпомом и что-то крикнул наружу по-сомалийски.

Жуя кат¹, в рубку вошел Махмуд, мокрый от морской воды. Это был худой и высокий сомалиец лет сорока пяти, если вообще можно определить возраст по их черно-гуттаперчевым лицам.

– Who is master? – сказал он. – Кто капитан?

Казин и старпом молчали.

Махмуд взвел затвор «АК-47», направил на старпома:

– Кто капитан? Ну?!

– Ну я капитан... – сказал Казин.

– Останови мотор!

Отстранив от себя дуло автомата Высокого пирата, Казин прошел от стены рубки к рулевой колонке, перевел «телеграф»² на «STOP» и сказал в переговорное устройство:

– Стоп главный двигатель!

– Ты, белая обезьяна! – Махмуд ткнул автоматом капитану под ребро. – Сколько у тебя танков?

Капитан, глянув на дуло автомата, не ответил.

Но Махмуд до боли вжал ему в живот дуло «калаша».

– Сколько? Говори!

– Сорок два.

– А пушек?

– Тридцать гаубиц. И восемь установок «Шилка».

В рубку с двух сторон вошли остальные пираты, тоже мокрые и возбужденные, жующие кат.

– А сколько человек в команде? – продолжал Махмуд допрос капитана.

– Семнадцать.

– Где они? – И Махмуд снова вжал дуло автомата под ребро капитану.

– Внизу... – принужденно ответил капитан. – В машинном.

– Вызывай всех сюда.

Капитан повернулся к старпому, сказал по-русски:

– Экипаж на мостик.

– Андрей Ефимович, – отозвался тот. – Связь не работает.

Махмуд резко перевел автомат на старпома:

– In English!

– Я сказал, что связь уже не работает, – по-английски ответил ему старпом.

– Почему?

Старпом кивнул на разбитые приборы:

– Ну, вы же все провода оборвали.

Махмуд повернулся к своей банде, крикнул им что-то по-сомалийски, и те бросились к внутреннему трапу, ловко ссыпались по нему пятью этажами ниже, в машинное отделение. Здесь действительно была вся команда «Антея». Стреляя поверх их голов и крича на ломаном английском, пираты погнали моряков из машинного вверх по трапу. При этом каждому тыкали под ребра автоматами:

– Телефон! Отдать все телефоны!

– Часы снимай! Телефон давай!

– Давай деньги! Деньги давай! Давай! Давай!..

¹ Кат – листья кустарника, употребляемые как слабый наркотик.

² Телеграф – прибор связи с машинным отделением.

При выходе из машинного кто-то из пиратов заглянул в закуток, где находится парилка, и обнаружил там боцмана и еще трех моряков.

А распахнув какую-то дверь на нижнем, палубном этаже, пираты попали на камбуз. Там за плитой, на которой дымились паром кастрюли с супом, в углу, под иконой Богородицы 40-летняя повариха Настя и 25-летняя дневальная Оксана дрожали от страха, обнявшись и зажав глаза.

Сбросив икону на пол, пираты поволокли женщин из камбуза – тоже наверх, к ходовой рубке.

3

Пролетев над ледяными торосами Белого моря, самолет сделал разворот и пошел на посадку к запорошенной снегом Белой Гавани. Пассажиры прильнули к иллюминаторам, но, хотя это был ее родной город, Ольге было не до его красот. Едва самолет коснулся колесами посадочной полосы, как она достала мобильник и набрала московский номер:

– Алло, солнышко! Как дела? Ты покушал?

Убедившись, что «солнышко» не только поел, но и «сделал арифметику», а теперь вышел с Еленой Францевной на прогулку, Ольга расслабленно откинулась в кресле. Тут самолет подкатил к аэровокзалу, голос по радио сказал: «Наш самолет совершил посадку в аэропорту города Белая Гавань, просим всех оставаться на своих местах...» Но Ольга тут же отстегнула привязной ремень и – не обращая внимания на протесты стюардессы – с дорожной сумкой в руке ринулась к выходу. А две минуты спустя, на ходу застегивая пуховик и меховой капюшон, вышла из аэровокзала на продуваемую метелью площадь и, задохнувшись от морозного ветра, пробежала к такси, плюхнулась на заднее сиденье.

– Морская, 27. Я спешу...

– Буря идет, не разгонишься, – возразил водитель, включая скорость.

Тараня встречную поземку, машина в коридоре сугробов, наметенных вдоль нового шоссе, покатила к Белой Гавани. Метельный ветер срывал с этих сугробов снежные гребни и швырял ими в лобовое стекло машины с такой силой, что водитель включил и «дворники», и фары. Но даже «фордовские» фары пробивали снежную завязь не больше чем на 4–5 метров, и, когда въехали в город, на часах было 6.12 вечера.

4

Тяжелые океанские волны раскачивали потерявший ход «Антей».

Подняв всех пленных в ходовую рубку «Антея», пираты выстраивали их у стены.

– Руки за голову! Руки!!!

Качка мешала этому построению, но Махмуд не вмешивался. Хозяйски развалившись во вращающемся кресле, он наблюдал за происходящим, ковыряя в зубах длинной деревянной зубочисткой. Тут в рубку вбежал Лысый с еще двумя пиратами, положил перед Махмудом наволочку с награбленным в каютах имуществом – деньгами, мобильными телефонами и часами-будильниками. Самый юный из пиратов – совсем мальчишка, – присев на корточки, тут же стал услужливо сортировать эту добычу: деньги в одну кучку, телефоны во вторую, часы в третью. Махмуд поднял глаза от этого имущества, посмотрел на выстроенных у стены моряков и сказал по-английски:

– Вы, белые твари! У кого еще есть деньги, часы и телефоны? Все сдать! Кто не сдаст – расстреляю! – И повернулся к капитану. – Скажи им.

Моряки посмотрели на капитана.

– Ребята, – произнес Казин, держа, как и все остальные, руки на голове, – отдайте всё, жизнь дороже.

Моряки стали выгребать из карманов последнее.

Сомалийцы выхватывали у них деньги, передавали юному черномазому парнишке, тот все деньги отдал Махмуду, а телефоны и часы ссыпал обратно в наволочку.

Тем временем два пирата привели в рубку повариху и дневальную.

При появлении женщин глаза у Махмуда вспыхнули, он вставил зубочистку в шапку своих жестких вьющихся волос, где торчали еще несколько таких же зубочисток, подошел к женщинам, внимательно осмотрел 40-летнюю повариху и 25-летнюю дневальную. Глянул на капитана:

– Это чьи бабы?

Капитан посмотрел на боцмана. Тот кивнул на повариху:

– Цэ моя жинка. My wife Nastya.

– А эта? – показал Махмуд на дневальную.

Оксана, дневальная, скосила глаза на молодого здоровяка – третьего моториста. И капитан посмотрел на этого моториста. Но тот молчал.

– Я спрашиваю: чья это баба? – угрожающе повторил Махмуд.

– Это моя дочь, – сказал капитан.

Махмуд подошел к нему, сунул автомат под ребро и посмотрел в глаза.

– Врешь.

Но Казин выдержал взгляд.

– Если не веришь, стреляй.

Неожиданно за разбитым иллюминатором появились клубы черного дыма, и старпом негромко произнес:

– Андрей Ефимович, пожар...

– Пожарная тревога! – громко сказал Казин.

Но стоявшие под автоматами моряки не решались двинуться с места.

А дым из пробоин палубной надстройки, пробитых гранатометами, валил все сильнее, и пираты испуганно загалдели по-сомалийский.

– Fair alarm! – сказал капитан Махмуду и приказал своим морякам: – За мной! А то взорвемся!

Мимо растерявшихся сомалийцев моряки выскочили из ходовой рубки и, на ходу хватая противогазы, бросились к пожарным гидрантам и начали раскатывать пожарные рукава. Пираты, не понимая, что им делать, бежали за ними с автоматами на изготовку.

А моряки, спустившись на второй и третий ярусы палубной надстройки, пробивались сквозь дым к горящим каютам, в которые Высокий и Лысый угодили своими гранатами.

Но двери этих кают уже заклинило от жара, а из-под них вырывались языки пламени и валил вонючий черный дым от горящих в каютах пластиковых полов и переборок.

Моряки стали поливать эти двери из пожарных стволов и огнетушителей.

Это не помогало, дым повалил и из смежных кают.

– Полундра! За мной! – крикнул боцман. – Наружу!

Схватив веревочный шторм-трап, боцман и еще двое моряков с пожарными шлангами выскочили на левое крыло капитанского мостика, сбросили веревочный трап вдоль наружной стенки и, натянув на головы противогазы, стали спускаться по нему навстречу клубам дыма. Пятиметровые океанские волны Аденского залива били в скулы корабля, веревочный трап с фигурами моряков раскачивался вдоль борта на высоте пятого этажа, но боцман и еще двое, утонув в клубах черного дыма, все-таки спустились почти к самой пробоине от попадания гранаты.

И то же самое проделали по правому борту механик, старпом и еще двое моряков.

А сомалийцы сверху, с крыльев капитанского мостика, наблюдали за ними в прицелы своих автоматов.

С помощью огнетушителей и водяных брандспойтов морякам удалось задавить пожар в двух выгоревших каютах.

И снова все – прокопченные и перепачканные сажей моряки, капитан и повариха с дневальной – были под дулами сомалийцев выстроены вдоль стены ходовой рубки и с руками за головами. Их почерневшие от сажи и копоти лица веселили чернокожих пиратов.

– Черно-белые обезьяны! – потешался Махмуд. – Раздевайтесь! Всё снимайте! Ну! Быстреей!

И для убедительности пальнул в воздух поверх голов моряков.

Моряки стали раздеваться.

Сомалийцы хватали их одежду, примеряли на себя.

Махмуд увидел на руке капитана швейцарские часы с двойным циферблатом.

– Давай часы! Быстро!

Казин снял часы и отдал.

– А деньги? Судовая касса?

Казин молчал.

– Понятно. Пошли!

Схватив капитана за воротник, Махмуд потащил его к внутреннему трапу.

5

Прокатив вдоль заштрихованной метелью набережной и маячивших за ней в полумраке очертаний двух военных крейсеров и атомного авианосца, такси остановилось у салона красоты «Ля мур». Ольга выскочила из машины. Но салон был уже закрыт, хотя внутри горел свет. Ольга нетерпеливо постучала в стеклянную дверь.

Породистый боксер, возлежавший в салоне в массажном кресле, с лаем бросился к двери, но тут же стих, виновато завертел хвостом – узнал Ольгу.

Молодая пятидесятилетняя хозяйка салона подошла к двери, усмехнулась и открыла дверь.

– Так и знала, что ты прилетишь, – сказала она, впуская Ольгу. – А с кем ты Сашу оставила?

– С соседкой. – Ольга погладила пса по голове. – Привет, Ротшильд.

Мать заперла дверь и сунула ключ в карман.

– Доплавался, значит?

– Мама, как ты можешь?

– А что я должна сказать? «Ах! Он в плену!»

– Мама, это Сомали! Его могут убить!

– Сто пудов! – согласилась мать. – Он вечно лезет на рожон. Будет и тут корчить из себя героя!

– Лучше скажи, где он покупает инсулин.

– Понятия не имею.

Ольга изумилась:

– Как?! Вы прожили столько лет, и ты не знаешь, в какой аптеке он берет инсулин?

Мать пожала плечами:

– Его диабет – его инсулин. Я этим не занималась.

– А врач? Кто у него врач?

– Ну, раньше, в пароходстве была эта... как ее... ну, еврейка... – сказала мать. – Но она уже умерла... Да и пароходство сдохло. А зачем тебе?

Ольга взяла с полки телефонную книгу, стала листать.

– Что ты ищешь? – спросила мать.

– Аптеки возле нашего дома.

И села, достала из своей сумки блокнот и принялась выписывать из телефонной книги адреса и телефоны аптек, говоря между делом:

– Ты же знаешь – диабетики не живут без инсулина. Я должна узнать, какой у него запас...

Ма, а ты его когда-нибудь вообще любила?

– Вот только этого не надо! «Любила – шмубила»! – возмутилась мать и открыла холодильник.

На этот звук боксер, вновь улегшийся в массажном кресле, тут же поднял голову.

Мать достала из холодильника эскимо.

Боксер сделал стойку, но мать отмахнулась от него рукой:

– Лежать! – И Ольге: – Будешь мороженое?

При слове «мороженое» боксер поднял уши торчком.

– Нет, спасибо, – сказала Ольга.

– Видишь? – кивнула мать на пса. – А говорят, собаки наш язык не понимают. А этот – как скажешь «мороженое», так сразу...

Боксер открыл один глаз.

– Спи! – приказала ему мать и повернулась к Ольге: – Конечно, любила. Была дура и любила. Иначе как бы ты родилась?

Боксер, поворчав, улегся спать.

– А теперь ты поумнела? – спросила Ольга.

– Детка, у нас одна жизнь, понимаешь? – Мать облизнула эскимо. – А наши мужики по полгода в море! И не просто в море – если бы! А то – в Сингапуре! В Танжере! В Барселоне! Откуда ты знаешь, что у них там? «У ней такая маленькая грудь! И губы, губы алые, как маки» – знаешь такую песню?

– Папа тебе не изменял.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

– А какая разница? – спросила мать. – Его нет месяцами, а я все ночи одна. На хрена мне это монашество?

Ольга закрыла блокнот.

– Мама, я пошла.

Она положила на место телефонную книгу и направилась к двери.

Боксер, тут же проснувшись, проводил ее взглядом.

– Нет, ты ответь! – требовательно сказала мать. – Почему мы должны ждать, пока они придут из рейса? Жизнь одна! И я хочу мужика каждый день!

– И каждую ночь, – сказала Ольга. – Открой мне дверь.

– Да, и каждую ночь! А что? – с вызовом повторила мать. – Это запрещено? – но тут же сменила тон: – У тебя-то в Москве есть мужик?

– Мама, отстань.

– Надеюсь, хоть теперь не моряк.

– При чем тут «моряк – не моряк»? Открой.

– При том! – сказала мать, вставляя ключ в дверной замок. – У меня теперь мужик – психолог. Он говорит, что все дочки повторяют ошибки своих матерей.

– Ма, я пошла...

И Ольга вышла из салона на улицу.

Через стеклянную витрину мать и боксер видели, как она голоснула частнику и уехала.

Мать в сердцах бросила боксеру недоеденное эскимо. Ротшильд поймал его на лету и проглотил.

6

Каюты капитанов на больших океанских судах обычно похожи на гостиничные апартаменты и занимают порой всю a-deck. У Казина его капитанская каюта была чуть скромнее, но тоже с капитанским салоном, спальней, ванной и буфетом. В салоне стояла хорошая и принаитованная к полу мебель – кресла, журнальный столик, письменный стол с ноутбуком. По углам – буфет, сейф и телевизор с видеомagneитофоном, стереосистема. Вдоль стен – застекленные полки с книгами по морскому делу. В другом углу – небольшая икона Ксении Петербургской, а над письменным столом две фотографии – пятилетний малыш с бескозыркой на голове и Казин с Ольгой, когда ей было лет десять, – оба стоят на капитанском мостике с видом на Белую Гавань.

Но Махмуда не интересовали ни содержимое буфета, ни ноутбук, он, как и все пираты, хорошо знал, что судовая касса всегда находится в капитанской каюте, и напрямик направился к сейфу.

– Открывай!

Сопротивляться было бесполезно, дуло автомата Махмуда бесцеремонно касалось виска Казина.

И едва капитан открыл дверцу сейфа, как Махмуд своими черными руками выхватил из глубины сейфа три пачки долларов, пачку евро, три блока «Мальборо», несколько аптечных упаковок инсулина и упаковку шприцев.

– Что это?

– Инсулин, – ответил капитан. – Там написано.

– Наркота?

– Нет. Лекарство от диабета.

– Врешь, – сказал Махмуд. – Вот шприцы. Значит, наркота.

Взломав одну ампулу, он вылил ее содержимое себе на язык, но тут же с отвращением сморщился и бросил коробки с инсулином обратно в сейф. Потом показал на фотографии:

– Это кто?

– Это мой внук...

– А это?

– Я с дочкой.

– Она не похожа на ту, что на судне.

Казин пожал плечами:

– С возрастом дети меняются...

Снаружи послышался нарастающий гул.

Махмуд выглянул в иллюминатор.

Это военный вертолет Евросоюза подлетал к «Антею», его пилот настойчиво вызывал по радио:

– «Антей»! «Антей!» Это вертолет Евросоюза! Отвечайте! Отвечайте!..

Но Махмуд лишь небрежно отмахнулся:

– Опоздали, белые обезьяны!

Идя с капитаном по грузовой палубе меж гаубиц и танков, жестко принаитованных к палубе стальными тросами (и не спуская с капитана свой «АК-47»), он похлопывал танки по броне и самодовольно твердил:

– I got it! I got it! It's great! Tanks! Artillery! Allah akbar!!!

Действительно, Аллах сделал этому Махмуду воистину королевский подарок – «Антею», грузовое судно типа паром с несколькими палубами и аппарелью – мостиком, по которому вся техника своим ходом заезжает на судно и едет либо вниз, в трюм, либо на верхние палубы, – был, что называется, «под завязку» забит танками, пушками и гаубицами.

Перейдя от танков к пушкам, Махмуд вдруг остановился, подозрительно спросил у капитана:

– А куда ты все это вез?

– В Нигерию.

– Что?! – Махмуд в бешенстве вскинул автомат. – Нашим врагам? Я тебя убью!

Казин пожал плечами:

– Это не мое оружие, вот документы. Судно шведское, фирма «Blue Mount», груз греческой компании Георгиу Стефандополуса. А я просто нанят как капитан и делаю свою работу. Если ты меня зафрахтуешь, я и тебе привезу все, что ты купишь.

– Мне уже ничего не нужно, – усмехнулся Махмуд, разом остывая. Эти переходы от бешенства к спокойствию и обратно были у него мгновенны. – Смотри, сколько у меня танков! Я теперь знаешь кто?! Командир танковой бригады Армии освобождения Сомали! А снаряды есть?

– Внизу, в трюме...

– Сколько?

– 740 ящиков с боеприпасами.

– О Аллах! – обрадованно взмолился Махмуд. – Рахмат! Спасибо!

– Но я не думаю, что ты их получишь... – заметил Казин.

– Почему?

Капитан показал на горизонт:

– Смотри. Это фрегат Евросоюза.

Действительно, от просветлевшего после шторма горизонта к «Антею» на всех парах шел военный фрегат Евросоюза «Sirius».

– Fuck them! – презрительно сказал Махмуд и, достав мобильник, быстро и радостно стал по-сомалийски докладывать кому-то о своей добыче.

И доклад произвел впечатление – буквально минуты спустя в Сомали к берегам устья реки Джубба стали из всех окрестных деревень сбегаться мужчины и подростки – черные, полуголые и босые, но все с автоматами «АК-47». Мужчины спешно грузились в лодки и, паля в воздух, устремлялись в море...

7

Объехав все районные аптеки, где продавщицы в ответ на ее вопросы бессильно пожимали плечами, Ольга, так и не найдя никакой информации о покупке отцом инсулина, приехала в заснеженный двор многоквартирного панельного дома, построенного в местных «Черемушках» еще в прошлом, двадцатом веке. Выйдя из машины, она вошла в подъезд, устало поднялась по лестнице на третий этаж, достала из сумки ключи и открыла дверь.

В двухкомнатной отцовской квартире царил аскетизм пожилого холостяка: функциональная мебель местного мебельного комбината, старый компьютер, тяжелый старый телевизор, минимум посуды, а на вешалке – бушлат и мятая морская фуражка. Несколько книжных полок со словарями, морской литературой и макетами кораблей. Фотографии на стенах: молодой Казин с юной Ольгой на ходовом мостике корабля, восьмилетняя Оля в кимоно для карате, семилетний внук за штурвалом катера и т. п.

Бросив свою сумку и поглядев на часы, Ольга взяла с тумбочки «лентяйку», включила телевизор и стала один за другим открывать все ящики отцовского письменного стола и рыться

в них. Тут по телику прозвучали позывные «Вечерних новостей», и местный диктор сообщил, что в Аденском заливе захвачено шведское судно «Антей» с российско-украинским экипажем.

– По только что поступившим сведениям, капитан и десять членов экипажа «Антея» – бывшие моряки нашего пароходства, – сказал диктор.

– Это мы знаем... – вслух прокомментировала Ольга и, вывалив на письменный стол все содержимое ящиков, нашла-таки среди груды бумаг и документов то, что искала, – рецепт с надписью *insulin*.

Но звонок в дверь помешал ей навести в столе прежний порядок.

– Кто там? – спросила она изумленно.

– Оля, откройте, – сказал за дверью женский голос.

Ольга открыла дверь.

На лестничной площадке стояла группа разновозрастных женщин с детьми в валенках, зимних пальто и в теплых платках, повязанных крест-накрест за спиной.

– Оля, здравствуйте! – заговорили они все одновременно. – Я жена старшего механика «Антея». Мы по окнам увидели, что вы приехали...

– Я жена электромеханика, у меня двое детей!

– Вы знаете, мы звоним на «Антей», там никто не отвечает...

– А моего папу убьют?

– Оля, вы должны их вытащить!

Ольга изумилась:

– Я?! Как?

– Вы же дочь капитана!

– Вы журналистка!

– У вас есть Интернет?

– Мы должны что-то сделать!

– Мы обзвонили всех жен экипажа! Даже на Украину!

– Нужно что-то делать срочно!..

И несколько минут спустя молодая жена электромеханика, сидя на кухне капитанской квартиры, грудью кормила двух своих младенцев-близнецов. Остальные женщины продолжали безуспешно звонить по мобильным своим мужьям на «Антей», готовили чай и бутерброды, рассматривали в гостиную фотографии или вместе с Ольгой сидели у монитора компьютера, выискивая в Интернете последние сведения о сомалийских пиратах.

На полу конопатая шестилетняя девочка Катя и два мальчика восьми и десяти лет играли в морской бой отцовскими макетами кораблей.

Наткнувшись на сайт *Somali Pirate's Home Movie*, Ольга вывела на экран монитора видеоролик, снятый самими пиратами. Ролик сопровождала арабская музыка, а в кадре был большой и совершенно пустынный корабль: пустые палубы... пустая столовая... пустая ходовая рубка... И по этому пустому судну под оглушающую арабскую музыку хозяйски расхаживали три черных как смоль сомалийца с автоматами Калашникова и с транзисторами на груди.

Женщины замерли, в ужасе глядя на экран.

– Что это?

– Это захваченное судно, – пояснила Ольга. – Не наше, другое.

– А это кто?

– Пираты. Сами сняли на видео.

– А где же моряки?

– Экипаж они запирают в трюме или в каютах.

– Какой ужас!..

Действительно, впечатление было гнетущее. Одно дело услышать по радио или по телику, что где-то какие-то пираты захватили какое-то судно, и совсем другое – увидеть огромный и

совершенно мертвый корабль с замусоренными палубами, по которым под назойливую арабскую музыку с победным видом разгуливают вооруженные черные молодчики...

Конопатая шестилетняя Катя подошла к женщинам у компьютера.

– А это настоящие пираты? Или понарошные?

– Понарошные, понарошные, – сказала ей мать. – Иди играй.

Ольга показала женщинам найденный рецепт.

– Вы знаете такого доктора – Венделовскую?

– Конечно, – сказала мать конопатой девочки. – Это наш терапевт.

– У вас есть ее телефон?

– Есть...

– Но сейчас она звонка не услышит, – заметила жена старшего механика.

– Почему? – удивилась Ольга.

– Она в ресторане, у нее сегодня сын женится.

8

Ослепительное солнце выжигало Аденский залив сорокаградусной жарой. Волны, утомленные прошедшим штормом, лениво горбатили серо-зеленую водную поверхность. Серебристые летающие рыбы выскакивали из этих волн, то ли залюбовавшись радужным солнцем, то ли спасаясь от саблезубых акул.

В сопровождении этих рыб и акул и под дулами пиратских автоматов капитан Казин вел свой «Антей» к побережью Сомали. За «Антеем» следовали три фибергласовых катера пиратов (тех самых, на каждом по два мотора «Ямаха»), над судном висел военный вертолет Евросоюза, а в стороне параллельным курсом шел фрегат «Сириус». На фрегате, в штурманском отсеке его ходовой рубки радист, сидя у передатчика, стоически повторял в микрофон:

– «Антей»! «Антей»! Фрегат Евросоюза вызывает «Антей»! Прием! – И после паузы снова: – «Антей»! Фрегат Евросоюза вызывает «Антей»! «Антей», отвечайте на 72-м канале! «Антей», отвечайте!..

Но на «Антее» его не слышали. Там все члены экипажа, за исключением старшего механика, штурмана и двух женщин, были заперты в каюте старпома. В коридоре, на полу перед дверью этой каюты стоял направленный на каюту пулемет, за ним сидели два пирата – лысый Раис и еще один по имени Рамил.

Палубой ниже, у двери каюты старшего механика дежурил высокий Сахиб с «калашом» и под африканскую музыку своего транзистора с наслаждением сосал из банки вологодскую сгущенку. А в гальюне этой каюты толстый пират по имени Хасар сидел на унитазах, тужился и, выкатив глаза, в упор смотрел через открытую дверь санузда на забившихся в угол Настю и Оксану – повариху и дневальную.

И наконец, в самом низу судна, в машинном отделении, под охраной еще двух черных пиратов трудился старший механик. Несмотря на то что здесь, в машинном, оглушающе ревели тысячесильные судовые двигатели, пираты все равно слушали свою музыку, прижимая к ушам транзисторы.

И такая же музыка гремела из транзисторов сомалийцев на ходовом мостике «Антея», в его капитанской рубке. Под эту музыку здесь, у разбитых приборов связи колдовал паяльником молодой дежурный штурман, «левша» и гений радиотехники. И одновременно с этим звучали разноголосые звонки мобильных телефонов, отнятых пиратами у моряков «Антея». Звенящая и поющая разными голосами наволочка с этими телефонами лежала на полу рубки, над ней сидел на корточках самый юный из пиратов Раун, по одному доставал из наволочки каждый телефон, открывал его и извлекал сим-карты.

Стоя у рулевой колонки, капитан издали наблюдал, как один за другим отключались эти телефоны и вместе с этим прерывалась последняя связь с домом.

Зато лишь Нептуну, наверное, известно, каким образом штурману удалось оживить УКВ, но вдруг в арабскую музыку сомалийских транзисторов ворвался голос радиста «Сириуса», который продолжал вызывать:

– Фрегат Евросоюза вызывает «Антей»! Фрегат Евросоюза вызывает «Антей»! «Антей», отвечайте!.. «Антей», отвечайте! Фрегат Евросоюза вызывает «Антей»!..

Сидя во вращающемся кресле, Махмуд сказал капитану:

– Ладно, ответь этим обезьянам! Только по громкой связи, чтоб я тоже слышал!

Капитан взял микрофон радиосвязи.

– Фрегат Евросоюза! Я капитан «Антея» на 72-м канале! Я капитан «Антея». Прием!

На фрегате радист обрадованно вскочил, выбежал из штурманского отсека в ходовую рубку.

– Командир! «Антей» на связи! «Антей» на 72-м...

Командир фрегата – высокий худошавый очкарик – перешел в штурманский отсек к радиопередатчику, взял микрофон.

– «Антей»! Говорит командир фрегата «Сириус»! – сказал он по-английски, но с жестким немецким акцентом. – Кто на связи? Отвечайте. Прием.

В ходовой рубке «Антея» капитан ответил:

– Фрегат «Сириус», я Андрей Казин, капитан «Антея». Слушаю вас. Прием.

– Капитан, сообщите, куда направляетесь, – потребовал командир фрегата. – Есть ли убитые или раненые? Прием.

На «Антее» Казин вопросительно посмотрел на Махмуда, но тот молчал.

– У меня все живы, раненых нет, – сообщил Казин. – Мне приказано идти к побережью Сомали в район Кисмайо и бросить якорь в устье реки Джубба. Прием!

– Кто вас захватил? Сколько их? Их главарь говорит по-английски? Прием.

Капитан снова глянул на Махмуда.

Махмуд поднялся с кресла и гоголем, с демонстративной неспешностью подошел к переговорному устройству.

– Эй ты, белая обезьяна! – сказал он в микрофон. – Я командир танковой бригады Армии освобождения Сомали от вас, fucking империалистов! Чё те надо, fuck you fuck?!

– Командир, слушай меня внимательно, – бесстрастно ответил командир фрегата. – Я знаю про танки и все остальное оружие на «Антее». Оно было декларировано «Антеем» при проходе Суэцкого канала. Если ты начнешь выгружать хоть что-то из этого оружия на берег, я буду стрелять без предупреждения! Ты меня понял? Прием!

Но Махмуд только рассмеялся в ответ.

– Fuck your ass, идиот! – сказал он. – Это ты слушай меня! Это моя страна и мой океан! И я тут буду делать все, что хочу, а ты даже не пукнешь, потому что у меня в плену семнадцать белых обезьян! А если ты сделаешь хоть один выстрел, я их всех расстреляю! Ты понял, идиот?

Однако командира «Сириуса» это не проняло.

– Я понял, – сухо ответил он. – Но имей в виду: если ты прольешь их кровь, я потоплю все это судно вместе с тобой, твоими бандитами и танками. Даю слово немецкого офицера! Over!

9

В Белой Гавани, в ресторане «Причал на двоих» эстрадный оркестр наяривал «Я пью до дна за тех, кто в море», а в зале на две сотни молодых танцующих женщин было не больше десяти мужчин. Но, танцуя друг с другом, подвыпившие морячки пели эту песню на свой лад:

– Я пью одна,
А муж мой в море,
и пусть его смоем волна...

Ольга с трудом протиснулась сквозь танцующих к столу с невестой, женихом и его матерью, наклонилась к ней, показала рецепт...

А танцующие продолжали скандировать рефрен песни:

– Я пью одна,
А муж мой в море,
и пусть его смоем волна...

Выйдя из ресторана в редкое для этих мест безветрие, Ольга вновь увидела в полутьме сигнальные огни двух крейсеров и атомного авианосца, стоявших совсем неподалеку, у морских причалов. Подумав пару секунд, она решительно встряхнула головой, достала мобильник и набрала местный номер.

– Лева?.. Да, это я... Да, я тут, в городе... А ты на дежурстве? Вот и хорошо, сейчас я к тебе приду... А ты закажи пропуск, скажи: московское телевидение.

И, дав отбой, решительно зашагала к обнесенной забором военно-морской пристани. А еще через десять минут была в ходовой рубке крейсера «Стремительный», согревалась горячим флотским компотом и яростно наседала на кавторанга Леву Зарубина, старшего помощника командира крейсера и своего одноклассника.

– Я просмотрела в Интернете все морские сайты. Практически никакой реальной борьбы с сомалийскими пиратами нет. Только Америка, Германия, Индия и Израиль постоянно держат там свои военные корабли и хоть как-то охраняют и проводят через Аденский залив свои торговые и грузовые суда, а вы ходите туда время от времени, да и то...

Могучий Лева Зарубин, школьный драчун и шалопай, в девятом классе влюбленный в Ольгу настолько, что в школьной столовой отравил снотворным сначала ее, а потом себя только для того, чтобы вдвоем с ней оказаться в больнице, теперь опять смотрел на нее все теми же безумными мальчишескими глазами. Казалось, только присутствие вахтенных матросов удерживает его от того, чтобы схватить Ольгу своими лапищами и утащить в каюту.

– Лева, ты меня слышишь?

– Слышу... – глухо сказал кавторанг. – Что я могу для тебя сделать?

– Я не знаю... Мне нужно спасти отца! Отбить его у пиратов!

Лева помолчал, потом спросил:

– Если... если я сейчас угоню этот крейсер, ты выйдешь за меня?

– Не морочь голову, мне не до шуток.

– Я не шучу. Я тут за старшего. Командира нет, он в Москве, в штабе МВФ. Одно твоё слово – и я отдаю команду, мы снимаемся с якоря и дуем прямо в Аденский залив! Ну?

– Ты сумасшедший!

– Да. С девятого класса. Я потому в мореходку поступил, чтоб уйти от тебя подальше, в море. А ты опять... Я сейчас тебя съем! С каблуками.

Ольга встала:

– Тогда я пошла.

– Это правильно. Все равно они бы нас дальше Баренцева моря не выпустили...

– Кто «они»?

– Ну кто! Наша авиация и подлодки. Раздолбали бы за милую душу! Но я бы успел с тобой побыть...

Оля пошла к выходу из рубки.

– Подожди! – тяжело дыша, сказал кавторанг. – Подожди... Значит, запомни: ни один военный корабль, даже авианосец, не может атаковать судно, захваченное пиратами.

– Почему?

– Потому что пираты тут же расстреляют команду. Понимаешь? А теперь иди отсюда. Иди. А то я за себя не ручаюсь...

10

Сопровождаемый фрегатом, «Антей» продолжал идти к сомалийскому побережью. В каюте старшего помощника, где пираты заперли экипаж судна, полуголые моряки, изнывая от духоты, впритирку сидели на полу и на койке. Молодой третий механик Углов, раскачиваясь над двумя черепашками, как еврей в синагоге, твердил им безостановочно:

– Нам хана... Нам хана... Нам хана...

А в углу каюты старший моторист Сысоев, стоя на коленях перед иконой Божьей матери, истово крестился и шептал:

– Царице моя преблагая, надежда моя, Богородице! Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози ми яко немощну, да сохраниши мя...

Рядом с ним дюжий моторист первого класса Саранский стучал кулаком по своему колену:

– Один «калаш»! Мне бы один «калаш»! Я бы их всех уложил еще на подходе! Один «калаш»!..

В коридоре, под дверью этой каюты, все так же стоял на станине пулемет, а черные пираты-охранники, держа на коленях «АК-47», жевали кат и под оглушительную музыку своих транзисторов рассматривали найденные в каютах европейские цветные журналы с обнаженными белыми женщинами, вожаденно прицокивали языками, играли в домино и громко ссорились после каждого хода.

В каюте пленников боцман Щирий, подойдя к задраенному иллюминатору, стал открывать его.

– Ты что?! – испугался матрос, лежавший под этим иллюминатором. – Эти суки запретили открывать.

– А шо нам – здыхаты тут? – ответил боцман и открыл иллюминатор.

Поток свежего воздуха влетел в каюту, моряки жадно потянулись к нему.

А боцман бесцеремонно отодвинул матроса и лег на его место под иллюминатором. Вытянувшись во весь рост и закинув руки за голову, он сказал третьему мотористу:

– Тумба, як ты мриеш – шо воны робят з нашими бабами?

Но моторист не ответил.

– А? – требовательно сказал Щирий. – Я тэбэ пытаю!

– Звыдкля я знаю? – принужденно ответил Тумба.

Тем временем в кают-компании (все разгромлено, пианино в окурках, книги с книжных полок сброшены на заплесанный пол) несколько пиратов, сидя в креслах и на журнальном столике, ножами вскрывали шпроты в масле, жадно ели их руками и досматривали по телевизору фильм «Пираты XX века».

В ходовой рубке самый юный из пиратов – 15-летний Раун – подметал пол, усыпанный разбитыми стеклами и щепой переборки, пробитых пулями. А капитан Казин, стоя у руля, смотрел то на карту, то – через разбитые иллюминаторы – на возникший на горизонте берег и сомалийские лодки, спешащие от этого берега к «Антею».

– Дальше идти нельзя, сядем на мель, – озабоченно сказал он Махмуду, который, развалившись во вращающемся кресле, слушал свою занудную арабскую музыку.

– Я тебе говорю: «иди» – значит, иди! Вперед! – приказал Махмуд и достал из поясного мешочка очередную веточку ката, оборвал с нее листья и сунул себе в рот.

Пользуясь этим, Казин незаметно перевел стрелку «телеграфа» на «МАЛЫЙ».

Внизу, в машинном отделении приборы на панели ЦПУ тут же показали «МАЛЫЙ», и старший механик послушно сбавил обороты двигателя.

«Антей» стал притормаживать.

Но Махмуд заметил это, вскочил с кресла и, передернув затвор «АК», подбежал к капитану, больно ткнул дулом ему в ребро.

– Я тебе что сказал, белая тварь?! – закричал он в бешенстве. – Пулю хочешь?

И в эту секунду сильный удар сотряс судно. Махмуд и юный Раун с метлой повалились на пол, автомат Махмуда выпустил очередь в потолок, и Раун, проворно вскочив, с испуганным визгом отбежал на четвереньках в угол.

А в кают-компании пираты повалились друг на друга, и моряки, запертые в каюте старпома, – тоже.

– Блин, – сказал старпом, – на мель сели!

А на камбузе крышки слетели с кастрюль, Настя и Оксана упали друг на друга, а на пиратов, которые сидели у распахнутых морозильников и пожирали болгарское лечо, вывалилось все содержимое этих холодильников – замороженные говяжьи туши, окорочка, «ножки Буша».

Только капитан Казин, двумя руками ухватившийся за рулевую колонку, устоял на ногах и тут же перевел стрелку «телеграфа» на «стоп!».

Впрочем, нет, не только Казин устоял в этот миг на ногах. В кают-компании на телеэкране главный герой «Пиратов XX века» Петр Вельяминов тоже продолжал как ни в чем не бывало «мочить» пиратов. Но это не понравилось зрителям-сомалийцам, они негодуя зашумели, один из них стукнул кулаком по кнопкам видеоманитофона, схватил выскочивший DVD, сломал его и выбросил в иллюминатор.

В ходовой рубке Махмуд, испуганный залпом своего «калашникова», вскочил на ноги.

– Сели на мель, – сказал ему капитан. – Я тебе говорил...

– Сволочь, ты нарочно! – в бешенстве закричал Махмуд и показал на сопровождающий их фрегат. – Он не сел на мель, а ты сел! Я убью тебя!

– Остынь, – ответил капитан. – У него осадка шесть метров, а у нас девять с половиной, мы же под грузом. Понимаешь?

– Но мне нужно к берегу!

– Посмотри на карту. Видишь? Тут мель и тут. И только тут, слева, можно пройти.

– Так иди слева!

– Сначала нужно сняться с мели. Срочно, – пояснил капитан. – Иначе мы просядем в грунт и не слезем никогда.

– Так слезай! Быстрей!

– Один не смогу, мне нужен старпом.

Махмуд недовольно засопел и зубочисткой почесал в затылке.

– И механик внизу не справится в одиночку, – сказал Казин. – Нам нужно назад-вперед, назад-вперед – понимаешь? Это ювелирная работа.

Махмуд, посопев, приказал что-то по-сомалийски Рауну, и тот убежал вниз по внутренней лестнице-трапу.

11

За пять лет ее работы на московском телевидении сколько раз она прилетала из Белой Гавани в аэропорт Шереметьево-1! Сколько раз тащилась по Ленинградскому шоссе в Москву – когда в маршрутке, когда на такси, и почти всегда – не меньше двух часов! Но теперь,

слава Богу, это в прошлом, теперь из Шереметьево в Москву комфортабельный поезд-экспресс доставляет вас за сорок минут.

Однако на сей раз Ольге и эта скорость показалась черепашьей, и единственное, что утешало, – возможность долго и всласть говорить по мобильнику с сыном и соседкой Еленой Францевной, которая его опекала. Для одинокой матери восьмилетнего пацана бездетная соседка-пенсионерка Елена Францевна была настоящим спасением и сущей находкой. Бывшая волейболистка и спортивный тренер, она и в 70 сохранила фигуру, прыть и командный характер наставницы. Но при всем этом совершенно не умела готовить, кроме овсяной и гречневой каши да яичницы с помидорами, не знала и не признавала никаких рецептов. И потому теперь Ольга с изумлением слушала восторженный рассказ сына о том, как они вдвоем с Еленой Францевной лепят пельмени и ждут маму на пирог с яблоками...

Выскочив из Белорусского вокзала на раздолбанную вечной стройкой привокзальную площадь и голоснув частнику, Ольга через сорок минут добралась до Останкино и там, в зале службы теленовостей скинув куртку на свой стол, без стука вошла в стеклянную выгородку – кабинет главного редактора, положила ему на стол пачку статей, отпечатанных на принтере.

Главный поднял на нее глаза:

– Что это?

– Из Интернета, по сомалийским пиратам. Переговоры о выкупе судна занимают несколько месяцев, а то и полгода. Но я не могу ждать, у отца диабет, и я нашла его врача...

– Диабет? – удивился главный. – Как же он пошел в рейс?

– Ну, пока есть инсулин, он в порядке, – уклончиво сказала Ольга. – Дело не в этом. Просто она выписала ему десять рецептов – с запасом, чтобы он мог в любом порту купить в аптеке месячный запас. Но если у него десять дней назад был Танжер, то инсулина осталось на двадцать дней. Короче, я лечу в Португалию к судовладельцу.

Главный придвинул к себе пачку статей.

– К какому еще судовладельцу?

– К владельцу «Антея», захваченного пиратами.

– Но «Антея» – шведское судно...

– Во-первых, это бывшее наше судно. Отец на нем плавал еще до дефолта. А в 99-м его за 200 тысяч баксов продали шведской компании «Blue Mount». Хотя оно стоит не меньше трех лимонов.

– А во-вторых?

– Я вызвонила хозяина этой «Blue Mount». Точнее, его секретаря. Он сказал, что мистер Лэндстром летает по всему миру и завтра на три дня залетит в Лиссабон.

– И ты думаешь, он заплатит пиратам три лимона?

– Три нет. Но два заплатит.

Главный усмехнулся:

– Если ты попросишь?

Поскольку главный, год назад придя сюда с другого телеканала, тут же попробовал, что называется, «забить клинья», но получил «от ворот поворот», Ольга поняла, конечно, его намеки. Но сдержалась.

– Нет, я стою дороже, – сказала она. – Просто у нас в Португалии есть собкор, мы с ним возьмем у этого Лэндстрема интервью для нашего телевидения. Посмотрим, что он скажет. Он же поймет, что это интервью пойдет по всем странам.

– Так он и даст тебе интервью... – насмешливо сказал главный.

Ольга промолчала. Если этот хрен не даст ей командировку, она пойдет к Самому, у которого она на хорошем счету и никогда не получала отказа.

Но главный это, конечно, тоже учел и потому сказал:

– Ладно, я доложу начальству...

12

Пытаясь сняться с мели, «Антей» осторожно – а на морском языке «помалу» – отрабатывал «назад» и «вперед». Теперь в его ходовой рубке были Махмуд, капитан Казин, старпом Зарецкий, лысый Раис и еще два чернокожих пирата. Старпом у руля, капитан у карты – оба сосредоточенно работали, негромко переговариваясь.

– Малый назад... Самый малый...

Старпом переводил стрелку «телеграфа»:

– Есть малый назад...

Внизу, в машинном отделении, кроме пиратов-охранников, было теперь тоже двое – старший механик Козлов и второй механик Копытин. Один у широкой панели приборов, другой у двигателей.

– Стоп машина! – приказывал на мостике капитан. – Малый вперед.

– Есть малый вперед, – вторил старпом, и внизу, в машинном Козлов, перекрикивая шум двигателей, кричал Копытину в полный голос:

– Малый вперед!

И «Антей», скрипя килем по песчаному дну, пытался сползти с мели – чуть вперед, чуть назад и снова чуть вперед, расширяя себе выход с нее. Но при каждом движении тяжелый металлический корпус судна наполнялся не только громким скрипом, леденящим душу любого моряка, но и особой пугающей дрожью металла.

На «Сириусе» командир фрегата наблюдал в бинокль за этим маневром.

– Думаешь, сойдет? – сказал он своему старпому.

– Не знаю, – ответил тот. – Русский капитан...

И словно в ответ на это «Антей» вдруг без всякого скрипа тронулся вперед по чистой воде, и почти невольное «ура!» огласило каюту пленных моряков.

– Есть! Прошли! Выходим на глубину... – доложил капитану старпом и перешел к экранам эхолота и радара.

– Глубина? – спросил капитан, стоя у руля.

– Шестнадцать футов... двадцать... двадцать шесть... – считывал старпом с экрана эхолота.

Тем временем лодки сомалийцев, палящих в небо из автоматов, уже выскочили из устья Джуббы в открытое море и помчались навстречу «Антею». И при их появлении Махмуд, Раис и остальные пираты выбежали на левый и правый крылья ходовой рубки «Антея» и тоже стали победно палить из своих «калашей». В нищем Сомали, разбитом двадцатилетней гражданской войной на три враждующих меж собой государства, терзаемых исламом, «Аль-Каидой», «Аль-Шабаб» и прочими экстремистскими бандами, профессия морского пирата стала в последние годы самой героической, романтической и прибыльной – точно так, как лет двадцать назад, сразу после развала СССР, самой романтической и прибыльной профессией в России были профессии бандита и проститутки. Впрочем, в Сомали морское пиратство даже больше героизировано, поскольку имеет еще и идеологическую подпитку – пираты «наказывают» западную роскошь и цивилизацию за нищенское и практически голодное существование сомалийцев, у которых действительно нет ничего, кроме пустыни, моря и коз. А каждая победа пиратов, то есть выкуп, который они рано или поздно сдирают за захваченное судно, приносит в голодные сомалийские деревни еду, одежду и оружие, а «героям»-пиратам даже виллы и роскошь. И потому в Сомалилэнд каждый пацан мечтает стать пиратом, каждая девушка мечтает стать женой пирата, и каждый захват европейского судна становится чуть ли не общенациональным праздником...

Отстрелявшись в воздух, Махмуд возбужденно вернулся в рубку.

– Давай быстрее! Быстро! – приказал он Казину. – Вперед!

– Прибавить обороты, – сказал Казин старпому. – Помалу прибавить...

Но тут внезапный рев мощных турбин оглушил всех – и пиратов на палубе, и Казина, старпома и Махмуда в рубке. Все ошарашенно повернулись на этот жуткий рев.

Это «Сириус», включив сразу все четыре турбинных двигателя и высоко задрав нос над водой, на скорости 37 узлов обошел «Антей», проскочил вперед, развернулся и остановился носом к «Антею». Одновременно с него стремительно взмыл военный вертолет, подлетел к «Антею» и завис над ним.

Махмуд, открыв рот, в изумлении смотрел на этот маневр.

Капитан перевел «телеграф» на ноль и приказал:

– Стоп машина!

Высокая волна, поднятая на маневре фрегатом, покатила к берегу и, словно цунами, подбросила лодки сомалийцев, перевернув чуть ли не половину из них.

Махмуд, спохватившись, передернул затвор «калаша», направил его на вертолет.

А пилот вертолета уже говорил в ларинг:

– Капитан «Антея»! Остановить двигатель!

По УКВ и по громкой связи его голос разносился по всему «Антею».

– Остановить двигатель! Выйти на радиосвязь по 72-му каналу! Выйти на радиосвязь!..

Капитан вопросительно посмотрел на Махмуда.

– Что им нужно, этим макакам? – принужденно сказал Махмуд. – Ладно, ответь...

По кивку капитана штурман «Антея» включил 72-й канал, и в ходовой прозвучало:

– Капитан «Антея»! Говорит командир фрегата Евросоюза! Отвечайте! Прием!

– Фрегат Евросоюза! Я капитан «Антея», – сказал Казин в микрофон радиосвязи. – Прием.

– Капитан «Антея»! Отдайте якорь на этой точке! – приказал командир фрегата. – Дальше – ни фута из-за опасности разгрузки оружия! Оружие не должно попасть в руки бандитам! Как поняли? Прием.

Сверкнув глазами, Махмуд в бешенстве подскочил к капитану, выхватил у него микрофон.

– Ты, немецкая сволочь! – заорал он. – Мы не бандиты! Мы – Армия освобождения! Я твою маму в...

Оглушительный залп из пушки фрегата прервал его истерику. И тут же рядом с «Антеем» взорвался боевой снаряд, подбросив, как щепку, огромное судно и обдав его многотонным фонтаном воды.

Махмуд и остальные сомалийцы в страхе присели.

Последние лодки сомалийцев, еще храбро спешившие к «Антею» от берега, тут же повернули назад и на полной скорости помчались обратно.

А в ходовой рубке «Антея» снова прозвучал голос командира фрегата:

– Командир пиратов! Это был предупредительный выстрел! Если ты заставишь капитана продвинуть судно еще хоть на метр, буду стрелять на поражение. Как понял? Прием.

Махмуд, разом струсив, тут же сменил свой тон.

– Я понял! Я понял! – закричал он неожиданным фальцетом. – Я хочу говорить с владельцем «Антея». Я хочу выкуп за судно. Я выкуп хочу. И всё! Только выкуп, деньги!

– Сколько ты хочешь? – холодно спросил командир фрегата. – Прием.

– Еще не знаю... – замешкался Махмуд. – Тут танки, пушки! Я должен считать...

13

А в Лиссабоне была весна! Даже старые каменные дома и белая брусчатка приморской набережной пахли тут йодистым океанским ветром, крупными южными цветами и мандариновыми садами. «Мерседес» собкора российского ТВ прокатил по холмистому Лиссабону, потом через огромный мост над рекой Тахо и помчался в сторону Лиссабонской Ривьеры. Собкор рассказывал Ольге о городе:

– Лиссабон – лучший город в мире! Нет, я тебе клянусь! Я работал в Лондоне, в Нью-Йорке, в Риме, но и они ничто по сравнению с Лиссабоном! Смотри! Город на семи холмах, как Киев! Но такого количества фуникулеров, маленьких улочек, террас, цветов и самых вкусных в мире ресторанов нет нигде, даже в Сан-Франциско!..

И действительно, трудно было не залюбоваться Лиссабоном, особенно на скорости 120 км в час и если ваш гид влюблен в этот город по уши.

– Ты же знаешь, – продолжал он, – у нас ротация каждые пять лет! И в прошлом году мне предложили на выбор Каир, Иерусалим и Токио. А я сказал главному: даже если вы меня уволите, я отсюда уже не уеду. И уволили, я теперь не в штате, я «фриланс»! Ну и что? На жареные кальмары и суп с тунцом я себе зарабатываю. Мы приехали, вот офис компании «Блу Маунт»...

Выйдя из машины, Ольга подняла глаза на трехэтажный, XVII или даже XVI века особняк со стертыми ступеньками парадного входа, резными дубовыми дверьми, изъеденными солеными океанскими ветрами, и крохотной черно-медной вывеской с темной гравировкой «BLUE MAUNT Ltd.». Вполне возможно, что всего двести или триста лет назад этот особнячок был домом какого-нибудь португальского флибустьера или морехода, открывшего морской путь из Европы в Индию. А теперь...

В полутемной и увешанной гобеленами прихожей старик консьерж за неожиданно современной стеклянной стойкой с удивлением воззрился на посетителей.

– To see Mr. Landstrom? Вам назначено?

– Мы из России, с русского телевидения. – Ольга зачем-то показала ему свои московские «корочки». – Я говорила с секретарем мистера Лэндстром, он сказал, что...

Дробный стук каблучков по дубовой лестнице перебил ее. Консьерж повернулся в сторону сбегавшего сверху молодого мужчины в бейсболке, легкой рубашке апаш, шортах и деревянных сандалиях.

– Yes, yes! – сказал мужчина. – Это ко мне, русская журналистка, я в курсе...

– Камеру! – через плечо тихо сказала Ольга собкору. – Снимай!

Собкор спешно достал из сумки свою цифровую камеру, но Лэндстром предупредительно поднял руку.

– Нет, нет! Никаких съемок! Пока – никаких! – И цепким взглядом оценил женские прелести Ольги. – Как вас звать?

– Я Ольга Казина. – И Ольга показала на собкора: – А это...

– О! Олга! It's great! – перебил Лэндстром. – Настоящее норвежское имя! О'кей, вот что мы делаем. Сейчас мы идем на мою яхту и уходим в море. Я для этого прилетел в Лиссабон! Я безумный яхтсмен! Пошли! – И, непринужденно взяв Ольгу под руку, Лэндстром повел ее к выходу.

Собкор шагнул за ними, но Лэндстром оглянулся.

– Нет, вы останьтесь! Интервью – когда мы вернемся!

– Так, может, и я вас тут подожду? – сказала Ольга.

– Если вы хотите интервью, вы идете со мной на яхте, – хозяйски распорядился Лэндстром, у него была хватка мачо, уверенного в себе. – Как, вы сказали, ваша фамилия? Казин? Дочь моего капитана?

– Да...

– Ну, так у тебя нет выбора, детка. Пошли.

14

Поскольку боцман был заперт в каюте вместе с другими пленными моряками, бросить якорь пришлось старпому и штурману. Стоя у якорной лебедки, они отдали якорную цепь, тяжелый якорь с шумом упал в воду и ушел на глубину.

Тем временем Махмуд и капитан в сопровождении двух вооруженных сомалийцев обходили все грузовые палубы, Махмуд пересчитывал танки, пушки и ящики с боезапасом и арабской вязью записывал в свою тетрадь.

– Зачем ты считаешь? – удивлялся капитан. – Вот грузовые документы. 42 танка, 30 гаубиц, 8 установок «Шилка» и 740 ящиков с боеприпасами.

Махмуд хитро усмехнулся:

– У нас раньше ваши инженеры работали, завод строили. Они знаешь как говорили? Доверяй, но проверяй!

– Между прочим, – сказал капитан, – если бы пожар спустился сюда, мы бы взлетели на воздух, как щепки...

Забрав грузовые документы, Махмуд и двое пиратов спустились с «Антея» на свой фибerglassовый катер, Махмуд что-то крикнул оттуда по-сомалийски Лысому Раису, и Лысый, стоя на крыле капитанского мостика, утвердительно кивнул.

Катер с Махмудом отчалил от «Антея» и направился к берегу.

В ходовой рубке фрегата «Сириус» капрал спецназовцев, глядя в бинокль на катер Махмуда, сказал командиру:

– В захвате было три катера по пять человек в каждом. Трое ушли. Осталось двенадцать. Нам их ликвидировать – как два пальца...

Сопровождая в бинокль катер с пиратами, командир спросил:

– Сколько времени вам нужно на эту ликвидацию?

– Пару минут, – ответил капрал.

– И сколько пленных они там убьют за эти две минуты?

А на «Антее» Лысый Раис, проводив взглядом удаляющийся катер Махмуда, повернулся к капитану и ткнул себя пальцем в грудь:

– Босс! Андерстэнд?

– Андерстэнд, блин... – устало произнес капитан.

– Вот из «блин»? – подозрительно спросил Лысый Раис.

– Блин из блин...

Лысый стремительно вскинул автомат и передернул затвор.

– Вот из «блин»?!

– Блин из фуд, еда, – ответил капитан и показал: – Ам-ам...

Лысый опустил автомат, рывкнул что-то юному Рауну по-сомалийский. Тот кивнул и убежал по внутреннему трапу. Ловко скатившись на камбуз, он застал там своих чернокожих собратьев, с аппетитом уплетающих – руками и прямо из кастрюли – макароны по-флотски, приготовленные Настей и Оксаной для экипажа «Антея».

Растолкав их, Раун выхватил кастрюлю с остатками макарон и побежал обратно.

Недовольные сомалийцы попытались остановить его, но он тоже рывкнул им что-то по-сомалийски, и они смирились.

А Раун с кастрюлей в руках взбежал по трапу на самый верх, в ходовую рубку и протянул эту кастрюлю Лысому. Но Лысый кастрюлю не взял, а заставил Рауна своей черной пригоршней зачерпнуть макароны и самому пробовать их. Впрочем, Раун стал жевать эти макароны с таким удовольствием на своем подвижном гуттаперчевом лице, что Лысый Раис тут же отнял у него кастрюлю, тоже пригоршней зачерпнул из нее макароны и жадно отправил в рот. А наевшись, протянул капитану и старпому кастрюлю с остатками.

Часть вторая

Противостояние

*«Я был счастлив, счастлив совершенно, а много ли таковых минут
в бедной жизни человеческой?»*

А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»

15

Белоснежная 20-метровая парусная яхта Лэндстрорма стремительно скользила по воде. Включив музыку из фильма «Мужчина и женщина», Лэндстром со сноровкой опытного яхтсмена лихо управлялся с парусами, двумя штурвалами и приборами. Высокий и загорелый, он на полном ходу пробегал босыми ногами по яхте с кормы на нос и обратно, сильными руками крутил рукоять лебедки, то стремительно подтягивая канаты парусов на кнехт, то отпуская их. А при резких кренах яхты тут же переходил от одного штурвала к другому.

И двадцатиметровая яхта с высоченными парусами, послушная его воле, то на полном ходу ложилась на борт так, что казалось – сейчас зачерпнет парусами воду, то выпрямлялась и летела по волне – аж дух захватывало!

Сидя на «банке», Ольга двумя руками держалась за леерное ограждение, встречный ветер играл ее волосами и скульптурно обжимал на ней легкую блузку, и Ольга знала, чувствовала, что она тоже красива, молода, соблазнительна.

Лэндстром жестом позвал ее к штурвалу.

– Come over! Держи штурвал, не бойся...

Ольга знала, что за этим последует. Сейчас, когда она станет к штурвалу, он приобнимет ее, прижмет к себе. И, черт возьми, почему бы ей не закрутить этого шведа? Уж тогда-то он точно спасет отца...

Ольга двумя руками взялась за штурвал и широко, по-морскому, как учил отец, расставила ноги.

– Oh, good! – сказал Лэндстром. – Теперь я вижу, что ты дочь капитана! Управляй лодкой, не бойся. Я сейчас вернусь.

И вместо того чтобы под предлогом совместного управления яхтой обнять Ольгу, Лэндстром вдруг нырнул вниз, в каюту, а Ольга осталась один на один с яхтой, ее парусами и свежим морским ветром.

Как передать тот кайф, который испытывают яхтсмены, когда остаются наедине с морем, высоким небом и всей вселенной? Когда прекрасная яхта бесшумно скользит по воде, послушная вашим рукам и настроению. Нет, невозможно перебрать эпитетов и красок для описания романтического подъема, замешенного на морском йодистом ветре, музыке Лиграны, тугом натяжении высоких парусов и теплом весеннем солнце...

Лэндстром выбрался на палубу с двумя бокалами и бутылкой французского шампанского.

– Держи...

Отдав Ольге бокалы, он открыл бутылку, пробка залпом улетела за борт, а он разлил шампанское по бокалам.

– У меня есть тост, – произнес он торжественно. – Знаешь, я люблю жизнь! Я люблю жизнь, океан, ветер! Я же настоящий швед! Мои предки – я знаю их всех до восьмого века! – все были моряками, викингами. Мы ходили в Индию и Америку еще за пять веков до Колумба и Веспуччи. И я предлагаю выпить за жизнь. Просто за жизнь – вот такую, как она есть. Давай?

Ольга улыбнулась и чокнулась с его бокалом:

– Давай.

Они выпили, посмотрели друг другу в глаза и...

Это был ужасно вкусный, истомительно вкусный поцелуй...

И это был истомительно божественный и сумасшедший секс. Секс, когда соитие мужского и женского тел стало сакральным соитием всей вселенной с ее бездонным небом, необъятным океаном и освежающим ветром. Прямо на палубе, под парусами, с перевозданной наивностью и перевозданным бесстыдством Адама и Евы...

Тихо звякнул BlackBerry – смартфон Лэндстром.

Лэндстром посмотрел на его экранчик, встал и принялся лебедкой сворачивать паруса. Затем включил двигатель, обеими руками взял штурвал и по дуге положил яхту на обратный курс.

– Извини, мы возвращаемся, – сказал он Ольге. – Но ты не огорчайся, я приглашаю тебя на ужин.

16

Два черных «хаммера» с включенными двигателями мощными фарами светили в ночной берег Джуббы. Чернокожий Махмуд, бородатые чернокожие старейшины племени и двое белых безбородых мужчин в хаки сидели у костра. Старейшины ели жареную козлятину, громко спорили по-сомалийски, тыча друг другу грузовые документы «Антея», вскакивали, угрожая друг другу, и, тут же остывая, садились и продолжали есть и спорить.

Двое белых мужчин только слушали и пили виски из своих металлических фляг.

А Махмуд ничего не ел, но жевал свой кат.

Затем один из белых мужчин что-то коротко сказал самому старому из старейшин. Тот поднял руку, и все замолчали. Главный старейшина повернулся к Махмуду. Махмуд встал. Второй белый мужчина негромко сказал что-то главному старейшине, тот вернул Махмуду грузовые документы и дал короткое указание. Махмуд кивнул и ушел от костра в сторону реки, где был пришвартован целый флот рыбачьих и пиратских катеров и лодок. Здесь возле махмудовской фибергласовой моторки его ждали два пирата, приплывшие с ним с «Антея», три козы и две юные проститутки, черные, как эбонитовые статуэтки.

17

Просторный, с каменными сводами интерьер ресторана был, по словам Лэндстром, оформлен еще в X веке. Рыцарские доспехи, олени рога, камин, высокие свечи и живая музыка – томный и толстый скрипач с бараньими глазами навывкате ходил по залу от столика к столику.

Ольга и Лэндстром сидели в глубине зала, в руках у Ольги была огромная, из тисненой кожи карта меню.

– В Лиссабоне лучшие в мире рестораны, а этот – лучший ресторан в Лиссабоне, – сказал Лэндстром. – И знаешь почему?

– Почему?

– Потому что здесь тебе дают меню и спрашивают: вас как кормить – «по-вашему» или «по-нашему»? И если вы говорите «по-моему», то сами выбираете блюда из меню. А если «по-ихнему», то они забирают у вас эту карту и приносят вам все меню – все блюда от первой до последней строчки. И за тысячу лет существования этого заведения тут еще не было клиента, которому бы это не понравилось...

Ольга стала с любопытством читать старинную и удивительно красивую карту, где было немыслимое количество самых фантастических блюд из мяса, рыбы и морских гадов.

Но когда Ольга перевела взгляд на цены, ее брови поднялись холмиком.

Лэндстром улыбнулся:

– Не беспокойся. Сегодня цены на нефть упали на полтора доллара за баррель. Это значит, я за день заработал... – он посмотрел на свой BlackBerry, – сто сорок тысяч евро. Мы можем поужинать.

Скрипач с глазами навывкате, играя не то цыганский, не то португальский романс, склонился над плечом Ольги, пялясь на вырез ее платья, и подмигнул Лэндстрому.

Лэндстром со смехом сунул ему в карман десять евро и жестом отослал от стола.

Ольга отложила меню.

– Теперь мы можем поговорить?

– Только после ужина, – сказал Лэндстром.

Тут старший официант принес им бутылку португальского портвейна. Открыв бутылку, налил чуть-чуть в бокал и передал Лэндстрому на пробу. Лэндстром с профессионализмом гурмана понюхал, раскачал портвейн по стенкам бокала и пригубил.

Скрипач, взойдя на сцену и не сводя глаз с Ольги, продолжал играть что-то не то цыганское, не то венгерское.

– Ладно, – сказал Лэндстром, – так и быть. Что ты хочешь от меня услышать?

– Я могу позвать оператора?

– Еще нет. Сначала поговорим.

– Хорошо. Что будет с «Антеем»? Ты заплатишь выкуп?

– Не знаю, это зависит от суммы.

– Обычно пираты просят один-два миллиона. Долларов.

Лэндстром усмехнулся:

– Все-таки один или два? Это разница, правда?

– Это судно стоит три, – сказала Ольга.

– И застраховано на три, – подтвердил Лэндстром. – То есть если пираты его взорвут, я ничего не теряю.

Ольга молча посмотрела ему в глаза.

– Нет, я знаю, что там твой отец... – сказал Лэндстром. – Но платить два миллиона каким-то сомалийцам... Впрочем, сегодня ты украсила мой день, я твой должник. Поэтому мы сделаем так. Обычно хозяева груза, который на судне, не хотят делить с нами, судовладельцами, расходы по выкупу. Но на этот раз груз все-таки особый – танки, пушки, оружие. Если ты согласишься хозяина этого груза разделить со мной сумму выкупа...

Увидев вошедшего в ресторан плечистого молодого испанца, Лэндстром остановился на полуслове, его глаза вспыхнули от радости.

А смуглый молодой мачо с улыбкой направился к их столику.

Лэндстром встал ему навстречу.

– Извини, это моя любовь, – сказал он Ольге. – Я должен идти. – И на ходу бросил официанту: – Запиши на мой счет...

Официант кивнул, и Лэндстром, поцеловав плечистого красавца, ушел с ним в обнимку.

Ольга, потрясенная, осталась за столиком.

18

Даже антрацитно черная южная ночь не помогла фибергласовому катеру Махмуда укрыться от радаров фрегата Евросоюза. Мощный прожектор «Сириуса» вспорол черноту

ночи и ослепил глаза. Махмуд и его чернокожие помощники, сидевшие на веслах, невольно зажмурились. И тут же услышали жесткий голос, усиленный мегафоном:

– Stop the boat! Остановить лодку!

Это надувной армейский катер с капралом и тремя вооруженными спецназовцами Евросоюза подошел к лодке Махмуда.

– Attention! – сказал капрал в мегафон. – Предупреждаю: вы на прицеле снайперов фрегата Евросоюза. Предъявите все, что везете!

Махмуд вскипел:

– Кто ты такой мне приказывать?!

И резко нагнулся за автоматом, лежавшим на дне катера.

В тот же миг послышался выстрел, и пуля расщепила волокнистую структуру фибергласового борта катера буквально в сантиметре от руки Махмуда. Махмуд замер, не разгибаясь.

– Не двигаться! – сказал капрал. – Повторяю: вы на прицеле у снайперов фрегата «Сириус». Никаких резких движений. Медленно покажите все, что везете на «Антею».

Стиснув зубы от бешенства, Махмуд одной рукой поднял со дна своего катера блеющую козу, а второй – белый брезентовый мешок с маркировкой «UNHCR» (United Nation Human Civil Rescue).

Катер со спецназовцами подошел вплотную к лодке Махмуда. Три спецназовца держали дула своих автоматов на Махмуде и его помощниках.

– Опусти козу! – приказал капрал. – Открой мешок!

Махмуд развязал мешок, открыл. В мешке был рис.

– Видали! – сказал капрал своим спецназовцам. – Это рис, который ООН посылает голодающим Сомалиленда... – И капрал заглянул в лодку.

На дне лодки стояли еще две козы и лежали два серых мешка «UNHCR» и два автомата Калашникова.

– Дай автоматы, – приказал Махмуду капрал.

Махмуд не пошевелился.

Кaprал приставил автомат к его голове.

– Считаю до двух! Медленно кладешь козу и подаешь мне автоматы! Раз!..

Махмуд подал ему автоматы. Капрал бросил их в свой катер и кивнул на серые мешки:

– Что там? Открой!

Махмуд открыл серый мешок. Вместо риса в нем были ветки и листья.

– Что это? – спросил капрал.

– Мирра, трава...

– Мирра – это наркотик, – сказал капрал, забирая мешок. – Как тебя звать?

– Карим.

– Военное звание?

– Я простой солдат.

– А кто у вас командир? Как звать?

– Махмуд.

– Хорошо. Передай Махмуду, что оружие и наркотики мы пропускать не будем. Только медикаменты и продукты. Понял?

– Понял...

– А если вы будете издеваться над пленными, мы вас вообще на берег не выпустим. Всё, можешь ехать.

– Отдай мою траву!

Но капрал и спецназовцы, не отвечая, отчалили в сторону фрегата.

Махмуд, матерясь по-сомалийски, включил мотор, лодка сорвалась с места, задрала нос и помчалась к «Антею».

19

Взлетев по боковому трапу в ходовую рубку «Антея», Махмуд пробежал мимо вскочивших на ноги Лысого Раиса и юного Рауна в штурманский отсек, потом вернулся к Рауну, выхватил у него автомат и в бешенстве ткнул этим автоматом спавшего на штурманском столе старпома.

– Радио! Дай мне радио! Быстро! Я хочу говорить с этими белыми макаками!

Старпом поспешно включил радиопередатчик УКВ, сказал в микрофон:

– «Сириус»! «Антея» вызывает фрегат «Сириус»! Прием! – и передал микрофон капитану.

– «Антея»! «Антея»! Фрегат «Сириус» на 72-м канале, – ответил голос радиста фрегата. – Прием!

Махмуд тут же выхватил у капитана микрофон и закричал:

– Проклятые беременные шакалы! Дохлые вонючие акулы! Объявляю вам решение совета старейшин! У меня ваш корабль, а на нем 42 танка, 30 гаубиц, 8 ракетных установок и семьсот ящиков с боеприпасами. Это стоит пятьдесят миллионов американских долларов. И если не заплатите – я расстреляю всю команду, клянусь Аллахом! Аллах Акбар! Вы поняли меня? Пятьдесят миллионов!..

И еще долго черная африканская ночь разносила над Аденским заливом эти слова.

– Пятьдесят миллионов! Вы поняли?

20

Огибая ледяные торосы, небольшой портовый ледокол «Смелый» шел по Белому морю на северо-запад, в сторону Соловецких островов. На его верхней палубе стояли Ольга и жены моряков «Антея» с детьми.

Чем ближе «Смелый» подходил к Большому острову, тем величественнее поднимались над водой высокие белые стены его старинного монастыря и купола монастырского храма – одного из самых намоленных мест на Руси. За пятьсот лет его существования здесь попеременно то посвящались в монахи и иеромонахи самые истовые служители Иисуса Христа, то эти же слуги Христовы заживо предавались огню и отлучению от церкви, с тем чтобы потом, через века их причислили к святым великомученикам. И сам монастырь был то Божьим местом, то военной крепостью, то тюрьмой для врагов российских царей и СЛОНОм – Соловецким лагерем особого назначения для врагов советской власти, то учебным корпусом и школой юнг Северного морского флота, а теперь, после краха советской власти, – вновь отстроенным монастырем. И столько крови, столько костей и черепов невинно убиенных людей хранит в себе эта соловецкая земля и ее вечная мерзлота, что тысячи паломников со всего мира приезжают теперь сюда, чтобы увидеть божественный свет и неземное сияние, которое нередко восходит над шестью многострадальными Соловецкими островами, и особенно над его заповедником веры – Анзером.

– К Богородице прилежно ныне притецем, грешнии и смиреннии... – Стоя у алтаря, отец Петр нараспев читал древнюю молитву во спасение пленных. – В покаянии зовущие из глубины души: Владычице, помози...

Церковный хор подхватывал:

– Можеша бо, о благодатная мати наша от всякого зла сохрании люди твоя и всяким благодеянием снабдити и спасти...

Ольга и остальные жены и дети пленных моряков «Антея» молились коленапреклоненно. И хотя дети не понимали, конечно, слов этой древней молитвы, но, глядя на строгие лики святых в высоте куполов монастырского храма, они верили, что эти лики вернут им их отцов.

Но до Анзера Ольга добралась уже в одиночку, без детей и их матерей. Только любопытные нерпы да леденящий ветер сопровождали баркас, который раз в сутки курсирует между Большим островом и этим самым северным из Соловецких островов.

На Анзере Ольгу никто не встречал, кроме выбеленной доски на месте бывшей часовни:

«Святой преподобный иеросхимонах Елеазар Анзерский во время управления Соловецкою обителью игуменом Иринархом, придя из оной обители на этот непроходимый остров для уединенной жизни в 1612 году, жил на сем месте четыре года в маленькой келейке один. По откровению Божию перешел на место, где ныне Троицкий скит, и там построил храм при нем, и св. мощи его украшают и охраняют скит и подают утешение и исцеление всем, приходящим с верою...»

Но Ольга и не рассчитывала на встречу. Кланяясь придорожным поклонным крестам, она больше часа шла через хвойный лес по раскисшей от талого снега дороге и вышла к Свято-Троицкому скиту – полуразрушенному кирпичному ансамблю из чудом сохранившегося древнего храма и двухэтажного келейного корпуса, соединенных меж собой руинами других монастырских построек.

На этих руинах работали трудники – верующие добровольцы, приехавшие сюда с материка восстанавливать разрушенный коммунистами скит.

У одного из них Ольга спросила, как ей найти монаха Константина, и ей показали на храм. Ольга поднялась по расчищенным от снега ступеням и веником, стоявшим у дверей, сбила снег с сапог, а затем вошла в храм, где и увидела своего мужа. Вернее, узнала, угадала его по высокому росту, крупной голове и широким, но слегка сутулым плечам сначала подводника, а теперь монаха. В черно-серой рясе, вытертой меховой кацавейке и стоптанных валенках он стоял спиной ко входу, у небольшого алтаря с иконами и свечами. Конечно, он почувствовал ее появление, тем паче что пламя свечей затрепетало при открытии и закрытии двери и когда Ольга кланялась иконам и крестилась. Но он не обернулся, пока не завершил молитву. А повернувшись, долго смотрел Ольге в глаза и только потом сказал:

– Ну, здравствуй...

Ольга молчала. Конечно, он изменился – эти длинные волосы до плеч, эта окладистая черная борода с проседью... Но она смотрела в глаза, только в глаза, бывшие когда-то родными и любимыми. И сквозь стоическое спокойствие анзерского монаха видела в этих глазах давно и глубоко упрятанную трагедию. Пять лет назад во время автономного плавания в Тихом океане на подводной лодке «Казань» произошла разгерметизация атомного реактора, весь экипаж схватил дозу радиации, многократно превышающую смертельную, и спасти их могло только чудо. И вот, моля Бога о спасении, они всей командой поклялись, что если все-таки доплывут домой, то постригутся в монахи и будут служить только Господу. Чудо свершилось, но, конечно, не все выполнили зарок. А Константин выполнил и перед пострижением настоял на разводе, объяснив Ольге, что доза, полученная им, все равно лишила его возможности выполнять мужские обязанности, а она – молодая и красивая – должна быть свободна. Затем, перед отплытием на Анзер, он всю свою офицерскую пенсию и пособие по инвалидности перевел на нее и сына. И тогда Ольга, схватив Сашу и обливаясь слезами, спешно уехала в Москву, просто бежала из Белой Гавани, чтобы никогда в жизни не видеть больше ни этих военных кораблей, ни подводных лодок, ни морских офицеров...

Теперь они вдвоем поднимались на Голгофу.

Когда-то вслед за монахом Елиазаром на острове Анзер поселился монах Иов. Он жил отшельником в крохотной келье у подножия безымянной горы в центре острова. Однажды, гласит предание, ему явилась Богородица и сказала: «Гору эту назови Голгофой и поставь на ее вершине храм в память Распятия Сына Моего. Много народа христианского пострадает на этой горе, поэтому молитесь усердно. Я же вовек пребуду в месте сем». Иов выполнил наказ, поставил деревянную церковь на вершине горы, а гору назвал Голгофой. С этой горы, с Голгофы, открывается замечательный вид на просторный остров с его нетронутыми лесами и озерами, где водятся не пуганные человеком звери и птицы – орлы, олени, лисы, зайцы, бобры... Сейчас под горой стоит большой Голгофо-Распятский скит с кельями для монахов, а на вершине горы – пятиглавый кирпичный храм с колокольной, келейным корпусом, трапезной и гостиницей для паломников.

– А народу тут пострадало действительно много, – говорил Константин, по крутой дороге поднимаясь с Ольгой на Голгофу. – Особенно при советской власти. В годы СЛОНа тут был «тифозный изолятор», а на самом деле просто убойное место. Зимой тут такие морозы – часто до сорока опускается, а эков держали вон там, в кирпичном храме, без воды и совершенно голыми. И так, босиком и голыми, они выбегали наружу, консервными банками набирали снег и потом топили его, чтоб напиться. Здесь расстреливали и морили голодом, а летом голыми выставляли на мошку, которая зажирала до смерти. Трупы просто скидывали вниз. Говорят, тут убито около 100 тысяч...

– Подожди. Я устала... Зачем ты мне это рассказываешь?

– Посмотри сюда. – Константин показал на удивительную березу, которая растет на склоне Голгофы. Заснеженные ветки березы образовывали совершенно правильный крест. – Видишь это чудо? Никто и никогда не подрезает эту березу. Она сама так выросла, крестом. Понимаешь? У тебя есть Сашины фотографии?

Он спросил это без всякого интонационного акцента, но Ольга буквально кожей почувствовала, как вся его душа вытянулась и замерла, словно раскрещенная береза.

Конечно, при ней были фотографии сына, и она достала их.

Константин остановился у стены кирпичного храма, осторожно принял из ее рук плотный конверт, перекрестил его и только потом достал фотографии.

И Ольга заметила, как при виде первой же фотографии сына этот высокий крупный мужик, бывший подводник, а теперь анзерский монах, заплакал – слезы потекли по его обветренному лицу и окладистой, с проседью, бороде.

– Хорошо, Оля... Спасибо за сына... – сказал он негромко. – Я понял... У него нет отца, но у него будет дедушка. Я на коленях буду молиться за это денно и ночью до полного освобождения их судна. Отсюда, с Анзера, молитва доходит...

21

Подложив под голову стопку книг по навигации, капитан Казин спал на столе в штурманском отсеке ходовой рубки. Впервые после четырех бессонных суток со дня пленения организм сдался и камнем рухнул в глубокий сон. И пять или шесть часов сознание было отключено, а тело пребывало в космической черноте и беспомощности. Затем в этой черноте начали появляться рваные, как вспышки, видения, словно кто-то неумело, но настойчиво стал подключать тело к разуму. А подключив, тут же отправил в самое дорогое и радостное прошлое, когда в летнем парке годовалая Оленька неуклюжим медвежонком впервые стала на толстые ножки и, растопырив руки, вразвалку пошла к нему по зеленой траве. После шести или семи шагов она, конечно, брякнулась на попу, но он – радуясь и смеясь – тут же подхватил ее на руки, посадил себе за плечи и пошел с ней на первомайскую демонстрацию. Почему сразу из летнего парка Казин оказался на первомайской демонстрации не с годовалой, а с уже пятилет-

ней Олей на плечах – этого Казин не знал, как не знал он и того, почему рядом с ними не было на этой демонстрации его бывшей жены и Олиной мамы. Наверное, сознание просто вытеснило ее из памяти, убрало из альбома радостных событий его жизни. Зато в следующей вспышке памяти она была – смеялась над ним, Казиним, когда перед тем, как уложить простуженную Оленьку спать, он горячим утюгом гладил ее простынки, а затем на всю ночь укладывался на пол рядом с ее кроватью, чтобы ночью каждые полчаса проверять, не раскрылась ли дочка. А утром, когда после бессонной ночи Казин все-таки засыпал вмертвую, жена будила его простым пинком в бок. Но теперь – почему-то – вместо жены к нему подкрадывались черные пантеры с черными же чертами на спинах. Он, конечно, хотел отбиться от них, но они бросились на него со всех сторон, и Казин проснулся, как когда-то он разом просыпался от пинка жены. Но вместо жены увидел над собой черное лицо охранника-сомалийца.

Казин зажмурился, как от кошмарного сна, но старпом, стоявший рядом, негромко сказал:

– Андрей Ефимович, шесть утра.

Казин открыл глаза, сел на плексигласовом покрытии штурманского стола, размял затекшие шею и плечи и увидел сомалийцев – Махмуда, спавшего поодаль на двух матрасах, постеленных на полу, и еще троих с автоматами, направленными на старпома и на него, капитана.

– Блин, – сказал он старпому при виде этих черных лиц, – значит, это не сон?

– К сожалению, нет.

– И нет новостей?

– Никаких. Фрегат молчит, хозяин судна молчит, всё глухо.

Через разбитый иллюминатор Казин посмотрел на стоящий поодаль фрегат Евросоюза, там действительно не было видно никаких признаков жизни. А залив был по-рассветному сер и спокоен под краем солнца, медленно восходящего над морским горизонтом.

– Что будем делать? – спросил у старпома Казин, поеживаясь от утренней сырости.

Открыв один глаз, Махмуд посмотрел на них обоих.

– English only! – приказал он.

Демонстрируя рвение, сомалийцы-охранники тут же угрожающе передернули затворы автоматов.

– О'кей, – поспешно сказал старпом. – English. Master, you forgot about your insulin³.

– Да уж, было не до этого... – Казин, разминаясь, уступил свое место старпому. – Ладно, ты ложись, моя вахта. – И Махмуду: – I need insulin shot.

– Insulin? What is insulin? – спросил Махмуд, почесывая ягодичную промежность. И, не вставая с матраса, достал из поясного мешочка пучок мирры, оборвал листья и принялся жевать тонкие стебли.

– Я тебе показывал, – сказал ему Казин по-английски, – инсулин – это лекарство от диабета. Лежит у меня в сейфе. Я должен колоть его каждый день.

– Наркотик? – Махмуд показал на свой мешочек с миррой. – Как это? Будешь?

– Нет. – Казин взял с полки английский медицинский справочник, нашел нужную страницу и показал: – Смотри... «Сахарный диабет – заболевание, вызванное высоким уровнем сахара в крови. Лечить диабет необходимо инсулином, компенсируя его отсутствие в организме, в противном случае происходит истощение клеток и смерть пациента». Вот, сам читай. Если хочешь остаться без капитана...

– О'кей, я понял, – ответил Махмуд, вставая. – Пошли...

– По-моему, он читать не умеет, – негромко и по-русски сказал старпом капитану.

Махмуд резко повернулся к нему:

– Что ты сказал?

³ Капитан, вы забыли про инсулин (англ.).

– Я сказал «гуд морнинг», хорошего дня.

Спустившись по внутреннему трапу на один пролет вниз и остановившись в распахнутой двери своей каюты, Казин поморщился. Но не от того, что все в его каюте было перевернуто вверх дном, книги и вещи разбросаны, а все ящики открыты и выпотрошены. А от ужасной вони из санузла.

– О Господи! Вы что, унитазом не умеете пользоваться? – сказал он Махмуду, зажал нос, быстро прошел в санузел, дернул ручку сливного бачка и смыл забитый дерьмом унитаз. Затем прошел к иллюминатору, распахнул его. Свежий рассветный ветер влетел в каюту, пошевелил разбросанные на полу бумаги.

– О'кей, где твоё лекарство? – сказал Махмуд, почесывая промежность.

Казин вставил ключ в замок сейфа, открыл его. Достав из сейфа коробку с инсулином и коробку со шприцами, привычно надломил и вскрыл ампулу, набрал инсулин в шприц, а остальные шприцы и инсулин вернул в сейф.

Махмуд, жуя кат, тут же запер сейф, а ключ сунул себе в карман.

Молча проследив за этим, Казин сделал укол инсулина себе в бедро и сказал как бы между прочим:

– Выкуп пятьдесят миллионов – это ты загнул! Никогда не получишь.

– Еще как заплатят! – ответил Махмуд. – Козлы вонючие...

Выйдя из каюты, Казин привычно свернул к трапу на нижний ярус, откуда была слышна арабская музыка и где пулеметчик и Лысый Раис охраняли каюту с моряками «Антея».

Но Махмуд, идя за капитаном, остановил его громким окриком:

– Стой! Куда ты?

– Вниз, к моей команде, – невинно сказал Казин.

– Нет! Никакой команды! – И Махмуд ткнул его в спину автоматом. – Иди на место!

Сжав зубы, Казин пошел по трапу вверх, к ходовой рубке. А Махмуд что-то крикнул вниз по-сомалийски.

Там Лысый Раис, выключив транзистор, вскочил и криком что-то доложил Махмуду по-сомалийски.

От этого крика в каюте зашевелились полуголые моряки, спавшие на полу впритирку друг к другу.

– Ой, блин! Опять эти «снегурочки»!

– А музыка у них! Бетховен отдыхает!

– Ё-моё! Можно хоть с утра тут не курить?

– А в галюн кто крайний?

22

Стоя за телекамерой, ассистент режиссера выбрасывал палыцы и беззвучно считал:

– Три... два... один... начали!

– Добрый вечер, дорогие слушатели! – сказала в камеру молодая телеведущая. – В эфире наша еженедельная программа «Морской узел». Сегодня у нас в гостях жены моряков шведского сухогруза «Антей», захваченного сомалийскими пиратами, и московская журналистка Ольга Казина, дочь капитана «Антея». Как вы, конечно, знаете, экипаж «Антея» состоит из российских и украинских моряков, и буквально только что нам стало известно, что пираты запросили невиданный выкуп – пятьдесят миллионов долларов! Оля, что вы думаете? Почему вдруг такая огромная сумма?

– Судя по сообщениям прессы, – ответила Ольга, – на борту «Антея» оружие, которое греческий поставщик отправил правительству Нигерии. Это совершенно легальная сделка, хотя вызывает удивление, почему судовладелец отправил такой груз без охраны. Но во всех

случаях речь идет о жизни моряков – российских граждан, и мы считаем, что наше правительство обязано...

– Понятно, спасибо, – перебила ведущая. – По поводу обязанностей нашего правительства мы пригласили в студию юрист-консула нашего пароходства Василия Игнатова. Пожалуйста, Василий Николаевич!

– Я не адвокат правительства, – вальяжно усмехнулся пожилой дородный Игнатов, – но уверен, что Кремль по дипломатическим каналам принимает все возможные меры для спасения наших моряков...

– У России нет дипломатических отношений с Сомали, – вмешалась Ольга. – Там вообще нет единого государства.

– Это не важно, – небрежно отмахнулся Игнатов. – Наверняка есть другие каналы. Но я хочу сказать о другом. Будучи российскими гражданами, моряки «Антея» подписали рабочие контракты со шведским судовладельцем. – Он впервые повернулся к Ольге и женам моряков. – Вы видели эти контракты? Там записано, что в случае плена судовладелец обязан обеспечить их семьи и гарантировать выкуп? А? Кто-нибудь из вас видел эти контракты?

Ольга и остальные женщины молчали.

– Я уверен, что ничего этого нет, – победно усмехнулся Игнатов. – Наши люди подписывают такие контракты не глядя, не считая нужным показать их своим адвокатам, а потом требуют у правительства: спасайте нас! Но тут возникает вопрос: а на какие деньги наше правительство должно их спасать? А? Они что, платят налоги с тех зарплат, которые получают за рубежом? Вот вы, Ольга, летали к шведскому судовладельцу – разве он платит нам налоги с контрактов этих моряков? Конечно, нет! Он если и платит налоги, то шведскому правительству. Вот и получается, что обращаться за защитой вам нужно к Швеции...

Жены моряков зашумели:

– Спасибо! Выходит, здесь мы никому не нужны!..

– Конечно! Всем наплевать!..

– Мы Путину напишем! Медведеву!..

Возмущенная «подставой» своей бывшей подруги, с которой она работала на местном ТВ до перехода на столичное телевидение, Ольга после передачи зашла в гримерку. Там ведущая, стоя у зеркала, влажной салфеткой снимала тон с лица.

– Не могла предупредить, что будет этот юрист? – спросила у нее Ольга в упор.

Но бывшая подруга, не повернувшись от зеркала, только пожала плечами:

– А что тебе не понравилось? Очень острая передача получилась.

Посмотрев через зеркало ей в глаза, Ольга повернулась и вышла.

– Звезда, бля! – сказала ей вслед бывшая подруга.

23

На рассвете одиннадцать моряков, впритирку спавших на полу каюты, разбудила беспорядочная оружейная пальба за открытым иллюминатором. Боцман, лежавший подле иллюминатора, не шелохнулся, но маслосуп, то есть, простите, моторист, лежавший рядом, все-таки осторожно выглянул наружу. Там еще один сухогруз – балкер «Patriot» с мальтийским флагом – шел к берегу в сопровождении ликующих пиратских катеров и лодок.

– Ни фига себе! Еще один пленный! – сказал моторист.

– Да они этим живут, блин! – заметил электромеханик, он же электромеханик. – Каждый день по судну берут, а то и по два.

Моряки стали подниматься – кто принялся молиться, кто пробовал делать в этой тесноте если не зарядку, то хотя бы разминку, кто занимал очередь в туалет.

– Я одного нэ розумию, – громко сказал моторист Тумба, пытаясь прорвать негласный бойкот, который объявили ему моряки после предательства им Оксаны. – Як цывиный свит можэ трыматы, шо якысь-то сомалийцы полонят ихни корабли и щэ запытуют мильоны долларив?

– А по-русски, маслопуп? Слабо сказать, чтоб тебя люди поняли? – заметил ему третий помощник капитана.

– А я нэ з тобой балакаю, – тут же отшил Тумба. – Я Панаса пытаю.

– Меня? – спросил третий механик Углов, держа в руках своих черепашек. – Чому цывиный мир терпит пиратов? Так цэ ж просто! Ось ты, напрыклад, цивилизованный чэ ни?

– Ну, цывиный, – принужденно ответил Тумба, уже поджидая подвох. – А шо?

– А то, что ты даже свою бабу предал! – вмешался электромеханик. – Так что ж ты хочешь от других? На хрен мы кому нужны?

Тут послышался громкий, как выстрел, шум воды, спускаемой в туалете, и оттуда, подтягивая трусы, вышел габаритный боцман, у которого на судне было две клички – Дракон и Шкура. Оправдывая их, он грубо оттолкнул всех, собравшихся у иллюминатора.

– Брысь звидсыль!

– Подышать-то дай людям, – сказал ему третий помощник.

– За подышать платить трэба. Сигареты маешь?

– Я не курю.

– А нэ куриш, так нэ дышы! – отрезал Дракон и лег на свое место под иллюминатором.

Между тем ниже этажом повариха Настя и дневальная Оксана, выходя из своей каюты, наткнулись на неожиданное препятствие: охранник-сомалиец остановил Оксану.

– No, you stay!

Оксана и Настя стали, как могли, объяснять:

– Мы повара! Cook! Breakfast! Завтрак готовить! Понимаешь? To kitchen!

Но сомалиец пинал их автоматом и говорил Насте:

– You cook! – А Оксане: – You stay!

– Мы вместе, понимаешь? Together! To kitchen!

Сомалиец, вспылив, передернул затвор автомата и приказал Насте:

– Go! Kitchen!

Настя вынужденно оставила Оксану.

Сомалиец запер Оксану в каюте, а сам с автоматом на изготовку повел Настю на камбуз.

Оксана, оставшись в крохотной каюте, прислушалась, затем достала из-под подушки маленькую, величиной с ладонь, иконку с Николаем Угодником, поставила ее на тумбочку, принайтованную у откидной койки, опустилась перед Николаем на колени и стала молиться. Но длилось это недолго – в двери послышался поворот ключа, и в каюту вошел Махмуд. Тут же заперев каюту изнутри, он с широкой улыбкой на черном, как сапог, лице шагнул к Оксане.

– White lady, I want you, – сказал он и протянул ей свою черно-розовую ладонь. На этой ладони ярко блестел золотой браслет с какими-то драгоценными камушками – пиратская наверняка добыча.

– ПАПА-А-А!!! – истошно завопила Оксана. – ПАПА-А!!!

– Quiet! Тихо! Cool down! – испугался Махмуд.

Но Оксана, изо всех сил обняв принайтованную к полу тумбочку, продолжала без остановки орать в полный голос:

– ПАПА-ААА! ПА-ПААА!..

Этот крик разнесся по судну, и в каюте пленных моряков кто-то решительно встал на ноги... А на верхней палубе Лысый Раис, потрошивший в море только что зарезанную и ошкуренную козу (отчего у борта судна собралась туча акул), тоже повернулся на этот крик... А в ходовой рубке сомалийцы-охранники понимающе усмехнулись... А в штурманском отсеке

капитан, переглянувшись со старпомом, бросился из отсека в ходовую рубку и включил ревун, который корабли включают, когда идут сквозь густой туман.

Низкий прерывистый рев заполнил «Антей» и полетел над заливом.

Напуганные этим ревом сомалийцы-охранники заполошно вскочили с автоматами в руках.

А Оксана, сидя на корточках и обнимая принайтованную тумбочку, продолжала истошно орать «Папа! Папа!».

Махмуд, оглушенный ревуном, выскочил, матерясь, из каюты, взлетел по трапу наверх и ворвался в ходовую рубку.

Там ему открылось странное зрелище. Капитан Казин стоял у штурвала, жал рычаг ревуна, а вокруг него – с автоматами наперевес – торчали очумелые и ничего не понимающие охранники.

– Stop! Стоп! – закричал Махмуд.

Капитан отпустил рычаг, ревун замолк.

– What are you doing? – налетел на него Махмуд.

– Я не могу больше ждать! – И Казин показал на фрегат Евросоюза, стоявший неподалеку. – Какого хрена они спят?! Они должны начать переговоры о выкупе! У меня инсулина в обрез! Ага, видишь, проснулись!

Действительно, через разбитый иллюминатор ходовой рубки было видно, как на фрегате забегали матросы. И тут же по радио раздался голос радиста фрегата:

– «Антей»! «Антей»! Что у вас случилось? Прием!

Капитан взял микрофон.

– Фрегат Евросоюза! Ничего не случилось. В этом и беда! Сколько мы будем здесь торчать? Пора начинать переговоры о выкупе. Прием!

24

Сойдя с автобуса и зайдя во двор своего дома, заваленного снегом и сугробами, Ольга, оскальзываясь на наледях, шла к подъезду и вдруг увидела свою мать, которая прогуливалась тут с боксером на поводке.

Ольга остановилась.

– Привет! – сказала мать, подходя.

Ольга выжидающе промолчала, но мать не обратила на это внимания.

– Ты когда в Москву?

– Прямо сейчас... А что?

Мать протянула ей какой-то конверт:

– Держи.

– Что это?

– Держи, не бойся! – И мать буквально всунула конверт ей в руки. – Здесь полторы штуки, зелеными.

– За что? – удивилась Ольга.

– Не за что, а на билеты. Я смотрела телевизор. Тебе нужно лететь к этим сволочам, спасти отца. – И мать, отвернувшись, дернула боксера за поводок. – Пойдем, Ротшильд!

Ольга, остолбенев от изумления, смотрела им вслед.

Но тут, скатившись на санках со снежной горки, к ней подбежала конопатая шестилетняя Катя.

– Тетя Оля, а когда мой папа приедет?

25

Лысый Раис притащил на камбуз ведро с кусками ошкуренной и выпотрошенной козы, переложил эти куски в кастрюлю, засыпал рисом из мешка с маркировкой «UNHCR» и поставил на огонь рядом с кастрюлями, в которых Настя варила макароны для экипажа «Антея».

И почти сразу после Раиса на камбуз пришла Оксана, еще вся взвинченная и красная после инцидента.

– Махмуд? – негромко спросила Настя.

– Ну да. Еле отбилась. Козел! – ответила Оксана и кивнула на Раиса: – А этот чё тут делает?

– Для своих готуе. Махмуд заборонив своим наше исты, шоб мы их не потравили.

– И слава Богу! Еще этих козлов кормить!

Полчаса спустя, в сопровождении двух вооруженных автоматами сомалийцев, Высокого Сахиба и Толстого Закира, Настя и Оксана с тяжелым эмалированным ведром и холщовой торбой в руках вошли в каюту старшего помощника. Там пленные моряки, полуголые от жары, уже ждали их с алюминиевыми мисками и градом вопросов:

– Что случилось?

– Чё сирена ревела?

– Чем сёдня кормите?

– Оксана, это ты орала?

Сняв крышку с ведра, Настя стала черпаком плюхать в их миски варенные макароны – сначала боцману, потом остальным. А Оксана доставала из торбы галеты и выдавала каждому по две.

Моряки недовольно ворчали:

– Опять макароны!

– А чому без мяса?

– А тому шо мясо «снегурки» забрали! – сказала Настя.

– Что? Весь морозильник?

– Ну! – подтвердила Настя. – Мясо заперли и сами будут жрать!

– А ты чё орала? – спросил у Оксаны Тумба.

– Не твое дело.

Сидя на полу с миской в руках, Тумба примирительно погладил ее по ноге. Но она резко отодвинулась:

– Нэ чипай!

– Так вы там умили з цыми козлами готуете? – сказал своей Насте боцман. – Ты дывысь у мэнэ!

– Я и дывлюсь, – ответила Настя. – На вас. Сэмнадцать мужиков на десять черножопых и сидите.

– А чё сделаешь? – сказал электромеханик. – У них автоматы.

Тут вмешался толстяк Закир, автоматом показал женщинам на выход:

– Finish! Finish!

А боцман негромко сказал своей Насте:

– Потравила б ты их...

– Дрысню напусти на них, – подхватил электромеханик. – А мы...

– Так воны ж в мэнэ нэ едят, – объяснила Настя. – У них свий повар.

Тем временем дюжий Саранцев сказал Высокому Сахибу, курившему сигарету:

– Закурить не дашь, белоснежка?

– What? – переспросил тот.

Саранцев объяснил жестами и по-английски:

– To smoke. Cigarette.

Но толстый Закир, подняв автомат, прервал эту беседу:

– Finish! Finish! – И Насте с Оксаной: – Out!

Настя и Оксана вышли из каюты. А Сахиб, подумав, достал из кармана початую пачку «Мальборо» и протянул Саранцеву. Тот взял всю пачку.

– Thank you...

Закир недовольно рявкнул на Сахиба по-сомалийски, оба вышли из каюты, и тут же к пачке «Мальборо» потянулись руки всех пленных моряков.

А Настя и Оксана вернулись на камбуз, где Лысый Раис сыпал какие-то специи в кастрюлю со своим козлиным рагу.

– Засранец, – проворчала Настя, – стырил мою «Вегету».

Из второй кастрюли с готовыми макаронами Настя больше половины переложила в судок и посмотрела на Лысого, сказала ему по-русски:

– Ну, ты идешь наверх?

Как ни странно, он ее понял.

– Yes, I am ready.

И снял свою кастрюлю с печи.

Настя подала Оксане судок с макаронами:

– Иди с ним.

Держа в руках судок и кастрюлю с горячей едой, Оксана и Раис поднялись в ходовую рубку. Однако при входе вооруженный охранник пропустил в рубку только Раиса, но остановил Оксану.

– It is for Capitan, – сказала Оксана, открывая судок. – Еда для капитана.

Но охранник забрал у нее судок и сам отнес капитану и старпому. Те переложили макароны в свои алюминиевые миски.

Оксана, стоя в двери в ожидании судка, издали смотрела на капитана.

Между тем Лысый переложил из кастрюли в алюминиевую миску Махмуда лучшие куски горячей козлятины, и Махмуд, почесав себя меж ягодиц, принялся за еду, поглядывая на Оксану и капитана.

– Папа, – издали, от двери сказала Оксана капитану, – как вы себя чувствуете?

– English only! – тут же приказал Махмуд.

– О'кей, – усмехнулась Оксана. – Папа, хау ар ю?

– I'm okay, dear, – отозвался Казин и посмотрел ей в глаза. – And you?

– Thank you, papa! – сказала Оксана. – Thank you for everything...

В ее взгляде было нечто большее, чем благодарность.

26

Между тем всему остальному миру было действительно не до сомалийских пиратов и их пленников. В Ираке взрывались террористы-смертники, в Афганистане шла война с талибами, Европу терзал экономический кризис, Америка, трезвея после выборов Обамы, шла на Вашингтон демонстрациями tee-party, Иран практически в открытую гнал ядерную программу, Хезболла обстреливала Израиль, а Израиль бомбил Хезболлу. Лжеученые запугивали планету глобальным потеплением, лжемедики – свиным гриппом, Уго Чавес и Проханов сулили возврат Сталина, – ну и так далее, мир варился на жаровне незатухающих природных катаклизмов и международных скандалов, и то, что вчера было сенсацией, очень быстро тонуло и забывалось в потоке новых событий.

А неводом для отбора этих событий было, конечно, телевидение или, еще точнее, служба телевизионных новостей, работники которой обязаны выхватывать из этого потока самое важное, стремительно прессовать суть своего улова в одну-две минуты эфира и трижды за день обоймой сенсационных новостей с пулеметной скоростью выстреливать в телезрителя. Причем даже когда никаких по-настоящему важных событий в мире не происходит, телеведущие не могут выйти на экран и сказать, что сегодня в мире ничего, слава Богу, не случилось. Нет, работники службы теленовостей *обязаны* и, конечно, умеют даже из ничего сделать новость и сенсацию...

И после двух-трех лет такой работы у них возникает уверенность в том, что это они делают новости – точно так, как когда-то на улице Правды, в доме номер 24, журналисты газеты «Правда» всерьез сочиняли правду для шестой части света.

Но я отвлекся, извините.

В небольшом операционном зале службы теленовостей шел обычный, в режиме нон-стоп, трудовой день – сотрудники и сотрудницы сидели и стояли у экранов своих компьютеров и, как с медоносными пчелами, общались с разбросанными по всему миру телекорреспондентами, которые вместо меда собирали там урожай новостей и событий. Токио, Багдад, Бостон, Стамбул... Бразилия, Пакистан, Австралия, Якутия... Мир, объединенный Интернетом и Скайпом, сжался до размеров трех десятков компьютерных экранов и стал простой кинолентой или конвейером новостей на манер конвейера сосисочной фабрики.

У одного из таких компьютеров и работала Ольга Казина, а перед ней на экране было лицо их молодого собкора в Греции.

– Греция кипит! – энергично сообщал он. – Тысячи протестующих недовольны антикризисными мерами правительства. Массовые протесты в центре Афин переросли в беспорядки. Горят автомашины, магазины и банки. Чтобы разогнать демонстрантов, полиция применила водометы и слезоточивый газ. Но в пятницу к акциям протеста присоединятся профсоюзы учителей, госслужащих и транспорта...

– Стоп! – приказала Ольга. – Визуальный ряд!

– Всё снято! Посылаю со сжатием, – сказал собкор. – Сама подложишь?

– Конечно. Леня, у меня к тебе просьба. Выполнишь?

– Давай.

– Там у вас есть некто Георгиу Стефандополус, торговец оружием. Ты можешь его найти?

– Тебе его адрес? Наверное, могу. А что?

– Понимаешь, в Сомали пираты захватили судно с его оружием для Нигерии. А капитан на судне мой отец. Мне нужно поговорить с этим греком. Шеф мне не дает командировку, но я за свой счет... Если я прилечу на субботу-воскресенье, ты меня встретишь?

– Оля, ну какой разговор?!

27

В ходовой рубке «Антея» из транзисторов сомалийцев гремела вязкая арабская музыка. Под эту музыку, яростно расчесывая ягодичную промежность, Махмуд бегал взад-вперед и сквозь разбитые окна по-английски и по-сомалийски выкрикивал в сторону фрегата Евросоюза:

– Шакалы! Вонючие гиены! Гётверены!..

Затем он подбегал к капитану.

– Почему они молчат?! Я же назвал сумму выкупа! Десять дней прошло, никто не начинает переговоры!

Поглядев, как Махмуд чешет себя меж ягодиц, Казин спросил:

– Ты хочешь знать мое мнение?

- Да! Говори!
- Откровенно? Или...
- Откровенно! – нетерпеливо крикнул Махмуд. – Давай!
- По-моему, у тебя триппер или гонорея. Но я могу вылечить...

Махмуд ошолобенел:

- Что?.. Что ты сказал?..

Казин пожал плечами:

- Ты же ездил на берег. И теперь так чешешь задницу, что...

Тут Махмуд все-таки пришел в себя и взорвался:

– Это не твое дело!!! Я тебя расстреляю, сволочь! – И, отбежав в другой конец рубки, снова закричал оттуда в сторону фрегата: – Паразиты! Империалисты! Трусливые белые макаки!..

Затем снова почесал себя меж ягодиц, вернулся к капитану и спросил осторожно:

- А ты разве доктор?
- Нет, – сказал Казин, – я не доктор, но вылечить могу.
- Как?
- Буду колоть антибиотики. Пять дней.
- Анти... что? – не понял Махмуд.
- Уколы буду делать. В ягодицы. С лекарством.
- А где ты его возьмешь?

Капитан кивнул на аптечку, висевшую на стене. Махмуд открыл аптечку, выгреб из нее коробки и пузырьки с лекарствами, пластырями и бинтами. Капитан взял у него из рук коробку с надписью «Augmentin».

- А если это яд? – сказал Махмуд. – Если ты хочешь меня убить?

– Я похож на идиота? – Казин кивнул на вооруженных сомалийцев. – Чтобы эти меня расстреляли?

Махмуд непроизвольно потянул руку к ягодицам, чтобы почесаться, но тут же одернул себя.

- О'кей, – сказал он нетерпеливо и спустил штаны. – Давай коли!
- Прямо здесь, что ли? – удивился Казин.
- А что? Тут нельзя?
- Нет, можно... Но сначала я должен измерить твое давление...
- Измерить что?

Казин достал из аптечки аппарат для измерения давления.

– Наша кровь бежит по нашим венам и давит на их стенки, понимаешь? – Казин наложил резиновый жгут себе на локоть, вставил в уши наушники, сжал пару раз резиновую грушу и продемонстрировал на себе, как работает аппарат. – Вот, видишь эту стрелку? У меня давление повышенное. Должно быть 120 на 80, а у меня 150 на 102. Теперь давай твою руку.

Махмуд послушно протянул руку, остальные сомалийцы, глаза, собрались вокруг.

Капитан измерил давление Махмуду.

– Видишь? У тебя 147 на 93. Гипертония. Поэтому ты такой вспыльчивый. Лечиться нужно, а не наркотики жевать! – И Казин показал Махмуду на стол. – Ладно, ложись. Буду колоть антибиотик. Спиной вверх. Только я не могу под эту музыку...

Махмуд, лежа на стол, что-то рывкнул своим сомалийцам. Те тут же выключили музыку. Стало так тихо, что Казин и старпом облегченно перевели дух. Капитан открыл ампулу с Augmentin, набрал лекарство в шприц, поднял его и постучал по нему пальцем, выбивая пузырек воздуха.

Глядя на этот шприц, сомалийцы испуганно заговорили меж собой по-сомалийски, а Махмуд, лежа на столе с оголенной черной задницей, начал трусливо дрожать.

– Да не дрейфь! – сказал Казин. – Ничего страшного! Я же себя каждый день колю...
Махмуд закрыл глаза.
И Казин сделал укол в черную ягодицу Махмуда.

28

Греция действительно кипела, и Ольга убедилась в этом, как только в Афинах, в аэропорту прошла паспортный контроль. В зале аэровокзала было настоящее столпотворение из-за отмены рейсов в связи с забастовками. Шум, теснота, крики и плач детей. Растерянно озираясь по сторонам в поисках своего греческого собора, Ольга с трудом протиснулась к выходу на привокзальную площадь. Тут было еще хуже: площадь была забита демонстрантами, они дрались с полицией, полиция включила сирены и пустила в ход дубинки и слезоточивые гранаты.

Ольга попятилась назад, и тут у нее в кармане задрожал и запульсировал мобильник. Она достала трубку и прочла на его экранчике: «Оля, извини! В Афинах такое творится! Проехать никуда невозможно! Вот адрес Стефандополуса: Glifard, Olimpia 27. Возьми такси, это недорого. Ленья».

Дождавшись, когда полиция оттеснила демонстрантов от аэровокзала, Ольга рискнула добежать до стоянки такси, нырнула в машину и повторила шоферу полученный адрес:

– Glifard, Olimpia 27. Faster, please.

Поглядев на нее в зеркало заднего обзора, молодой таксист изумился на сносном английском:

– Fantastic! Сколько в России красавиц! Каждый день – одна лучше другой! И все – к Стефандополусу!

Ольга насторожилась:

– Что вы имеете в виду?

– А я каждый день приезжаю сюда к рейсу из России, – сказал шофер, трогая машину. – Все жду, когда хоть одна красавица прилетит ко мне. А вы все – к Стефандополусу! Кто он такой? Голливудский продюсер?

– Нет, он торгует оружием.

– О-о-о!!! Тогда все ясно!..

По шоссе, в объезд бастующих Афин, такси вымахнуло к богатым пригородам с виллами и парками, пахнущими йодистым морем, цветами и апельсиновыми садами.

– Мы приехали, – сказал таксист, останавливаясь у старинной виллы, утопающей в пальмовых и финиковых деревьях.

Расплачиваясь, Ольга спросила:

– Вы можете приехать за мной через час?

– Не беспокойся, – ответил он. – Я никуда не уеду. Такую красавицу я могу ждать хоть сутки.

– Спасибо...

Выйдя из машины, Ольга направилась к резной старинной калитке и увидела, как укрепленный над калиткой объектив видеокамеры движется вместе с ее приближением.

И не успела она нажать кнопку звонка сбоку от калитки, как радиоголос откликнулся:

– Yes...

– My name is Olga, – ответила Ольга в неведомо где скрытый микрофон. – I have an appointment with Mr. Staphandopolus.

Калитка автоматически открылась.

Махнув таксисту рукой, Ольга вошла и по гравийной дорожке кипарисной аллеи пошла к вилле, окруженной рощей из мандариновых и финиковых деревьев. Вдоль аллеи стояли антич-

ные скульптуры, за ними открывался вид на бассейн, а дальше – частный пляж и морская гладь с яхтами на горизонте.

У парадного входа старинной виллы тоже стояли античные скульптуры, но дверь была открыта настежь.

– Алло! – сказала Ольга. – May I come in?

Но никто не ответил, и Ольга, придерживав шаг, вошла.

Вестибюль – огромный, как зал, – был увешан гобеленами и коврами ручной работы, а в центре зала стоял то ли серебряный, то ли платиновый барс в натуральную величину и килограмм эдак на семьдесят.

– Hallo! – повторила Ольга. – Mr. Stephandopolus!.. Is anybody here?

Никто не ответил, и Ольга осторожно прошла дальше на доносящийся издали стук.

И в следующем зале ей открылась странная картина. Под потолком из золотой лепнины, среди ампирной мебели времен Людовика Четырнадцатого и стен, сплошь укрытых античными гобеленами и дорогими картинами в тяжелых золоченых рамах, – посреди всей этой старинной роскоши, в центре зала, за столом с гнутыми золочеными ножками сидели на античных же стульях трое стриженных под «быков» 30-летних верзил в мокрых пляжных трусах и об край ампирного стола отбивали сушеную воблу. На столе, на газете «Советский спорт» был натюрморт в духе советских нон-конформистов – два ящика пива «Будвайзер», гора сушеной воблы и «браунинг». А под столом, на дорогом наборном паркетном полу – пустые пивные бутылки и пляжные полотенца.

Отпив из бутылки, один из верзил махнул Ольге рукой и сказал по-русски:

– Давай заходи! Пиво будешь?

Ольга растерялась:

– Я... я к господину Стефандополусу...

– Ну, я и есть... – сказал верзила. – Сидай. Я – Жора Степанюк, а по-гречески Георгиу Степандополус. – И «быкам»: – Пацаны, у меня прием. Там на кухне е щэ пиво и вобла. Пошуйте...

Двое верзил поднялись и, прихватив по четыре бутылки пива, вышли.

– Я это... – сказала Ольга, с трудом включаясь в ситуацию. – Я по поводу «Антея», а точнее – груза, который вы отправили в Нигерию...

Жора открыл бутылку «Будвайзера» и поставил ее перед Ольгой.

– Сидай. Вобла астраханская, братаны учора привезли. Вот, бери, отбитая.

Ольга осторожно села на край кресла.

– Спасибо. Я выяснила насчет этого груза. В страховой компании Ллойда он застрахован на 10 миллионов долларов. А на самом деле это оружие, конечно, стоит дороже – там одних танков 42 штуки. Поэтому я думаю, что вам есть смысл принять участие в переговорах с пиратами о сумме выкупа и разделить ее с судовладельцем. Я была в Лиссабоне, встречалась с хозяином «Антея». Он сказал, что если вы разделите с ним расходы...

Во время этого монолога Жора, не глядя на Ольгу и отхлебывая пиво из бутылки, сильными пальцами продолжал разминать и крошить воблу. Ольга поневоле засмотрелась на эти пальцы – они были короткими, толстыми и мощными, как механические клещи. Но тут Жора перестал крошить воблу, вытер руки льняным рушником, встал, обошел стол, зашел к Ольге со спины и этими же руками, как клещами, взял ее за шею.

– Трусики сама сымешь? Чи порвать?

Чуть подумав, Ольга ответила:

– Конечно, сама. Я их только утром купила.

– Умница, – сказал Жора, не убирая рук. – Сымай.

– Сидя не могу. Нужно встать.

– Капито, – по-итальянски согласился Жора, но рук с ее шеи не убрал. – Вставай.

Ольга стала медленно подниматься и на подъеме локтем саданула Жору в пах с такой силой, что Жора охнул и рефлексивно согнулся в пояснице. В тот же миг Ольга на развороте с силой ударила его двумя сцепленными руками по затылку, и Жора, падая, почти переломился, а Ольга тут же заломила ему руки за спину, села сверху и удержала его правую руку болевым захватом.

– Ни звука, понял? Пикнешь – сломаю!

– Понял. Пусти... – хрипло отозвался Жора, прижимаясь щекой к паркету.

– А ты свои трусики сам снимешь? Или мне их порвать?

– Чего-о??? – придушенно изумился Жора.

– Повторяю. Свои трусы сам снимешь или мне их порвать?

– Ты шутишь?

Ольга подтянула ему руку так, что он застонал от боли.

– Сам... сам сниму... Пусти...

– И запомни: у меня с двенадцати лет черный пояс по карате. Рыпнешься – башку сверну!

Изогнувшись и протянув руку к столу, Ольга дотянулась до «браунинга», взяла его, умело проверила магазин и, убедившись, что «браунинг» заряжен, поднялась с ним на ноги, отошла от Жоры.

– Ну вот, – сказала она, держа Жору на мушке. – Теперь вставай, но медленно.

Жора встал.

– Снимай трусы.

– Чё? В натуре?

– Снимай, я сказала!

– А чё, – ухмыльнулся Жора, стягивая плавки. – Трахаться будем?

– Ага, сейчас...

Свободной рукой Ольга достала из своей сумочки мобильник и стала фотографировать Жору без трусов.

– Шо ты робыш? – испугался он.

Ольга вскинула «браунинг».

– Заткнись! Стоять!

И, продолжая держать Жору под прицелом, свободной рукой нажала несколько кнопок на мобильнике.

– А шо ты делаешь? – с беспокойством спросил Жора.

– Ну так красота ж какая! – Ольга кивнула на его пах. – И в фас, и в профиль! Я ее по Интернету отправила своему адвокату. А теперь слушай меня внимательно. Я дочь капитана «Антея». У него диабет, а инсулина осталось на несколько дней. Поэтому если ты и судовладелец сегодня не начнете переговоры о выкупе, завтра эти фото будут во всех газетах. Ты усек?

Жора молчал.

– Я спрашиваю: ты понял?

– Понял... – принужденно ответил Жора.

– Это не всё. Еще две вещи. Во-первых, имей в виду: я знаю, где твои украинские поставщики взяли эти танки, пушки и все остальное. Под Харьковом, на складах бывшей советской базы. Вы сначала вывезли это оттуда, а потом устроили там пожар и все списали, будто оно сгорело. Но если с моим отцом что-то случится... Ну, ты понял... Бросай мне свои трусы. – И, спрятав мобильник, прикрикнула: – Давай бросай!

Жора вынужденно бросил ей свои плавки, она поймала их свободной от «браунинга» рукой.

– Гуд! Я пошла.

И, брезгливо держа двумя пальцами Жорины плавки, Ольга вышла во двор, по той же кипарисной аллее проследовала к воротам и калитке. Возле калитки остановилась, посмотрела

в объектив камеры слежения и демонстративно положила Жорины плавки на цветочный куст. Затем подошла к калитке, направила браунинг на магнитный замок и спросила в невидимый микрофон:

– Стрелять? Или откроешь?

Калитка стала автоматически открываться, но Жорин голос сказал по радио:

– Подожди, я маю вопрос...

– Ну? – задержалась Ольга. – Что?

– Ты сказала «во-первых». А шо во-вторых?

– А-а! – Ольга усмехнулась. – Во-вторых, я тебе советую сделать обрезание.

– Что?! – изумился Жорин голос. – Навищо мэни обрезание?!

– Ну, прежде всего это красиво... – И Ольга, выйдя из калитки, умело разрядила «браунинг», швырнула его через плечо обратно на территорию виллы.

Греческий таксист испуганно смотрел на это из окна своего старого «мерседеса».

Ольга села в такси, закрыла дверь.

– Let's go!

– Ты... – в ужасе сказал таксист. – Ты его убила?

– Пока нет. Поехали.

Таксист, облегченно выдохнув, перекрестился и тронул машину.

– Святая Мария... – бормотал он. – Нет, больше я ваши самолеты не встречаю...

Машина помчалась в сторону Афин. Но, увидев дорожный указатель с надписью «ATHENS», Ольга сказала:

– Нет, мы не едем в Афины. Любой другой аэропорт.

– Понял... – послушно откликнулся таксист и круто свернул под указатель «SALONIKI».

29

Держа на руках поднос с вареной головой барана и бараньими яйцами, Махмуд поднялся в ходовую рубку «Антея» и протянул поднос капитану. Казин посмотрел на него с недоумением.

– Голова барана и бараньи яйца! – с торжественной улыбкой на своем черно-шоколадном лице сказал Махмуд. – За то, что ты меня вылечил! По нашему обычаю – самый большой знак уважения! Кушай!

– Спасибо, рахмат, – ответил Казин. – Ты правда хочешь отблагодарить за то, что я тебя вылечил?

– Конечно! Проси что хочешь! Только не проси, чтоб я вас отпустил.

– Понимаю. Верни нам икону.

Махмуд с секунду пристально смотрел ему в глаза, затем повернулся к одному из постоянных охранников, что-то резко сказал ему по-сомалийски, и охранник выбежал из ходовой рубки.

А Казин взял у Махмуда поднос с головой барана, положил на стол.

– Как это едят?

– Очень просто, смотри... – Махмуд достал финский нож и одним ударом вспорол баранью голову, вывалил на блюдо мозги.

Тут прибежал запыхавшийся охранник с иконой Николая Чудотворца в руках. Махмуд кивком показал, чтобы он отдал ее капитану.

Взяв икону, Казин осторожно обтер ее рукавом и вместе со старпомом повесил в угол, на место. А повесив, оба – и Казин, и старпом – перекрестились и поклонились Святителю.

– Спаси и сохрани...

И в тот же миг по динамику УКВ прозвучал голос радиста фрегата:

– Капитан «Антея»! Капитан «Антея»! Фрегат Евросоюза вызывает капитана «Антея». Прием.

Казин вопросительно посмотрел на Махмуда.

– Можешь ответить, – щедрым жестом отмахнулся тот.

Казин взял микрофон УКВ.

– Фрегат Евросоюза! Я капитан «Антея». Прием.

– Капитан «Антея», вас вызывают Афины, Греция, – сказал радист «Сириуса». – Соединяю.

Вслед за этим послышался другой мужской голос:

– Алло! Алло?!

– Слушаю вас. Говорите, – сказал Казин.

И в далекой Греции Жора Степанюк-Стефандополус, лежа в шезлонге у своего плавательного бассейна, сказал в телефонную трубку:

– Слухай, мужик! Ты капитан?

– Да, – удивился Казин. – Слушаю вас.

– Скажи этим макакам, блин, шо пятьдесят лимонов не катит! Не катит, бабэнэ?

– А кто это говорит?

– Это я говорю, я! Жора Степанюк. Ну, Георгий Стефандополус. Короче, хозяин груза.

– Одну минуту! – быстро сказал Казин и повернулся к Махмуду, пояснил по-английски: – Это поставщик оружия, хозяин груза. – И снова в микрофон: – Мистер Стефандополус, тут рядом со мной сомалийский командир, будете с ним говорить?

– Да на хрен он мне нужен?! – отозвался Жора. – Просто скажи ему: пусть передаст своим козлам, кто там над ним, шо пятьдесят лимонов не катят! И усё, понял?

– А сколько вы готовы заплатить?

– Да ни хрена! – Жора, распаляясь, встал и пошел вокруг бассейна с трубкой в руке. Но сказал приватно, понизив голос: – Слушай, капитан! Имей у виду: сомалийцы – это фуфло, просто быки. А усем пиратством там белые заправляют, у том числе наши. Они при эсэ-сэ-сэр братску помош оказували, шось-то строили там. А когда эта сэ-сэрия накрылась, они там zostались и усэ, шо построили, захапали. А зараз и пиратство крышуют, догоняеш? Но мы им ничего платить не будэм – у мэнэ весь груз застрахован на десять лимонов. Капито? Так шо выгрузи оте сраные танки, и хай воны катаются у них по своей Сомалии. А мы получим страховку, и ты у доли. Усек?

Казин посмотрел на Махмуда.

– Господин Стефандополус, – сказал он в микрофон, – нас патрулирует фрегат Евросоюза, они не дадут выгрузить даже зажигалку. Вам придется заплатить выкуп, иначе сомалийцы утопят судно, а нас расстреляют.

– Да гонят они! – усмехнулся Жора. – «Расстреляют»! Ты им скажи, кто я такой! И пусть приезжают в Афины, я им такую поляну накрою и таких телок подгоню...

Конечно, Жора Стефандополус обязан был если не знать, то предположить, что его слышит не только капитан «Антея». Но даже если он знал это, то по свойственной таким бизнесменам привычке он на это «забил». Между тем в ходовой рубке «Сириуса» его слышал не только радист фрегата, который помог этому разговору состояться, но и русско-английский переводчик, который переводил этот разговор командиру «Сириуса».

А в ходовой рубке «Антея» Махмуд, вслушиваясь в эту беседу, даже повернулся к старпому:

– Что он говорит?

Старпом усмехнулся:

– Мистер Стефандополус приглашает вас в гости, в Грецию.

– Слышь, капитан? – продолжал Жора. – Эта твоя дочка, вона тут була у мэнэ. Короче, ты можешь дать мне ее телефон?

– Оля?! – изумился Казин. – Она была у вас?! Когда?

– Ну, «когда», «когда»! Сёдня! Клевая деваха! У ней мои фотки. Короче, она меня клацинула, и я хочу те фотки выкупить. Скажи ей. Скажи, шо Жора Стефандопулос хоче бачить ее на нейтралке. Любое мисто – Париж, Лондон, Монте-Карло...

– Георгий, – остановил его Казин, – вы не понимаете ситуацию. Мы в плену, у нас отняли все мобильные телефоны, отключили связь и компьютеры...

– Иди ты! – удивился Жора. – В натуре? Вот козлы!

– Это бесполезный разговор, – вдруг сказал переводчику командир фрегата. – И приказал радисту: – Отключайте.

Радист послушно отключил связь.

Но Жора продолжал в онемевшую трубку:

– Аллё! Аллё!! – и в досаде швырнул ее на лежак у бассейна. – Блин!

А на «Антее» Махмуд снова ткнул автомат под ребро капитану.

– Что он сказал? Он будет платить или нет?

– Конечно, будет. Куда денется... – устало ответил Казин.

– А когда? Сколько?

Казин пожал плечами:

– Переговоры начались – уже хорошо. А когда они кончатся...

Он развел руками и, подойдя к иконе, в пояс поклонился Николаю Чудотворцу, сказал негромко:

– Святитель Николай, спасибо за благую весть про дочку. Благодарствую...

Часть третья

Цейтнот

«Тут вызвался он выучить меня играть на бильярде. “Это, – говорил он, – необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придешь в местечко – чем прикажешь заняться? Ведь не всё же бить жидов. Поневоле пойдешь в трактир и станешь играть на бильярде; а для того надобно уметь играть!”»

А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»

30

– Они как-то странно играют, – сказал третий помощник, глядя через открытую дверь из каюты пленников в коридор, на своих охранников.

Действительно, сидя в коридоре у открытой двери каюты с захваченными моряками, сомалийцы, отложив рации и воки-токи, но не снимая с плеч «калашей», яростно сражались в домино. Спорили при каждом ходе, вскакивали, чуть ли не дрались. Но странность была не в этом. Просто играли они не по-русски.

– Против часовой, – уточнил электромеханик. – У нас по часовой, а у них...

– И «дупли» показывают, видишь? – сказал третий помощник.

– «Дупли», похоже, они отбивают и считают очки... – присмотрелся электромеханик.

Тут один из сомалийцев – тот самый Высокий Сахиб, который угощал пленных сигаретами, – пойманный на мухлевке, вскочил и ринулся бежать. Но Лысый Раис проворно дал ему подножку, а остальные тут же набросились, скрутили мухлевщику руки за спину, прижали животом к полу и привязали ноги к рукам. А потом продолжили игру как ни в чем не бывало, хотя Сахиб лежал на полу колесом и стонал явно от боли в вывернутых плечах.

Третий помощник и электромеханик переглянулись, решительно перешагнули через спавшего у двери моряка и подошли к открытой двери.

Сомалийцы испуганно схватились за автоматы, но электромеханик показал на костяшки домино, а третий помощник сказал:

– Can we play?

Сомалийцы посмотрели на Лысого Раиса.

– О'кей, sit down, – решил Раис.

Третий и электромеханик сели на пол, Раис сказал что-то по-сомалийски одному из пиратов, тот тут же встал и с автоматом на изготовку навис над новыми игроками.

Раис размешал домино.

Пленные моряки – кто оставив книгу, кто прекратив молиться – в роли болельщиков подтянулись из каюты к ее дверям.

– А на что играем? – спросил Лысого электромеханик.

– What? – не понял Раис.

Электромеханик кивнул на связанного Сахиба:

– Давай на его освобождение.

– If we win, you relies him, – перевел Раису третий помощник. – Okay?

– And if we win? – спросил тот.

– Скажи: если они выиграют, мы палубу вымоем, – сказал электромеханик. – Все равно от их дерьма дышать нечем.

– If we loose, we will wash the floor. Okay? – перевел третий помощник.

Раис и остальные сомалийцы восприняли это с большим энтузиазмом, а третий помощник показал им три пальца:

– Three games! Три игры!

– Okay, three games, – согласился Раис, еще раз энергично размешал костяшки на полу, и игра началась.

Пленные моряки-болельщики и свободные от игры сомалийцы напряженно следили за каждым ходом. А больше всех переживал связанный Сахиб.

И на его счастье, русские выиграли со счетом два-один.

31

Вернувшись из Греции в Москву, Ольга не могла найти себе места. Даже намаявшись днем на работе, а вечером со школьными уроками сына, его ужином, стиркой и прочими домашними делами, она не могла заснуть. Отец, который носил ее на руках и на плечах, отец, который горячим утюгом грел ей простыни, когда она болела, отец, который заплетал ей косы и называл «моя Оленька», отец, который лепил с ней снеговиков, научил ее ходить, читать, плавать, смеяться смешному, бегать на лыжах и коньках, любить жизнь, верить в Бога, надеяться на Него и самой пробивать стены головой, – этот отец в плену у каких-то сомалийских пиратов! Подумать только – в XXI веке *пираты*! И он может погибнуть, буквально умереть, если через несколько дней у него кончится инсулин!

Как она могла заснуть, когда где-то там, в Индийском океане с ним в любую минуту может случиться непоправимое?! И ведь всем плевать, всему миру буквально наплевать, никто и пальцем не шевелит – ни правительства, ни военно-морские флоты, ни даже хозяева корабля! Весь мир занят своими делами, словно две дюжины кораблей и четыреста моряков, которых захватили и держат сегодня в Сомали эти чертовы пираты, – это ничто, ерунда, мелочь.

Ольга даже по ночам сидела в Интернете, обзванивала всех, кого могла и не могла, – и знакомых, и правительственных чиновников, и пароходства, и руководителей Интерпола и ЮНЕСКО, – и всюду наталкивалась либо на унылое равнодушие, либо на ничего не значащие обещания...

А утром на ТВ – все те же светящиеся экраны мониторов, рутинный шквал телефонных звонков, рутинная нервотрепка и рутинный дым коромыслом в курилке. Но в кабинете главного редактора Ольга была предельно сдержанна:

– Олег Борисович, на сомалийском пиратстве зарабатывают не только и даже не столько сами пираты, а страховые компании. За проход через Аденский залив они с каждого судна берут по 60 тысяч долларов! А там за день проходит до 300 судов. Понимаете, какие это деньги? И чем больше пираты захватывают кораблей, тем выше поднимается страховка и тем больше доходы у страховых компаний!

– Да? Круто... – сказал Главный.

– Но и это не все! А военные, которые конвоируют суда через Аденский залив? Бесплатно они проводят только корабли своих стран, а с остальных тоже берут деньги! И наконец, в Лондоне адвокатские фирмы, которые специализируются на переговорах с пиратами, – они затягивают эти переговоры на месяцы, поскольку у них почасовая оплата – «всего» 500 евро в час! То есть чем дольше наши в плену, тем больше все на этом зарабатывают!

Но Главный уже знал, куда она клонит.

– И теперь ты хочешь в Лондон?

– Не за ваш счет. Жены моряков прислали мне деньги на поездку...

Главный, раскурив трубку, встал и походкой режиссера Говорухина принялся ходить по кабинету. Наконец он нашел свой имидж, подумала Ольга.

32

Это случилось на четырнадцатый день плена, в самый что ни на есть скучно-рутинный день изнурительной жары и изнурительного, как пытка, ожидания.

С утра Махмуд открыл сейф в капитанской каюте и кивком разрешил капитану достать оттуда последнюю коробку инсулина и упаковку со шпигами. Казин открыл коробку, в ней было пять ампул по 0,5 г каждая. Он вскрыл одну ампулу, набрал инсулин в шприц, а коробку с четырьмя ампулами осторожно закрыл и отдал Махмуду. Тот запер ее в сейф, и Казин сделал себе укол в бедро.

На нижней палубе третий помощник и электромеханик ловили рыбу под присмотром Высокого Сахиба, освобожденного ими от позорного наказания. Чуть поодаль, на корме, рядом с козой, привязанной к кнехту, Лысый Раис, сидя орлом над бортом судна, справлял нужду и наблюдал за рыбаками. А справив, выпрямился, подтянул штаны и, взяв козу за загривок, достал из кармана финский нож и перерезал ей горло. Кровь хлынула алым потоком, он поднял козу за задние ноги над морем и слил эту кровь в воду.

Буквально в тот же миг на эту кровь рванули из глубины акулы, их плавники ножами вспороли воду и закружили вокруг кровавого пятна.

А Раис стал потрошить зарезанную козу.

Поскольку у рыбаков не было никакого улова, Сахиб подошел к Раису, взял из его ведра козлиные потроха и принес третьему помощнику и электромеханику. Те наживили кровавые и еще теплые куски потрохов на крючки и забросили в воду. Акулы тут же нажились на эту наживку. Но одна акула сорвалась вместе крючком, а вторую электромеханик и третий помощник капитана – вдвоем – с трудом вытащили на борт.

Тут на грузовой палубе среди принаитованных танков и гаубиц появились капитан и Махмуд.

– Ну какие пятьдесят миллионов?! Это же старые танки, не новые, – говорил Казин Махмуду и даже ногтем царапнул по краске одного из танков. – Смотри! Покрашены поверх ржавчины. Не то что миллион – я бы за такой и ста тысяч не дал!

– Они стрелять могут? – спросил Махмуд.

– Ну... Наверное, могут. Но...

– Вот! – перебил Махмуд. – А нигерийским идиотам все равно – ржавчина, не ржавчина. Они за эти танки дадут пятьдесят миллионов, а за пушки и снаряды еще пятьдесят. Получается сто. А мы за все требуем пятьдесят!

– Не получите.

– Получу! Вот увидишь!

Казин усмехнулся:

– Нет, не увижу. У меня инсулина на четыре дня...

– А потом?

Казин пожал плечами:

– Без инсулина диабетика не живут.

– Ну что ж! – Махмуд кивнул в сторону фрегата. – Я пошлю им видео, как ты умираешь, и они выкуп быстрее заплатят...

Тут он увидел, как от фрегата отошел катер и направился наперерез моторной лодке, идущей от берега к «Антею».

– Fuck! – выругался он и бегом ринулся по трапу в ходовую рубку.

Глядя ему вслед, Казин едва слышно сказал:

– Что ж... Ты не оставляешь мне выхода...

А в ходовой рубке Махмуд схватил бинокль и выскочил с ним на капитанский мостик.

Вдали катер со спецназовцами фрегата Евросоюза уже подошел к лодке с сомалийцами, везущими на «Антея» несколько коз, бидоны с молоком и мешки с миррой и рисом.

Стоя на капитанском мостике «Антея», Махмуд ясно видел в бинокль, как спецназовцы, проверив бидоны с молоком, отняли мешки с миррой.

Взбешенный Махмуд заорал что-то по-сомалийски Раису и всем остальным пиратам. Бросив все дела, те тут же схватили капитана, старпома и еще нескольких моряков и, толкая их автоматами, потащили на самую верхнюю палубу.

Здесь, на виду у стоящего поодаль фрегата Евросоюза, они липкой лентой связали пленникам руки, заклеили рты и глаза, поставили на колени и заклацали затворами автоматов.

Конечно, с капитанского мостика фрегата это увидел в бинокль вахтенный, тут же доложил командиру, и радист фрегата, немедленно включив связь по УКВ, почти закричал:

– «Антея»! «Антея»! What's going on? Что происходит? Что происходит? Отвечайте! Прием!

На «Антее» Махмуд схватил микрофон:

– Отдайте мою траву, сволочи! Отдайте траву, или я всех пленных расстреляю!

И что вы думаете?

Тут же с фрегата поднялся вертолет и полетел к «Антею». А через минуту, зависнув над верхней палубой «Антея», сбросил на эту палубу реквизированные мешки с травой.

Обрадованные сомалийцы подобрали эти мешки, а Махмуд, с победным видом повернувшись к фрегату спиной, спустил штаны и показал ему свою черную задницу.

Но на этом инцидент не кончился. Торжествуя победу, сомалийцы стали палить в воздух из своих «калашей», но пленным морякам, которые с завязанными глазами все еще стояли на коленях, это показалось началом расстрела, и один из них, палубный матрос Рогожин, упал в обморок.

Тем временем Махмуд достал из сброшенного мешка несколько веток мирры, оборвал листья, сунул их в рот и только после этого, не спеша и жуя траву, подошел к стоящим на коленях пленникам, сорвал липкую ленту с их глаз и с губ.

Моряки стали жадно ловить воздух открытыми ртами.

А поседевший за эти минуты капитан, наоборот, уже еле дышал, шатался и не мог подняться с колен.

Один из сомалийцев включил гидронасос, открыл пожарный кран и мощной струей воды окатил моряка, потерявшего сознание. А остальных пираты погнали с палубы обратно в палубную надстройку.

Моряки с двух сторон подхватили капитана и очнувшегося матроса и увели с собой.

33

«Дворники» едва справлялись с потоками воды на лобовом стекле.

В Лондоне, извините за банальность, шел дождь.

Рассказывая о городе примерно то, что можно прочесть в любом туристическом буклете или справочнике, Александр Шиянов, собкор российского ТВ в Англии, вез Ольгу из аэропорта Хитроу в своем темно-синем «ягуаре» с правым рулем. Если бы не абсолютно чистая русская речь, да еще со старинным московским «аканьем», вы бы никогда не опознали русского в этом человеке. Он был даже не стопроцентный, а 120-процентный британец – абсолютно лысый, лет за 60, с желтым и вытянутым, как марокканская дыня, лицом, пепельными усами и стойким запахом лучшего в мире трубочного ямайского табака. Твидовый костюм с бежевыми кожаными налокотниками, темно-каштановый галстук-бабочка на идеально кремовой рубашке. Тонкие руки в лайковых автомобильных перчатках спокойно лежали на руле машины. Слушая его, Ольга с любопытством рассматривала плывущие за окнами пейзажи в

ряби дождя и дивилась полному отсутствию заборов вокруг даже самых роскошных вилл и домов. А затем пошли лондонские пригороды и улицы с англо-японским островным левосторонним движением, кэбами, регулировщиками в черных касках и резиновых плащах, двухэтажными автобусами и редкими прохожими с черными же зонтиками над головами.

Сквозь косую рябь дождя машина вошла наконец в деловую часть города, и Шиянов запарковал ее у старого трехэтажного особняка, втиснутого меж двух таких же старых особняков. Высунул из машины огромный зонт с гнутой костяной ручкой, открыл его и только после этого вышел из машины, обошел ее и принял Ольгу под этот зонт, повел к подъезду с небольшой вывеской «Glint, Smith & Stevenson Consulting Ltd.».

– Наш пятилетний опыт переговоров с пиратами показывает, что снизить сумму выкупа в первые два-три месяца абсолютно невозможно, – сказал мистер Глайнт, пухленький, не старше тридцати мальчик в очках-кругляшках, сером шерстяном пиджаке поверх черной футболки, нарочито потертых джинсах и с дорогим тонким «Патеком» на левой руке. – Но если вы готовы заплатить миллионов тридцать – пожалуйста, мы с этим Махмудом договоримся хоть сейчас...

Глайнт сделал паузу, глядя на Лэндстрона и Стефандополуса, по Скайпу присутствующих на телеэкранах в конференс-рум компании «Glint, Smith & Stevenson Consulting Ltd.». И бегло посмотрел на Ольгу и Шиянова, которые сидели за темным, из мореного дуба столом напротив него и его партнеров – 40-летних Смита и Стивенсона.

– Конечно, нет, – ответил ему с экрана Лэндстром. – Об этом не может быть и речи.

– Да я и трешки не дам! – хмыкнул Жора Стефандополус на соседнем экране. – Пошли они в...

К изумлению Ольги, у него оказался совсем неплохой английский.

– А раньше чем через три-четыре месяца они на уступки не идут вообще, – сказал Стивенсон, глядя почему-то на Ольгу, и Ольга заметила, как этот сухопарый джентльмен с глубокими залысинами крутит нервными пальцами ножку своего бокала с минеральной водой.

– С ними вообще чудовищно трудно, – поддержал его Смит, рыжий и бородатый толстяк, похожий на разжиревшего монаха. – Утром они еще более-менее вменяемые, а к вечеру нажираются своих наркотиков и становятся агрессивными.

– Кстати, если это тот Махмуд, с которым мы год назад имели дело по судну «Sea Star», то он вообще бешеный, – добавил Глайнт и посмотрел на Стивенсона. – Да, Питер?

– А? – переспросил тот, по-прежнему глядя на Ольгу.

– Я говорю, а вдруг это тот Махмуд, который пять месяцев держал «Star of the Sea»? Помнишь его?

– Они меняют имена... – уклончиво ответил Стивенсон.

Глайнт повернулся к настенным экранам.

– А сколько вы в принципе хотели бы заплатить?

– Ну, судно-то старое, – ответил ему Лэндстром. – Не больше миллиона. А за груз я вообще не дам ни цента.

– Fuck! – выругался Жора и в досаде с силой дернул на себе узел галстука, надетый явно по случаю этого визуального с Англией «конференс-колл». Галстук ему явно не шел и душил его, как петля. – С какой стати им вообще платить, этим макакам?!

Но никто на его вопрос не ответил, все хранили молчание.

– Ну хорошо, хрен с ними! – принужденно сказал Жора. – Я дам двести тысяч, больше у меня нет!

– Ясно, – подытожил Глайнт. – Значит, наша задача сбить выкуп с пятидесяти миллионов американских долларов до миллиона двести тысяч. Правильно?

Смит пожал плечами:

– Это минимум восемь месяцев переговоров.

– А то и все десять, – сказал Глайнт.

– Но по моим подсчетам, вчера у моего отца кончился инсулин, – мертвым голосом сообщила Ольга.

– Мы знаем, – сказал Глайнт. – Мы пробовали связаться с советом сомалийских старейшин, чтобы с их разрешения передать вашему отцу инсулин через командира фрегата Евросоюза.

– И? – спросил Шиянов.

– Они отказываются.

– Для них это еще один рычаг давления, – пояснил Смит и посмотрел на Ольгу. – Извините, мадам, они считают, что чем скорее вашему отцу станет плохо, тем быстрее мы согласимся заплатить выкуп.

– Послушайте, господа! – вдруг обратился Шиянов к Лэндстрому и Жоре. – Десять месяцев переговоров обойдутся вам... – Он повернулся к Глайнту. – Во сколько?

– Я не знаю, – пожав плечами, ответил тот и посмотрел на Смита и Стивенсона.

– Нет, заранее мы не можем сказать, – произнес Смит.

А Стивенсон, продолжая смотреть на Ольгу, вообще не вымолвил ни звука.

– А я знаю, – сказал Шиянов Лэндстрому и Жоре. – Десять месяцев – это... – И он принялся считать на крошечном калькуляторе, извлеченном из верхнего кармашка пиджака. – Двадцать часов в неделю... Пятьсот фунтов за час... Полмиллиона фунтов! Как минимум!

– Извините, – заметил ему Глайнт, – пятьсот фунтов за час переговоров – это было в прошлом году. Сейчас наши ставки выросли на сорок процентов.

– Понятно? – спросил Шиянов Лэндстрому и Жору. – Так не проще ли поднять сумму выкупа?

34

В штурманском отсеке ходовой рубки сомалийцы выстроились в очередь на измерение кровяного давления.

Капитан, измерив давление очередному пирату, сообщал: «117 на 72, нормально» или «125 на 84, слегка повышено, но жить будешь». Иногда делал озабоченное лицо, вооружался стетоскопом, приказывал раздеться до пояса и слушал стетоскопом легкие. Требовал «дыши», «не дыши», «открой рот» и осматривал гланды. При этом у каждого сомалийца спрашивал его имя и результаты обследования записывал в тетрадь. А измерив давление у последнего сомалийца, повернулся к Махмуду:

– Твоя команда здорова. Теперь очередь моей.

Махмуд, пойманный в эту ловушку, усмехнулся после паузы:

– Ты очень хитрый русский!

Казин пожал плечами:

– Я проверил твою команду, теперь проверю свою. Ты ведь должен знать, есть среди нас больные или нет.

Махмуд пристально поглядел Казину в глаза. Но деваться ему было некуда, и через десять минут очередь пленных моряков под охраной чернокожих сомалийцев выстроилась на лестнице-трапе перед дверью в ходовую рубку. Охранники пускали их в рубку по одному, а так называемый медосмотр Казин проводил под пристальным наблюдением Махмуда и Лысого Раиса. И все-таки замысел его удался – слушая легкие своего третьего помощника, он приказывал:

– Дыши... Повернись... Глубже дыши... – И негромко: – Жалуйся на что-нибудь. Кашляй...

Третий старательно кашлял и сочинял:

– У меня почки болят, вот тут...

- English! – приказал Махмуд.
- I don't know as «почки» in English...
- He has pain in kidneys, – объяснил Казин Махмуду. – Do you know what kidneys are?
- No, – признался Махмуд.
- So let me make my job in Russian, – сказал Казин и ребром ладони стал стучать своего третьего помощника по спине и по ребрам. – Жалуйся еще на что-нибудь.
- Если честно, запоры мучают...
- Еще бы! Одни макароны. И без движения. Открой рот! – Казин заглянул ему в горло и сказал как бы между делом: – Никто нас не выкупает, пора самим освободить судно...
- Как? – удивился третий помощник.
- Шире рот! У них три основных поста охраны – наша ходовая рубка, ваша каюта и машинное, так? Высунь язык! Нужно хронометрировать все их дежурства – когда они спят, когда едят, даже когда ходят в сортир. Понял?
- И потом? – спросил третий.
- Потом я скажу потом... – Казин стал записывать в тетрадь результаты медосмотра. – Только никому. Я сам подберу, кто нам нужен. Следующий!
- Моряки входили по одному, и Казин вел с ними такие же приватные разговоры.
- Дыши!.. Не дыши!.. – приказывал он старшему механику. – Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Открой рот! Твоя задача: заготовить все, чем можно забаррикадировать рулевой отсек. И по моему сигналу мгновенно ликвидировать ваших охранников. Кашляй...
- Что?! – старательно кашляя, изумился старший механик. – Как их ликвидировать?
- Не знаю. Думай. Здесь болит?
- Ужасно! Ну, ликвидирую, и что потом?
- Скажу в другой раз! Следующий! Next!
- Старшего механика сменил боцман, но с ним диалога не получилось.
- На хрена мэни якысь-то давление мэрать? Я у порядку! – заявил он.
- Знаю. Ты свободен.
- За боцманом следовал электромеханик.
- Ваша задача: во время игры в домино разыграть инфаркт или приступ аппендицита – такой, чтоб «снегурки» привели меня к вам. Дыши! Глубже дыши! И когда я приду, мы все вместе вырубаем вашу охрану и бегом – в рулевой отсек.
- И что? – спросил электромеханик. – Их полно остается на палубах...
- Кашляй! А мы – все до одного – баррикадируемся в рулевом и ждем, пока фрегат нас освободит, – посвятил его Казин в свой замысел. – Всё, свободен! Следующий!
- Следующим был двухметроворостый Саранцев. Между командами «дыши – не дыши» он сам сказал капитану:
- Андрей Ефимович, я больше не могу.
- Что ты не можешь?
- Я кого-нибудь из них прибую и – за борт. Доплыву до фрегата.
- Ага, – сказал Казин. – Давай прыгай! Там акулы видел какие? Глубже дыши! Кашляй!
- И слушай меня внимательно...
- А когда очередь дошла до Оксаны, Казин между командами «дыши – не дыши» и ей дал задание:
- Вы должны начать кормить и сомалийцев.
- Но Лысый сам для них готовит, боится, что мы их отравим.
- А вы давайте ему попробовать из нашего котла.
- Да он и так... Даже не пробует, а жрет!
- Ну вот. И постарайтесь так их кормить, чтобы в сон тянуло. Ясно?

И теперь для семерки избранных заговорщиков иссушающее безделье плена наполнилось делом жизни и смерти. Старпом, старший механик, второй и третий помощники, электро-механик, дюжий моторист и палубный матрос следили за своими охранниками-сомалийцами, когда те несли вахту на палубах, в ходовой рубке, в коридорах палубной надстройки, играли в домино, ели и спали. А Оксана и Настя, взяв у Лысого Раиса несколько кусков козлятины, приготовили такие макароны по-флотски, что Раис побежал угощать этим лакомством самого Махмуда.

Но во время очередного медосмотра заговорщики доложили капитану о своих сомнениях.

– Андрей Ефимович, допустим, мы все рванем в рулевой отсек и запремся там. А как на фрегате узнают, что можно атаковать?

– Элементарно. Раз мы не выходим на связь, значит, что-то случилось. Они подождут день-два и...

– А если пять дней?

– Ну, пусть и пять. Все равно.

– Но в рулевом нет никаких продуктов. Как же мы без еды?

– Ничего, голодать полезно.

35

Накрытые все тем же широким шияновским зонтом, Шиянов и Ольга вышли из подъезда с небольшой вывеской «Glint, Smith & Stevenson Consulting Ltd.», прошли сквозь занудный лондонский дождь к мокрому темно-синему «ягуару». Ольга молча села в машину, ее глаза были полны слез.

Шиянов включил «дворники» и тронул машину.

Тут они оба увидели, как из подъезда особняка выскочил Стивенсон, оглянулся по сторонам на поток транспорта и, наплевав на британскую законопослушность, побежал к их машине.

Шиянов притормозил.

Стивенсон подбежал к «ягуару», открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья.

– Мисс Олга! Я сожалею о положении вашего отца! Я вам обещаю... Я буду лично вести переговоры... Я постараюсь сделать все, что смогу...

– Спасибо, – произнесла Ольга. – Thank you.

Шиянов завел машину, и «ягуар» покати по улице.

В зеркале заднего обзора было видно, как Стивенсон, стоя под дождем, смотрит им вслед.

– Стоп! – вдруг сказала Ольга. – Пожалуйста, можно назад?

Шиянов остановил машину и в недоумении посмотрел на Ольгу.

– Вернуться?

– Да, пожалуйста!

С британской невозмутимостью Шиянов дал задний ход.

А Стивенсон с изумлением смотрел на возвращающийся «ягуар». Машина остановилась возле него, Ольга открыла дверцу и сказала:

– А я могу присутствовать при ваших переговорах?

36

УКВ ожил на рассвете, голос радиста «Сириуса» сказал:

– «Антей»! «Антей»! Фрегат Евросоюза вызывает «Антей»! Прием!

Казин сонно поднялся со своего спального мешка (теперь, после его медицинских подвигов, Махмуд разрешил капитану и старпому по очереди спать на спальнике в штурманском отсеке ходовой рубки).

– Да спите вы, я отвечу! – сказал Казину стоявший на вахте старпом и включил микрофон. – «Антей» слушает! Прием!

Махмуд, спавший на спальнике в ходовой рубке, тоже поднялся, произнес недовольно:

– Fuck! Что им нужно, белым макакам?

– «Антей»! – сказал радист фрегата. – По сообщению владельца вашего судна, переговоры о выкупе будет вести лондонская компания «Glint, Smith and Stevenson». Но прежде чем начнутся переговоры, мы должны убедиться в том, что все моряки на «Антее» живы и к ним не применяются пытки и побои. Прием!

– Fuck you! – сказал Махмуд в сторону фрегата и добавил для старпома: – Я никого сюда не пущу, никакую проверку!

– Фрегат Евросоюза! Говорит «Антей»! – сказал в микрофон старпом. – Сомалийский командир говорит, что не пустит на судно никакую проверку. Прием!

– «Антей»! – ответил «Сириус». – Командир фрегата предлагает вам поднять всех моряков на верхнюю палубу. Наш вертолет снимет их на видео, и мы эту видеозапись отправим в Лондон. Прием!

Старпом вопросительно посмотрел на Махмуда.

– Да врут эти шакалы! Я им не верю! – сказал Махмуд.

– Фрегат Евросоюза! – произнес в микрофон старпом. – Сомалийский командир спрашивает, какие гарантии, что после этой съемки переговоры действительно начнутся? Прием!

– «Антей»! Командир фрегата предлагает: если вы покажете нам всех пленных моряков, мы сбросим вам спутниковый телефон для переговоров и всю реквизированную мирру. Over!

Это подействовало буквально магически: уже через минуту по приказу Махмуда вооруженные сомалийцы ворвались в каюту пленных, на камбуз и в машинное отделение, липкой лентой снова связали всем руки и, ничего не объяснив, грубо – криками, пинками и автоматами – погнали опеших и полусонных моряков на самую верхнюю палубу.

– Всё! Прощайте! – твердил своим черепашкам третий механик. – Нас расстреляют! Всё! Расстреляют...

Кто-то на бегу пытался креститься связанными руками, Настя и Оксана плакали, а боцман, Тумба и здоровяк Саранцев матерились по-украински и по-русски.

На верхней палубе сомалийцы построили пленных в шеренгу, а сами с автоматами навскидку стали напротив.

Для пленных, не посвященных в требование командира фрегата, это выглядело как начало расстрела, и здоровяк Саранцев, стоя с краю шеренги, сделал шаг в сторону борта.

Выстрел Лысого остановил его, пуля ударила буквально в сантиметре от ступни моториста.

Саранцев посмотрел Лысому в глаза, а тот подбежал к нему, с силой ткнул автоматом в грудь.

– Don't move! I'll kill you!

Между тем с вертолетной площадки «Сириуса» взлетел вертолет и направился к «Антею».

Держа пленных под прицелом своих «калашей», пираты на всякий случай взвели затворы.

Вертолет подлетел к «Антею», в его распахнутом люке сидел спецназовец с видеокамерой. А пилот вертолета, кружа над «Антеем», докладывал в ларинг:

– «Сириус»! Я вижу только пятнадцать пленных. А сколько должно быть? Семнадцать? Нет, тут только пятнадцать. Прием!

– «Антей»! «Антей»! – тут же по УКВ воззвал радист «Сириуса». – Мы видим только пятнадцать пленных. Где еще двое? Повторяю: предъявите еще двоих! Over!

Махмуд нехотя вывел капитана и старпома на крыло ходовой рубки.

И только после этого вертолет сбросил на палубу пакет со спутниковым телефоном и мешок с миррой.

37

– Говорит телецентр Белой Гавани! Вниманию родственников и близких экипажа судна «Антей», захваченного сомалийскими пиратами! Мы прерываем наши передачи для экстренного сообщения!..

В разных квартирах города дети, смотревшие вечернюю детскую программу, отлипали от телеэкранов и оглашали квартиры криком:

– Мама! Мама! Сюда! Быстрее!..

Жены и матери пленных моряков, бросив кухонные дела, устремлялись к телевизорам.

А диктор сказал:

– Только что из Лондона от нашего корреспондента Ольги Казиной мы получили оперативную видеозапись. Рады вам сообщить, что все моряки «Антея» живы. Включаем...

И на экранах пошла видеозапись, сделанная с вертолета Евросоюза: пленные, со связанными руками моряки стоят на верхней палубе «Антея». При этом опытный оператор-спецназoveц снял их не только на общем плане, то есть всех вместе, но и лица каждого в отдельности. И теперь, увидев своего отца со связанными руками, конопатая шестилетняя Катя в ужасе закричала:

– Мама, это папа! Его сейчас убьют!

И действительно, в полной тишине, без закадрового комментария эти кадры выглядели как сцена расстрела в каком-нибудь кинофильме. Жены и матери моряков, глядя в своих квартирах на телеэкраны, рыдали беззвучными слезами, а в салоне красоты «Ля мур» мать Ольги, глядя на экран, застыла с мороженым в руках...

Слава Богу, хоть после видеозаписи теледиктор сподобился добавить:

– По сообщению нашего лондонского корреспондента, переговоры об освобождении шведского судна «Антей» и его экипажа начнутся в ближайшие дни...

38

В лондонском офисе компании «Glint, Smith & Stevenson Consulting Ltd.» на настенном телеэкране непрерывно, или, как говорят киношники, «на кольце», шла та же видеозапись съемки экипажа «Антея» с вертолета фрегата Евросоюза.

Стивенсон по спутниковому телефону вел переговоры с Махмудом.

Ольга с наушниками на голове молча сидела рядом, а если хотела вмешаться или хотя бы шевелилась, Стивенсон тут же прикладывал палец к губам, не давая произнести ни звука.

– Честно говоря, Махмуд, – говорил Стивенсон, – я прекрасно вас понимаю...

– Нет, не понимаешь! – отвечал Махмуд, с важным видом расхаживая по ходовой рубке «Антея» со спутниковым телефоном в руке. – Вы Панаме за проход через Панамский канал деньги даете? Туркам за Суэцкий канал платите? А почему нам за Аденский залив не платите? А? Это наш залив, наш! И у нас ничего нет – нефти нет, алмазов нет, даже дождей нет! Мы нищая страна! Но Аллах нам дал Аденский залив, чтобы вы платили за него! И будете платить! Клянусь Аллахом!

– Конечно, будем, Махмуд, – успокаивал его Стивенсон. – У вас очень аргументированная и грамотная позиция. Я тоже считаю, что это нужно обсудить в ООН и в ЮНЕСКО...

– Fuck ЮНЕСКО! – перебил Махмуд. – Это мы решаем! Мы, понимаешь? Мы установим плату за проход каждого судна – 10 тысяч долларов! И пока вы не примете наши условия, мы будем иметь ваши корабли, а вы будете платить за них в сто раз больше!

– Я уже согласен! – воскликнул Стивенсон. – Десять тысяч долларов на сто – это миллион. Завтра привезем, договорились?

– Fuck you! Тут оружия на сто миллионов! Я и так снизил вполтину.

Но Стивенсона трудно было вывести из себя даже матерными оскорблениями.

– Ну какие сто миллионов, Махмуд? – увещевал он сомалийца. – Будьте реалистом. Весь груз застрахован на десять миллионов. А вы же знаете правила страхования. Кто станет страховать на десять миллионов то, что стоит сто миллионов? Все делают наоборот. Поэтому хозяин груза не хочет платить. Если он доставит оружие в Нигерию, а это ваши враги, он получит десять миллионов. И если вы утопите это оружие, он тоже получит десять миллионов! Понимаете?

– О'кей! Я согласен на сорок миллионов! Но ни цента меньше! Бай! – И взбешенный Махмуд дал отбой.

Стивенсон вскочил с места.

– Ура! Я сбил десять миллионов!

– За неделю... – горестно сказала Ольга.

И с заплаканными глазами привезла ту же видеозапись врачу, приятелю и ровеснику Александра Шиянова. Врач нажатием «мышки» остановил изображение на крупном плане Казина, долго и пристально рассматривал его, даже лупу поднес к его лицу...

Ольга и Шиянов напряженно ждали.

– Саша, я могу говорить откровенно? – сказал врач по-русски.

Шиянов посмотрел на Ольгу.

– Доктор, я говорю по-русски, – произнесла она. – Можете быть откровенным.

Врач постучал по столу костяшками пальцев и произнес со вздохом:

– Ну что я могу сказать? Дело не в том, как он выглядит сейчас. А в том, что без инсулина диабетик может впасть в кому в любой момент. А может прожить, но не очень долго...

– Сколько? – спросила Ольга.

– Ну, не знаю... При правильном питании – фрукты, овощи, салаты... ну, две недели. Максимум – три... Сколько, вы говорите, он уже без инсулина?

– Думаю, что неделю.

– А вообще, – вдруг сказал врач, – как он в плавание-то ушел с диабетом? Разве это допустимо?

Ольга посмотрела ему в глаза и сказала в упор:

– Нет, недопустимо. Но вы же русский человек. Знаете, как говорили древние греки? «Плывать по морям необходимо, жить не так уж необходимо». Так что у нас в России, если кто-то очень хочет...

– Ну-ну... – Врач посмотрел на Шиянова. – Не знаю... Диабет без инсулина... Если судить по коже его лица, у него есть дней десять...

39

– А я нэ сумлеваюсь, шо Казин нас сомалийцам продав!

С первого дня своего плавания на «Антее» боцман невзлюбил капитана и никогда не называл его ни по имени-отчеству, ни капитаном, ни «Ефимычем», как это чаще всего принято на всех кораблях.

– Як це продал? – то ли удивился Тумба, то ли подыграл боцману.

Остальные моряки невольно прислушались. В каюте было по-прежнему чудовищно тесно, полуголые моряки, отупев от жары и безделья, валялись на полу, разгадывая кроссворды или читая затрепанные детективы и периодически возмущаясь: «Ну, хренотень полная!»

– А так, – ответил Тумбе боцман. – Вин жэ знав, шо воны нас погонят наверх тильки для кино. А ничого нам нэ сказав! А зараз прикните: скільки долларов йому за тэ шоу отвалят?! А? Все молчали.

– Ото ж и воно! – назидательно подытожил боцман. – Вин жэ на мостике живэ, ист з ними, лечит их усих, Махмуда аж от гонореи вылечив! Нашими, между прочим, лекарствами. И чем довже мы тут будэмо у полони, тем бильше будэ таких шоу и вин бильше заробит!..

Тут вошли Настя и Оксана, стали раздавать еду – вареные рожки с бобами.

– Ну чё ты фигню гонишь? – отрываясь от кроссворда и подставляя поварихе свою миску, сказал боцману второй механик. – Ему больше нашего нужно на свободу – у него инсулин кончился!

– Та при чем тут инсулин?! – отмахнулся боцман.

– А при том! У меня отец был диабетик. Он на инсулине восемь лет прожил. А без инсулина они вообще не живут...

– Это вы о ком? – насторожилась Настя. – У кого инсулин кончился?

– У кого... У капитана, – сказал второй механик. – Ему сейчас никаких макарон и вообще крахмалов нельзя. Только гречку да овощи.

Оксана посмотрела на свое ведро с вареными рожками и бобами.

Между тем в машинном отделении толстяк Хасар и плешивый Рамил, взбадривая себя громкой музыкой и катом, вождельно листали глянцевого порножурналы с грудастыми белыми женщинами и зорко посматривали на двух мотористов, сидящих у панели приборов ЦПУ⁴, и на старшего механика, который в глубине отделения с масленкой в руках деловито осматривал гигантские судовые двигатели.

Переглянувшись со старшим механиком, оба моториста – первый и второй – подошли к Хасару и Рамилу, сели рядом и бряцнули об пол коробку с костяшками домино. Перед таким соблазном сомалийцы не смогли устоять, игра началась.

Тут нужно сказать, что вообще-то охрана пленных была у пиратов поставлена совершенно профессионально. Посты были расставлены по всему судну, на всех его палубах, в машинном отделении и в ходовой рубке. Сомалийцы четко, по часам сменяли друг друга, не спускали глаз со своих пленных ни днем ни ночью и постоянно переговаривались друг с другом по переносным воки-токи. То есть осуществить замысел капитана было не так-то просто.

И тем не менее...

Дождавшись когда мотористы увлеклись сомалийцев игрой в домино, старший механик, вымазав лицо машинным маслом, подошел к ним, чем тут же вызвал их радостный смех. При чем мотористы старательно поддерживали хохот сомалийцев, показывали на механика пальцем, кричали: «Нигер! Рашен нигер!» – и закатывались от смеха. Лишь когда они успокоились, механик сказал сомалийцам:

– О’кей, it’s oil, it’s not washable. Can I go to sauna?⁵

Толстый Хасар, утерев слезы смеха, милостиво махнул рукой:

– Go! – и продолжил игру в домино.

Механик отправился в дальний закуток, где находилась судовая парилка. Запер за собой дверь и прислушался. Но сквозь дверь парилки не было слышно ничего, даже арабской музыки. Механик включил горячую воду, спешно разделся и, когда парилка заполнилась паром, при-

⁴ Центральный пост управления (англ.).

⁵ Это масло, оно не смывается. Могу я пойти в сауну? (англ.)

поднял дощатый половой настил, достал из-под него пару двухметровых водопроводных труб и пилу-ножовку, снова прислушался и принялся пилить трубы на метровые куски.

А мотористы под оглушительную арабскую музыку продолжали, громко споря, играть в домино со своими охранниками.

Тем временем на одном из верхних ярусов судна Оксана, гулко шлепнув мокрой шваброй об пол, стала с демонстративным усердием тереть его и драить, разбрызгивая и разливая воду из ведра так, что сомалийцы, дежурившие у каюты пленных, были вынуждены посторониться.

Так, продолжая усердствовать, она со шваброй в руках свернула в кают-компанию, загаженную сомалийцами донельзя. Здесь, не прекращая елозить шваброй по полу, осмотрела полупустые полки с книгами и свалку книг в углу, извлекла потертый и пожелтевший «Медицинский справочник» и сунула его себе за пазуху, под одежду.

И все это время Махмуд со спутниковым телефоном в руке вышагивал по ходовой рубке и ругался со Стивенсоном. Потом в сердцах отшвырнул трубку, выматерился в сторону стоящего поодаль и освещенного огнями фрегата и, жуя кат, закурил. Поостыв и бросив окурочек за борт в черноту африканской ночи, прошел в штурманский отсек и толчком разбудил капитана, спавшего на штурманском столе.

– Да?.. – сонно спросил Казин, открывая глаза.

– Почему все белые идиоты? А? Почему? – требовательно спросил Махмуд.

– А что случилось?

– Ну, они же печатают деньги! Миллиарды! Какая им разница? Почему не хотят напечатать для нас?

– Я же тебе объяснял, – сказал Казин, садясь на столе. – Деньги – это стоимость товара. Вот ты, когда к девушкам едешь, за старуху заплатишь, как за молодую?

– Я – за старуху?! – возмутился Махмуд. – На хрена мне?! Если она старше пятнадцати, я вообще...

– Вот видишь! Этот корабль, когда он был новый, стоил три миллиона. А теперь ему уже тридцать лет, две каюты сгорели, иллюминаторы разбиты, дыры в обшивке и все палубы в дерьме. Если они дают за него миллион – радуйся.

– А танки? Пушки? Снаряды? Нет, ты врешь! Вы, русские, очень хитрые!

– Нет, мы, русские, вам, сомалийцам, всегда помогали. Вспомни Советский Союз – сколько сомалийцев у нас учились? Ты, например, где учился?

– Вы не только нам помогали, – отмахнулся Махмуд. – Вы нашим врагам тоже помогали – Эфиопии, Нигерии, Кении.

– Вот видишь! Мы всей Африке помогали избавиться от колониализма. А теперь ты меня в плену держишь. Это справедливо?

Тем временем в каюте, которую Оксана делила с Настей, возник неяркий свет. Это Оксана включила крошечную лампочку-ночник у себя в изголовье и посмотрела на Настю, спавшую на соседней койке.

Настя крепко спала, похрапывая.

Оксана достала из-под подушки миниатюрную, величиной с ладонь, иконку, поставила ее у своей подушки и, опустившись на колени, принялась молиться. Затем извлекла из-под матраса «Медицинский справочник», открыла на букву «д», нашла статью «ДИАБЕТ» и прочла ее. Дочитав, загнула лист, сунула иконку и справочник на место, выключила свет и заснула.

А Настя, перестав храпеть, открыла глаза, убедилась, что Оксана спит, и осторожно извлекла из-под ее подушки ту же иконку. Поставила ее у своего изголовья и стала неуверенно креститься – сначала справа налево, потом слева направо. Засомневалась и растормошила Оксану.

Оксана открыла глаза.

– Ты чё?

– А як крестятся? – шепотом спросила Настя. – Слева направо чи справа налево?

40

– Вы же хозяин газеты! Неужели вы не можете напечатать наше письмо? У вас что, цензура?

Жены и дети моряков «Антея» стояли в кабинете хозяина городской газеты «Морской путь».

– У нас нет цензуры, – ответил им 35-летний очкарик – subtilный и холеный. – Но вы кому написали? – Он поднял со стола лист бумаги и прочел: – «Уважаемый господин король Швеции! Ваше Величество! Обращаются к Вам жены российских моряков шведского судна „Антей“. Наши мужья уже месяц томятся в плену у сомалийских пиратов, а переговоры об их освобождении намеренно затягиваются вашим шведским судовладельцем...» – Очкарик поднял глаза на жен моряков. – Но нашу газету не читает король Швеции!

– Ничего! – сказала жена электромеханика. – Вы напечатайте! Мы ему пошлем, и он прочтет!

– По-русски? – усмехнулся очкарик.

– Не важно! – сказала жена моториста. – Ему переведут.

Очкарик стал серьезным:

– Вам нужно писать в Европарламент.

– Уже писали, – усмехнулась жена электромеханика. – И в Европарламент, и в ЮНЕСКО, и даже в ООН!

– Толку-то! – сказала жена моториста.

– Дядя, у тебя папа есть? – вдруг спросила шестилетняя конопатая Катя.

– Есть, конечно, – ответил очкарик.

– Катя! – одернула дочку ее мать.

Но Катя сказала ему в упор:

– А тогда ты зачем нам лапшу на уши вешаешь?

41

Под недоумевающими взглядами охранников Оксана выгребла из кухонных морозильников, рефрижераторов и кладовых все, что там было. И стала рыться в грудях пакетов и пачек замороженных бобовых супов, брокколи, картошки и прочих продуктов.

– Шо ты шукаеш? – спросила Настя.

– Гречку и овощи, – не прекращая рыться, сказала Оксана.

– У нас нэма. Навищо тоби?

– Были, я видела.

Настя кинула взгляд на сомалийцев:

– Так воны усе съели.

– Вот, овощи нашла...

Действительно, на дне рефрижератора она обнаружила несколько пакетов замороженных овощей, примерзших ко льду и покрытых ледяной коркой. И пока Настя и Лысый Раис – теперь совместно – готовили макароны, тушеные с козлятиной, Оксана отдельно, в небольшом чугушке тушила овощи.

– Я прочла, – говорила она Насте, – Ефимычу нельзя углеводы, а нужно гречку и овощи. Неужели у нас гречки нет? У тебя же были заначки.

– Так ить звери отымут... – осторожно сказала Настя.

– Дай. У меня не отнимут.

Выждав, когда Лысый отвернулся, Настя сунула руку под плиту, в один из глубоких ящиков с посудой, и достала килограммовый пакет с гречкой.

– Для сэбэ трымала. У мэнэ бабка жареной гречей уси хворобы лечила.

– Как это жареной? Гречку варят.

– Уси варят, а ты пожарь и спробуй.

Оксана открыла пакет, высыпала в сковородку.

Лысый, повернувшись, заметил это и подошел к Оксане.

– What is it? Russian rice?⁶

– Yes, рашен рис, – подтвердила Оксана. – Грязный, для бедных. Dirty, for poor people. Тгу. Попробуй.

Лысый попробовал, но непрожаренная гречка была еще жесткой и твердой, он даже сплюнул.

– No... I am not poor!

Тем временем наверху, в штурманском отсеке ходовой рубки Казин, явно похудевший и осунувшийся, вел очередной врачебный осмотр – сначала сомалийцам, потом своей команде. Стоя в двери ходовой рубки в очереди на медосмотр, старпом, глядя на капитана, сказал в затылок старшему механику:

– Откладывать нельзя. Посмотри на него...

– Я вижу, – сказал механик. – Завтра в обед – годится?

И когда под надзором Махмуда Казин стал слушать старшего механика стетоскопом, стармех доложил:

– Они с утра обжираются своей наркотой, а в обед – рожками с козлятиной. И кемарят...

– Дыши! Глубже! – приказал Казин. – Оружие есть?

– Есть. Трубы нарезаны, всё готово.

– Хорошо. Передай всем: завтра в обед мы их вырубаем. Следующий!

Следующей была Оксана с котелком жареной гречи.

– Что это? – удивился Казин.

Махмуд, прекратив жевать свой кат, смотрел на них испытующе.

– Это гречка, папа. Грызите, папа.

Махмуд, услышав слово «папа», успокоенно задвигал челюстями и стал набирать длинный номер на спутниковом телефоне. А Казин попробовал поджаренную гречку и с удивлением констатировал:

– А вкусно...

– Папа, еще я в справочнике прочла – вам движение нужно, зарядка.

Казин улыбнулся:

– Хорошо, дочка, слушаюсь...

– Шо цэ вона йому дала? – спросил боцман у Насти, стоя с ней в общей очереди на медосмотр.

– Та гречу... – ответила Настя.

Боцман удивился:

– Гречу? А дэ узяла?

– А я дала, со своей заначки.

Боцман глянул на нее непонимающе.

– Так шо ж я, некрещеная? – ответила Настя. – Чоловик можэ вмерты.

Между тем у Махмуда в телефоне были сплошные длинные гудки, и он показал Казину на трубку:

⁶ Это что? Русский рис? (англ.)

– Видишь? Этот британский шакал Стивенсон! Он мне не отвечает! Я уже опустил до тридцати миллионов, а он теперь не отвечает!

И Махмуд, в сердцах бросив Лысому Раису пару слов по-сомалийский, командовал юному Рауну следовать за ним. Вдвоем они по боковому трапу спустились на нижнюю палубу, а с нее – в свой пришвартованный к судну фибергласовый катер.

Стоя в ходовой рубке, капитан и старпом сначала услышали, как взревел ямаховский мотор, а потом и увидели, как катер с Махмудом и Рауном отошел от «Антея» и на полной скорости понесся в сторону берега.

– Поехал за инструкцией на совет старейшин, – сказал старпом.

– К сожалению, утром вернется, – заметил Казин.

– Ни за что! – возразил старпом.

Капитан посмотрел на него с удивлением.

Старпом усмехнулся:

– А к «снегурочкам» нужно зайти?

– Дай Бог! – сказал Казин. – Тогда тут завтра пиратов меньше на два человека...

Часть четвертая

Расплата

«Полно, старуха, – прервал отец Герасим. – Не всё то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании...»

А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»

42

Скоростной поезд «Eurostar» с гулким выстрелом, словно пробка из бутылки шампанского, вылетел из туннеля под Ла-Маншем и стремительно, со скоростью 160 км в час, пока-тил по рассветной Европе. За окнами летели пасторальные пейзажи, освещенные восходящим солнцем, уютные европейские городки и деревни, аккуратно возделанные поля и стада коров – сытые и чистенькие, словно только что вымытые душем Шарко. В 9.07, точно по расписанию, «Eurostar» прибыл на Брюссельский вокзал, и пассажиры – прекрасно одетые и холеные британские бизнесмены и бизнеследи – вышли на перрон. Вместе с ними покинули поезд Ольга и Стивенсон, на привокзальной площади сели в такси и через двадцать минут оказались у полукруглого здания Европейского парламента – штаб-квартиры Евросоюза. У входа предъявили дежурному, в бронежилете, офицеру паспорта, тот сверил их фамилии со своим списком, выдал пластиковые «бэйджи» – пропуска и по рации вызвал сопровождающего. Так, в сопровождении офицера, Стивенсон и Ольга прошли по длинным коридорам верхнего этажа штаб-квартиры вдоль стеклянной стены, за которой был виден Брюссель, и остановились у сектора с глухой дверью и надписью «MILITARY HEADQUARTERS». Офицер нажал кнопку и сообщил в переговорное устройство:

– Mr. Peter Stevenson to see Admiral.

Дверь открылась, за ней стоял молодой сержант-спецназовец. Проверив документы Стивенсона и Ольги, он сказал «Follow me» и повел их по коридору в глубь Военного штаба Евросоюза.

Здесь наружная стеклянная стена была затемнена, а за внутренней было видно большое помещение, разгороженное на офисные кубики. В этих кубиках-кабинетиках сидели за компьютерами офицеры в форме различных родов войск. Сопровождающий, не останавливаясь, провел Стивенсона и Ольгу еще дальше, в чей-то, явно начальственный, кабинет.

И здесь на огромном, в полстены, лазерном экране Ольга увидела весь снятый из космоса Аденский залив с пунктирами проложенных по нему корабельных трасс и разноцветными флажками у каких-то крестиков и точек вблизи побережья.

Сухо поздоровавшись с вошедшими и даже не назвав себя, моложавый адмирал сказал с ходу в карьер:

– Итак, дело в следующем. Вот здесь, в бухте Джубба, двадцать два корабля, захваченных пиратами. Вот ваш «Антей» под охраной нашего фрегата. А вот германский «Hansa Stavanger», захваченный еще раньше, его патрулирует немецкий фрегат «Бисмарк». Конечно, ни нам, ни немцам ничего не стоит бросить на пиратов десантников и перебить их в считанные минуты. Немцы для этого даже доставили на свой фрегат двести спецназовцев. Но в последний момент отказались от операции.

– Почему? – спросил Стивенсон, словно не замечая почти откровенной недоброжелательности адмирала.

– Потому что только в голливудских фильмах Рембо невидимкой проникает на судно и перебивает всю охрану без единого звука, – отбрил его адмирал и, смягчив тон, обратился

к Ольге: – На самом деле, мадам, на всех кораблях есть радары, там виден каждый приближающийся предмет. А сомалийцы получили профессиональную подготовку в тренировочных лагерях разных стран – и в Советском Союзе, и в Афганистане, и еще кое-где. И они очень грамотно охраняют заложников. Смотрите...

Адмирал перешел к другой стене, на которой были приколоты большие фотографии «Антея», «Hansa Saver» и других кораблей.

– Радары стоят здесь, в ходовых рубках, – показал адмирал, – радиус их обзора – до восьми километров. Сомалийская охрана выставлена здесь, здесь и здесь – на всех палубах. А заложники спрятаны здесь, в глубине палубных надстроек, и постоянно находятся под дулом пулеметов. То есть, какие бы Рембо ни были в вашем распоряжении, им нужно как минимум пара минут, чтобы убрать палубную охрану и спуститься к заложникам. А за две минуты можно перестрелять не двадцать заложников, а две сотни! – И адмирал резко повернулся к Стивенсону. – Поэтому, Питер, не хрен водить мне сюда красивых женщин и выставять меня перед ними беспомощным кроликом. Извините, мадам.

– Сэм, – ошарашенно сказал Стивенсон, – я пришел первый раз.

– Первый и последний! – отрезал адмирал. – Больше я тебя сюда вообще не впущу.

Ольга с изумлением следила за этой перепалкой.

– Хорошо, не пустишь, – согласился Стивенсон. – Но сейчас... Ее отец – капитан «Антея», у него диабет...

– И девять дней назад у него кончился инсулин, – перебил адмирал. – Как видишь, я все и сам знаю. Так заплати за него тридцать миллионов! В конце концов всё, что хотят эти сраные сомалийцы, – только деньги!

– Но ты же знаешь...

– Конечно, знаю, – снова перебил адмирал. – У тебя нет денег, ты только переговорщик. Так договорись на три миллиона, на пять. И выкупи людей! А то привел!.. Он, видите ли, герой, сбил цену на двадцать миллионов! А мы тут трусливые курицы, ничего не можем.

– А что ты так нервничаешь? – спросил Стивенсон и вдруг не просто сел в глубокое кожаное кресло, а совершенно по-хамски развалился в нем.

– А то! – ответил ему адмирал и повернулся к Ольге: – Мадам, вы так красивы, что если вы скажете, я сейчас же отдам команду взорвать все сомалийское побережье.

– И вот так всю жизнь! – сказал Ольге Стивенсон. – Стоит мне познакомиться с красивой девушкой, как он на стенку лезет! А еще старший брат!

– Знаете что, Олга? – сказал адмирал, игнорируя Стивенсона. – Я все-таки сделаю вам подарок, покажу вам вашего отца. Посмотрим, как он выглядит. Прямо сейчас...

Он подошел к пульту телесвязи, но не удержался, сказал Стивенсону:

– Но это не ради тебя, засранца. А ради ее оглушительных глаз... – И, включив тумблер, произнес в микрофон: – Фрегат «Sirius»! Фрегат «Sirius», отвечайте!

На экране его настольного компьютера возникло лицо командира фрегата Евросоюза. Картинка, как в Скайпе, была не очень четкая.

– Yes, sir. Слушаю вас.

– Нужна еще одна ТВ-сессия «Антея».

– No problem, sir.

43

Оглушающая сирена «Сириуса» взвыла и понеслась над Аденским заливом, а с верхней палубы фрегата взмыл вертолет и через две минуты завис над «Антеем». Радист фрегата и командир вертолета одновременно потребовали по УКВ и через мегафон:

– Сомалийский командир! Немедленно выведите на палубу всю команду «Антея»!
Повторяю: срочно предъявите весь экипаж «Антея»...

Перепуганный сиреной и вертолетом Лысый Раис заметался по ходовой рубке «Антея».

– Нет командира... – И, высунувшись из разбитого иллюминатора, закричал вертолету: – No comandor! No! Нет командира!..

Но динамик УКВ и усиленный мегафоном голос командира вертолета продолжали требовать:

– Срочно вывести всю команду на палубу!

Лысый по-сомалийски закричал что-то охранникам рубки и сам бросился по внутреннему трапу вниз, вместе с постовыми ворвался в каюту пленных моряков, крича по-английски и по-сомалийски:

– Быстро! Все на верхнюю палубу!

Но никто из лежащих на полу моряков не пошевелился. А боцман сказал:

– Хрена вам, козлы! Досыть з нас шоу устраивать. Тумба, переведи йому!

Тумба, как мог, перевел:

– We are not for show here.

Лысый подбежал к боцману, ткнул автоматом в грудь.

– Stand up! Вставай! Стрелять буду!

Боцман поднял на него глаза и... запел:

– Ниченька мисячна, зоряна, ясная...

– Видно, хочь голки збырай! – подхватил Тумба.

И все моряки подхватили, лежа:

– Выйды, коханая, працею зморена, хоть на хвилиночку в гай...

Лысый, матерясь по-сомалийски, выбежал из каюты, взлетел по трапу в ходовую рубку и, запыхавшись, закричал в микрофон УКВ:

– They refuse! They refuse to go! Они отказываются выходить! Do you want me to shoot them? Хотите, чтоб я в них стрелял?

И спустя минуту командир фрегата доложил по радио брюссельскому адмиралу:

– Сэр, команда «Антея» отказалась выходить на палубу. Русский капитан объясняет: они считают, что мы продаем это видео на ТВ. Что прикажете? Штурмовать судно?

44

Два черных «хаммера» с включенными двигателями мощными фарами снова светили в ночь, в сторону костра, где сидели Махмуд, бородатые старейшины племени и белый безбородый мужчина в хаки. Вторым белым расхаживал у костра и что-то назидательно говорил по-сомалийски.

Но тут у Махмуда зазвонил мобильный телефон, белый прервал свой инструктаж, а Махмуд включил мобильник и стал слушать доклад Лысого Раиса.

– Fuck! – выругался он по-английски и сказал белому: – I need to go, it's urgent!

Белый кивнул, и через пару минут взбешенный Махмуд и юный Раун уже отчалили на своем фибергласовом катере от сомалийской деревни. Сдвоенные моторы «ямахи» на предельной скорости несли его по ночному заливу мимо стоящих на рейде пленных судов к «Антею», освещенному габаритными огнями. По дороге легко – поскольку катер был совершенно пустой – прошли рутинную проверку спецназовского катера фрегата Евросоюза и наконец пристали к «Антею». Махмуд кошкой взобрался по веревочному трапу на борт судна. Здесь его встретил Лысый Раис и, оправдываясь, стал торопливо докладывать что-то по-сомалийски.

Но Махмуд и слушать не стал, врезал Раису кулаком по лицу и рванул к палубной надстройке. Спустя минуту все – и Махмуд, и Раис, и еще несколько сомалийцев – ворвались в

каюту пленных моряков. Махмуд с ходу, прямо с порога пустил автоматную очередь поверх голов проснувшихся пленников, щепы и осколки полетели на них из простреленных переборок.

– Кто? Который? – повернулся Махмуд к Лысому Раису.

Раис кивнул на боцмана, и тут же по приказу Махмуда сомалийцы схватили его, липкой лентой-скотчем связали руки и ноги и волоком потащили из каюты на палубу. Туда же юный Раун притащил Махмуду бутылку виски из капитанского НЗ. Махмуд свинтил пробку, понюхал и, убедившись, что это действительно виски, передал бутылку Лысому Раису, а тот с помощью трех сомалийцев стал насильно вливать содержимое бутылки в рот связанного боцмана.

Боцман выпил ее, захлебываясь и дергаясь из стороны в сторону. После чего Махмуд ударил его по голове прикладом автомата, и боцман без сознания повалился на спину, а Лысый черным сапожным кремом густо вымазал боцману лицо, шею и руки.

Бесчувственного боцмана сомалийцы обвязали веревками, спустили в фибергласовый катер, развязали и в полусидячем положении уложили на пол катера.

Поднявшись на капитанский мостик, Махмуд, а вместе с ним капитан Казин и его старпом наблюдали, как этот катер ушел в ночь, в сторону берега, как его перехватил прожектор «Сириуса».

Конечно, почти тут же к этому катеру подошла надувная лодка со спецназовцами фрегата, и капрал мощным фонарем осветил сомалийцев в нем, а затем и полулежащего на дне боцмана. Глаза у боцмана были закрыты, лицо черно, как у настоящего сомалийца.

– Что с ним? – спросил капрал. – Умер?

– Нет, – ответил Раис. – Пьяный. Виски... – И даже понюхал «пьяного». – Фу! Плохой мусульманин!

Капрал понимающе усмехнулся:

– О'кей. Можешь ехать.

– Thank you...

Лысый дал моторам газ, катер полетел в сторону берега и исчез в темноте.

На капитанском мостике «Антея» Махмуд, все это время нервно жевавший кат, облегченно сплюнул и стал звонить по мобильному телефону – явно кому-то на берег.

А в рубке капитан Казин медленно опустился во вращающееся кресло и негромко сказал своему старпому:

– Все, восстание отменяется.

– Почему? – удивился старпом.

– А ты не понимаешь?

– Но вы уже еле ходите!

– И что? – медленно произнес Казин, с трудом преодолевая слабость во всем теле. – Если мы здесь... перебьем сомалийцев... они на берегу убьют боцмана... Будь другом, принеси бумагу и ручку...

Старпом принес из штурманского отсека ручку и лист бумаги, подал капитану.

– Нет, мне трудно... – сказал Казин. – Пиши... – И стал диктовать: – Я, Казин Андрей Ефимович, капитан грузового судна «Антей»... Записал?... Завещаю своей дочери Казинной Ольге... Пиши, пиши!.. Ну, я же всё, не сегодня-завтра... Пиши: завещаю...

Но тут Махмуд вошел с капитанского мостика в ходовую рубку и сказал капитану:

– О'кей, мастер, до вчерашнего дня я был добрый, никого не бил. Но теперь...

– Что будет... с моим боцманом? – спросил Казин.

– Он будет в яме сидеть! Пока за вас выкуп не заплатят. И скажи своей команде, что если кто не будет подчиняться, тоже в яму поедет. Ты понял?

– Понял.

– О'кей... Дальше. Сегодня был новый совет старейшин. Мы решили... Короче, давай посчитай по-твоему – сколько стоят эти гребаные танки?

– То есть? – не понял Казин.
– Ну чего ты не понимаешь? – нервно сказал Махмуд. – Считай, сколько они реально дадут за это ржавое железо!

45

Спортивная машина с небританским темпераментом пронеслась по пригороду Лондона и с визгом тормозов застыла у небольшого частного дома на Принстон-стрит. Ольга распахнула левую дверцу, выскочила из машины и помчалась в дом, а Стивенсон выключил двигатель, закрыл машину и пошел за Ольгой.

На втором этаже Ольга ворвалась в кабинет Шиянова и бросилась ему на шею.

– Ура! Мы победили! Три миллиона! Мы летим в Кению! Я за вещами...

И бегом унеслась вверх по лестнице в гостевую комнату на третьем этаже, а Шиянов протянул руку вошедшему Стивенсону.

– Поздравляю. Сколько времени займет доставка выкупа?

– Обычно это тянется дней десять.

– Думаете, ее отец доживет?

Стивенсон пожал плечами.

Спустя пару часов Стивенсон и прилетевшие по этому случаю Лэндстром и Жора Стефандополус в сопровождении менеджера «Bank of London» скрипучим старинным лифтом спустились в святая святых – банковское хранилище, и менеджер подал дежурному стопку документов.

– Три миллиона долларов США.

– Не забудьте, – сказал ему Стивенсон, – пираты поставили условие: только 50-долларовыми купюрами.

Менеджер банка кивнул, а дежурный, проверив документы, вышел из своей конторки времен Чарльза Диккенса и ушел за тяжелую стальную дверь в глубь хранилища.

Менеджер банка и трое посетителей остались ждать.

– Пираты боятся фальшивых купюр... – объяснил Стивенсон.

Никто не ответил и не поддержал разговор.

Стальные двери открылись, дежурный в сопровождении двух охранников с явным усилием выкатил тележку-каталку с шестью опечатанными брезентовыми мешками.

Глядя на эти мешки, Жора Стефандополус удивленно присвистнул.

– В каждом мешке – пятьсот тысяч долларов США, – сказал ему менеджер банка. – Хотите проверить?

– Конечно!

Менеджер банка смерил его уничижительным взглядом и, не проронив ни слова, пошел к лифту.

– Козел! – негромко сказал ему вслед Жора, но мешки распечатывать не стал, а, выйдя из банка на улицу, проследил, как вооруженные, с короткоствольными автоматами, охранники в камуфляже загрузили эти мешки в бронированный инкассаторский грузовик компании «Safe Connections Ltd.», который стоял на тротуаре прямо у входа в банк.

А чуть погодя лондонцы могли наблюдать странную процессию: инкассаторский броневик с надписью «Safe Connections Ltd.» под проливным дождем катил по лондонским улицам, следом за ним ехал «ягуар» Шиянова с Лэндстромом и Жорой Стефандополусом, а за «ягуаром» – спортивный «феррари» со Стивенсоном и Ольгой, которая говорила в трубку своего мобильного телефона:

– Господин адмирал! Я вас очень прошу! Пожалуйста, запросите ваш фрегат еще раз связаться с «Антеем»!.. Я понимаю... Но сегодня двадцать второй день, как отец без инсулина...

Но лондонцы, занятые дождем и своими делами, не обращали, конечно, внимания на этот кортеж, и бронированный грузовик, выехав из города в сопровождении «ягуара» и «феррари», за сорок минут добрался до небольшого частного аэродрома и подкатил к реактивному «Гольфстриму» с такой же, как у броневика, надписью по борту «Safe Connection Ltd».

Охранники перенесли в самолет мешки с деньгами.

Открыв свои зонтики, Ольга, Стивенсон, Шиянов, Лэндстром и Жора вышли из «ягуара» и «феррари», а навстречу им из самолета спустился по трапу вооруженный, в дождевике и в камуфляже, представитель компании «Safe Connection Ltd».

– Господа, – сказал он, – власти Кении отказали нам в посадке в Момбаса, там какие-то беспорядки. Придется лететь в Найроби, а там искать другой самолет.

– И? – спросил Лэндстром.

– Это увеличит стоимость доставки, – сообщил представитель.

– Но я уже подписал договор на четыреста тысяч фунтов! Куда больше?!

– Ничего не могу поделать, сэр. Цена страховки вашего груза и его доставки увеличилась на 42 тысячи фунтов. И нам нужен аванс 25 процентов.

Лэндстром посмотрел на Жору Стефандополуса, но тот безучастно пожал плечами – мол, его это не касается.

– Жора, пожалуйста! – взмолилась Ольга по-русски. – Нам нужно лететь!

Жора протянул ей свою открытую ладонь.

– Фотки!

Стивенсон и Лэндстром, не понимая ни слова по-русски, с удивлением наблюдали, как Ольга отдала Жоре свой телефон.

– Держи, – сказала она, – они здесь.

– Все?

– Все! Быстрее! Пожалуйста!

– А те, что ты послала своему адвокату?

– Нет у меня никакого адвоката. И не было.

– Сука! – психанул Жора. – Ты меня развела?!

Но старик Шиянов, который все понял, тут же врезал Жоре по лицу. Жора, конечно, дернулся к Шиянову, но Стивенсон схватил его в обхват.

– Stay! What's going on? Do you want me to call police?

– Вы собираетесь платить? – спросил у Лэндстрема представитель «Safe Connection Ltd».

А тот повернулся к Жоре:

– Вы заплатите половину?

– Да пишов ты! – по-украински ответил Жора, швырнул телефон оземь, ударил по нему ботинком и пошел прочь с аэродрома.

Лэндстром растерянно крикнул:

– Мистер Стефандополос! Я не понимаю...

Жора, уходя, показал ему неприличный жест – но не по-британски пальцем, а кулаком.

– Итак? – сказал Лэндстрому представитель «Safe Connection Ltd». – Вы платите или нет?

Лэндстром со вздохом достал из кармана чековую книжку и стал выписывать чек.

Пилот «Гольфстрима» включил двигатель.

46

С десятков сомалийских алюминиевых катеров и фибергласовых лодок, загруженных сомалийскими старейшинами, козами, бидонами с молоком и мешками с миррой, отчалили от прибрежной деревни и, паля в воздух из «калашей», устремились к «Антею».

– Обрадовались, черти! Выкуп летит! – сказал командир фрегата Евросоюза, переводя бинокль с одной лодки на другую.

А на «Антее» в каюте пленных моряки, стоя у иллюминатора, с недоумением переглянулись:

– Чё, новый захват, что ли?

Подойдя к «Антею», сомалийцы по веревочным лестницам взобрались на судно и лебедками подняли на палубу коз, мешки с рисом, бидоны с молоком и мешки с миррой. Старейшины принялись обнимать Махмуда и его команду, поздравлять с победой. И тут же на верхней палубе оглушительно загрела арабская музыка, сомалийцы, готовя победный пир, стали резать коз, разводить костры и жарить свежую козлятину. Всех пиратов, участвовавших в захвате «Антея», Махмуд великодушно освободил от вахты, на охрану пленных поставил новоприбывших.

А в ходовой рубке слабеющий капитан Казин полулежал на матрасе, на полу штурманского отсека, и Оксана, присев на корточки, кормила его гречневой кашей.

– Все, не могу больше... – прошептал капитан, отстраняя ее руку с ложкой, и повернул голову к старпому. – Вызови фрегат... скажи: пока не привезут боцмана... никакого выкупа...

Оглядываясь на нового охранника – почти пацана, торчавшего у выхода на капитанский мостик и завистливо взиравшего на пирующих товарищей, – старпом вызвал по УКВ радиста фрегата. А переговорив с ним, подошел к этому охраннику, сказал по-английски:

– Командир фрегата вызывает Махмуда. Понимаешь? Махмуда позови. Махмуда!

– Мах муда? – тупо спросил пацан.

– Сам ты мах муда! Не мах муда, а Махмуда! Махмуд! Твой командир, босс!

– О, босс! Аслан! – сказал пацан.

– Хрен его знает. Может, он на самом деле Аслан. Короче, с вашим боссом хочет говорить босс фрегата. Дошло?

Пацан кивнул, шагнул к леерному ограждению мостика и, пытаясь перекрыть оглушительную музыку, заорал что есть сил по-сомалийски:

– Аслан! Иди сюда! Белый начальник зовет!

Но Махмуд, набивший рот козлятиной, пренебрежительно отмахнулся.

– Фрегат Евросоюза! – сказал старпом в микрофон радиосвязи. – Махмуд, он же Аслан, говорить отказывается. Они там жрут на палубе. Я не знаю, что делать. Прием.

Оглушающий звук ревуна фрегата Евросоюза буквально сотряс пирующих на «Антее» сомалийцев.

Охранник испуганно посмотрел на старпома.

– Аслана! Быстро! – приказал ему старпом.

И охранник таким фальцетом заголосил вниз с крыла капитанского мостика, что Махмуд-Аслан соизволил все-таки прервать свою козлиную трапезу и неторопливо, на виду всей своей братии, вальяжной походкой (слегка при этом качаясь) направился в ходовую рубку.

– Это мой ультиматум, – сказал ему по радио командир фрегата. – Пока вы не доставите на судно боцмана и не примете от нас инсулин для капитана, никакого выкупа не будет!

Но Махмуд, уже объевшийся наркотой и козлятиной, лишь хмельно рассмеялся:

– Ты, белая обезьяна! Как ты смеешь мне приказывать? Я вас всех сделал уже! Пошел в задницу!

Стоя в ходовой рубке «Сириуса», командир фрегата что-то по-немецки приказал своему старпому, и тот тут же перевел «телеграф» на «полный вперед».

Рев четырех турбин взорвал воздух и тяжелым гулом полетел над заливом.

Вода бурунами вскипела за кормой фрегата.

Присев на корму и высоко задрав нос над водой, фрегат буквально сорвался с места и на скорости 36 узлов полетел прямо на «Антей».

Сомалийцы, опешив, с открытыми ртами застыли на палубе «Антея», нарастающий рев заставил умирающего капитана открыть глаза, а Оксану, всю в слезах сидящую рядом с ним, тоже повернуться на этот шум.

Между тем фрегат с невероятной скоростью летел прямо на «Антей», словно камикадзе.

Сомалийцы в испуге стали прыгать с борта в воду.

– О'кей! О'кей! – разом трезвея, закричал в микрофон Махмуд. – Я согласен! Я согласен!

На фрегате выключили турбины, и «Сириус» замедлил ход буквально в тридцати метрах от «Антея».

Через час надувной катер фрегата Евросоюза перехватил фибергласовую лодку с двумя сомалийцами, которые везли боцмана к «Антею», и капрал передал этому боцману коробку с инсулином.

– Это срочно! И скажи старпому, чтобы сразу доложил по УКВ.

47

Кениец, начальник аэропорта «Найроби интернэшнл», бессильно развел руками:

– Ни одного самолета... Нету...

– Но мы заказывали! Из Лондона! – Представитель «Safe Connection Ltd» даже достал из кармана бумагу с телексом. – Вот, вы же подтвердили, что самолет будет!

– Ну, будет... Конечно, будет... – ответил кениец.

– Когда? – разом спросили Ольга и Стивенсон.

Кениец пожал плечами:

– Завтра... Послезавтра... Когда прилетит...

– Но мы не можем ждать! У меня там отец при смерти!

– И что? – вдруг разозлился кениец. – У нас в Кении каждый день умирают тысячи...

Поскольку на летном поле действительно не было ни одного самолета так называемой малой авиации, то есть пригодного для доставки выкупа на «Антей», Ольге, Стивенсону и Лэндстрому ничего не оставалось, как понуро засесть в баре аэровокзала с виски для Стивенса и Лэндстрома и с мартини для Ольги.

Вокруг было море чернокожих пассажиров, тюрбаны, баулы, шум, восточная музыка, объявления на кенийском, суахили, французском и английском языках о посадках и отлетах в Касабланку, Танжер, Йоханнесбург и другие африканские столицы. Но туда летали большие старые «боинги», которые не годились для столь деликатной работы, как доставка нескольких мешков с деньгами на палубу морского судна.

Равнодушно наблюдая экзотическую африканскую толпу пассажиров, Ольга вдруг увидела белого седобородого священника в рясе, с крестом на груди и дорожным саквояжем в руке. В сопровождении трех чернокожих священников с такими же православными крестами на груди и дорожными саквояжами в руках он шел мимо бара к выходу из аэровокзала.

Ольга, не веря своим глазам, в оторопи следила за этой процессией. И только когда священники подошли к выходу, она пришла в себя, сорвалась с места и бегом устремила за ними, крича по-русски:

– Батюшка! Батюшка!

Седобородый удивленно остановился в двери.

– Вы православный? – подбежала к нему Ольга.

Священник улыбнулся:

– Да, дочь моя. Я Макарий, архиепископ Кении.

Ольга схватила его руку.

– Батюшка, благословите! Спасите моего отца!..

Выслушав ее, отец Макарий сказал:

– Поехали со мной...

Через час Ольга, Стивенсон и Лэндстром были в Рируте, пригороде Найроби, в православной патриаршей семинарии. История возникновения этой семинарии воистину примечательна. Православие прибыло в Африку в начале XX века вместе с первыми греческими поселенцами, но за границы их поселений оно в то время не выходило. Затем, когда Африка стала освобождаться от европейского колониализма, сюда на завоевание уже не территорий, а душ ринулись все религии мира – от католиков и буддистов до адвентистов седьмого дня. Больше всех преуспели, конечно, католики – используя практически неограниченные финансовые средства Ватикана, они кормили в своих церквях африканскую нищету, строили для нее больницы и школы – и так прикормили к католицизму почти всю Африку. А православие пришло к африканцам только в семидесятые – восьмидесятые годы благодаря дружбе двух изгнанников-эмигрантов – архиепископа и будущего первого президента Кипра Макария III и будущего первого президента Кении Мзее Йомо Кеньятта. Борцы с английским колониализмом, они подружились, находясь в британской ссылке на Сейшельских островах, и, став президентом Кении, Кеньятта подарил своему другу Макарию большой участок земли в Рируте, пригороде Найроби. А Макарий, ставший к тому времени президентом Кипра, построил в этом Рируте здание Митрополии, техническую школу и православную семинарию. С тех пор Митрополия развилась так, что теперь ее 200 приходов охватывают три государства: Кению, Танзанию и Сейшельские острова. Причем во многом благодаря энергии и деятельности нынешнего архиепископа Макария, который приехал в Рирут тридцать лет назад молодым иеромонахом. При нем семинария имени Кипрского архиепископа Макария III выпустила больше ста африканских священников, стала центром африканского православия, а общая численность православных здесь колеблется теперь между 250 и 300 тысячами человек...

Потому в семинарской церкви народу было не меньше, чем в аэропорту. Правда, к изумлению Ольги, лики святых на церковных иконах были сплошь темнокожие, и даже Иисус Христос выглядел африканцем. Но Владыка Макарий молился не Ему, а иконе Пресвятой Богородицы «Целительницы»:

– О, Пресвятая Госпоже Царице Бородице, Высшая всех небесных сил и Святейшая всех святых! Припадаем и поклоняемся Тебе пред всечестным и цельбоносным образом Твоим, воспоминающее дивное явление Твое болящему клирику Викентию...

Толпа чернокожих прихожан, преимущественно женщин, хором вторила этой молитве, повторяя непонятные слова.

– ...и усердно молим Тя, Всесильную рода нашего Заступницу и помощницу, якоже древле дала исцеление тому клирику, тако и ныне исцели наши души и тела, избави нас от всяких напастей и бед; еще же, Госпоже Владычице Богородице, и от уз и темниц освобождаешь...

Молясь со всеми, Ольга вдруг услышала, что в этой молитве возник какой-то ритм, а затем и увидела, как прихожане, не переставая молиться, стали слегка подтанцовывать в этом ритме. И сам Владыка явно перешел на этот танцевальный речитатив:

– О Всепетая Мати, Пресвятая Богородица! Не престай молиться о нас, недостойных рабах Твоих, Славящих Тя и почитающих Тя...

И вскоре вся церковь наполнилась этим африканским танцем-молитвой, и все прихожане, даже сам Макарий, захватив Ольгу, двинулись в танце по кругу. И в этом кругу молящихся и танцующих Ольга вдруг углядела трех молодых белокожих бородатых мужчин.

– Ребята, – сказал в своем кабинете отец Макарий этим бородачам. – Нужно сделать благое дело. Знакомьтесь, Оля. Это мои постоянные прихожане Микола, Богдан и Василий –

украинские вертолетчики. Они тут по контракту. И я думаю, Ольга, что вам их сам Господь послал...

48

Голая и выжженная сомалийская пустыня, похожая на дубленую шкуру старого верблюда, стелилась под грузовым украинским вертолетом. Лишь изредка промелькнет внизу стая косуль или супружеская пара жирафов, а потом снова – голая потрескавшаяся земля и пески.

В вертолете, на алюминиевых сиденьях – Ольга, Стивенсон и Лэндстром. Через дверной проем во фюзеляже Стивенсон и Лэндстром снимали пустыню на свои цифровые камеры, а напротив них сидели механик вертолета Василий, представитель компании «Safe Connection Ltd» и три его сотрудника – все в камуфляже. В ногах у них лежали мешки с выкупом, упакованные в водонепроницаемые контейнеры.

– Мы у Кении третий год, – громко, чтобы перекрыть шум двигателя, говорил Ольге Василий. – А тут, у Сомали, нэма ниякой работы. Тут, вы же бачитэ, одна пустыня. Як тут люды живут – нэ знаю. Тилькы пиратствуют. И е такой слух, шо тэ пиратство белые организували, из Йемена, из Кении. А ваш батько скільки у полони?

– Месяц...

– Так цэ шо! Цэ недовго! Ни, тутешэ пиратство дуже сильный бизнес. На йом усяки страховщики бильше зарабатывают, чем сомалийцы. Вы сами ряхуйтэ – за проход одного карабля через Аденский залив страховщики зараз берут шистдисят тысяч долларив! А за сутки тут проходить колы двисти, коли й триста кораблив! Таки гроши нияки пираты не зарабатывают! Ото й думайтэ хто тут бильшэ пираты – сомалийцы чи лондонски страховщики...

Наконец, преодолев пустыню, вертолет вышел к реке Джубба и Аденскому заливу, и теперь внизу показалась нищая прибрежная деревушка с саманными и глинобитными хибарами, козами, голопузой черной детворой и лодками у речного причала.

Но вертолет потянул еще дальше – к открытой бухте, в которой стояло два десятка плененных судов.

– Ось, бачитэ? – показал на них Василий. – Цэ германский контейнеровоз «Hansa Stavanger», стоит з першого апреля... Оце круизное судна «Indian Ocean Explorer»... Оцэ греческий танкер «Nirayia» – з марта тут... Оцэ тэж танкер «Bow Asir», багамский и тэж с марта... А цэ балкер «Titan»... А цэ «Фаина», украинска, наша... Так, а цэ ваш «Антей»...

Вертолет и правда подлетал к «Антею». Внизу, на загаженной пиратами верхней палубе, плясали и махали руками сомалийцы. Ольга бросилась в кабину пилотов.

– Ребята! Помните? Никакого выкупа, пока мне не покажут отца! Живого!

Пилоты кивнули, Микола, командир, делая облет «Антея», запросил по УКВ:

– «Антей»! «Антей»! Вертолет с выкупом вызывает «Антей». Прием!

В ходовой рубке «Антея» старпом взял микрофон:

– «Антей» на связи! «Антей» на связи! Прием!

– «Антей», внимание! – сказал Микола. – Выкуп будет передан при одном условии.

Повторяю: выкуп будет передан при одном условии. Мы должны увидеть капитана и всю команду на верхней палубе. Повторяю: мы должны увидеть капитана и всю команду на верхней палубе...

Вертолет, медленно снижаясь, продолжал облет «Антея».

С «Сириуса» за этим маневром следили в бинокли командир и весь экипаж фрегата.

Сомалийцы стали по одному, одного за другим выводить на грязную и загаженную верхнюю палубу моряков «Антея». Обросшие бородами, нечесанные, почти без одежды и со связанными за спиной руками, пленные, выходя на палубу, щурились от яркого солнца и ловили глазами вертолет.

Стоя в проеме фюзеляжа, Ольга с напряжением всматривалась в каждую появляющуюся фигуру. Вот вышел боцман... старший механик... электромеханик... повариха Настя... второй механик... вот вывели десятого моряка... двенадцатого... тринадцатого...

Пауза... Она показалась Ольге мучительной, как головная боль перед грозой. И к сожалению, предчувствие не обмануло ее. Капитан Казин умирал в эти минуты. Тело его, истонченное от потери веса и потому сумевшее оттянуть неминуемый без инсулина конец, истерпало и выпило все свои соки жизни и уже не беспокоило его сознание. Оно, это сознание, уже было в том состоянии, которое нужно для отрыва от земного притяжения и полета в невесомость. И, предвкушая этот полет, как гусеница в какой-то пограничный момент предвкушает себя бабочкой, Казин просто обозревал в мыслях свою жизнь, но не подряд, не биографично, а какими-то сполохами и видениями самых милых его душе моментов – первый, еще в мореходке, поход под парусами на «Крузенштерне»... годовалая Ольга пошла ножками по траве и через несколько шагов села на попу...

Какая-то чужая, ненужная сила вдруг прервала эту цепь видений, кто-то сильный и грубый взял его под руки, поднял, сказал, что нужно идти на верхнюю палубу, и не то поволок, не то понес по трапу...

– Папа!!! – закричала Ольга и чуть не вывалилась из вертолета.

Стивенсон и представитель «Safe Connection» схватили ее за плечи, удержали, но она продолжала кричать:

– Папа!!! Па-а!..

Отец сделал ей вялый жест рукой.

А третий помощник крикнул что есть сил:

– Оля! Нужен врач!..

Микола подвел вертолет к центру «Антея», и вертолет завис над судном. Охранники «Safe Connection» подтянули к борту первый – на тросе – контейнер с деньгами.

Увидев его, сомалийцы заорали от радости.

Но Микола сказал в мегафон:

– All of you – get out! I repeat: get out of the deck! All of you!

Махмуд стал по-сомалийски приказывать всем уйти с палубы.

Сомалийцы увели пленных и заперли их – со связанными руками – в той же каюте. А старпом, третий помощник и Оксана унесли с палубы капитана.

Вертолет еще снизился. Когда до палубы осталось метров шесть или семь, охранники «Safe Connection» вытолкнули за борт контейнер с деньгами, и он повис на тросе под брюхом вертолета. А Микола сказал в микрофон УКВ:

– «Антей»! «Антей»! Мне нужен командир сомалийцев! Повторяю: я хочу говорить с командиром!

Махмуд поднялся в рубку «Антея», взял пульт радиосвязи:

– О'кей, что ты хочешь?

– У меня еще условие, – сказал Микола. – Я опускаю тебе деньги на тросе, а ты мне на этом тросе отдаешь капитана. О'кей?

Махмуд вопросительно глянул на капитана, которого старпом, третий помощник и Оксана укладывали на матрас на полу ходовой рубки.

Но Казин отрицательно покачал головой и еле слышно сказал старпому:

– Скажи ему... капитан... уходит с судна... последним... Это закон... – И закрыл глаза.

– Капитан! – стал теребить его старпом. – Андрей Ефимович!

Казин не реагировал, и старпом в панике спешно приложился ухом к его груди. А затем, уже не спеша, подошел к Махмуду, взял у него микрофон УКВ:

– Вертолет и фрегат Евросоюза! Наш капитан умер. Повторяю...

В зависшем вертолете охранники стали подтягивать обратно контейнер с деньгами.

Возмущенные сомалийцы выбежали на палубу и стали орать, грозя автоматами.

Подтянув контейнер, охранники сняли его с троса и сбросили на палубу «Антея». Он упал с гулким звуком, и сомалийцы всей толпой бросились к нему. Тут на их головы один за другим свалились еще пять контейнеров.

Ошалев от радости, сомалийцы принялись рвать эти контейнеры друг у друга из рук, но тут Махмуд выскочил на палубу с автоматом в руках, стал палить в воздух над их головами и отогнал толпу от контейнеров.

Вертолет по вертикальной спирали ушел на последний облет судна. Сверху было видно, как, собрав к центру палубы все контейнеры с деньгами, Махмуд, Лысый, Толстяк и несколько старейшин вспарывали их ножами и принимались делить добычу.

Сидя в вертолете, Ольга тихо рыдала.

49

Разделив деньги, старейшины и основная часть сомалийцев стали разъезжаться от «Антея» на своих лодках и катерах. А Лысый Раис, набив деньгами сумку и карманы, спустился на камбуз, где в самых больших казанах и кастрюлях на всех шести конфорках булькало, томилось и кипело нечто необыкновенное. Это Настя, добравшись до запертых пиратами холодильников и рефрижераторов, готовила такое мясное объедение, что томительно-острый запах шел по всему судну.

Но при появлении Лысого Настя демонстративно взяла в руки нож.

Однако Раиса это не остановило. Подойдя к Насте, он вывалил перед ней всю свою тяжелую сумку с деньгами.

Настя в изумлении уставилась на него.

– Hundred thousand! Сто тысяч! Понимаешь? – воскликнул Раис. – Я король!

– И шо? – сказала Настя.

– Поехали со мной! Будешь королева! Дом купим! Катер купим! Поехали!

– Ты шо, охренел?

– А что? Нигер – не человек? – вдруг закричал Раис. – Не мужчина? Смотри, сколько денег! У твоего есть столько? Это мой третий корабль! А еще знаешь, сколько их будет! Я буду миллионер! Смотри: деньги! – И Раис стал швырять деньги в воздух. – Деньги! – И вдруг заплакал: – Идем со мной, белая женщина! Идем! Пожалуйста!..

Но Настя оказалась непреклонной.

– Ты сначала задницу научись подтирать, – сказала она. – А потом к белой женщине...

Тем временем на самой нижней палубе и в трюме Махмуд, Толстый и еще четверо сомалийцев, оставшись последними на судне, спешно вскрывали ящики с патронами и набивали ими бидоны из-под молока. А Толстый Хасар вскрыл еще ящик с минами и сунул две мины в свою сумку с деньгами.

Из ходовой рубки старпому и третьему помощнику было видно, как, сгибаясь от тяжести, они поволокли к борту судна эти тяжеленные бидоны и сумки.

– Что они тащат? – удивился старпом. – Солярку стырили?

– Я сейчас... – сказал третий помощник и опрометью понесся вниз по трапу.

А Махмуд и его команда, загрузив бидоны и сумки в свой фибергласовый катер, отчалили от «Антея» и с надрывным воем «ямахинских» движков понеслись в сторону берега.

Тем временем третий помощник, спустившись на нижнюю палубу и увидев распечатанные ящики с патронами и минами, все понял. Стремглав взлетев обратно в ходовую рубку, он схватил микрофон УКВ.

– «Антей» вызывает фрегат Евросоюза! «Антей» вызывает фрегат Евросоюза! Срочно отвечайте! Прием!

– Фрегат на связи, – ответили с «Сириуса». – Поздравляем с освобождением. К вам вылетает вертолет с врачом и продовольствием. Прием.

– Фрегат Евросоюза, внимание! Только что от нас ушла последняя лодка с пиратами. Они увезли несколько ящиков с патронами, которые пересыпали в бидоны из-под молока. Прием.

– Вас поняли, – ответил радист фрегата. – Спасибо за информацию. Over!

И сквозь разбитые иллюминаторы «Антея» старпом, третий помощник капитана и все остальные моряки судна увидели, как вертолет, летевший от фрегата к «Антею», вдруг отвернул в сторону и догнал катер Махмуда. Несколько светящихся трассирующих очередей пронзили закатное небо – и яркий взрыв осветил Аденский залив. Взлетевшие в воздух обломки фибerglassового катера упали в его теплые воды, и тут же с десятков акул хищно ринулись в ту сторону...

50

В Белой Гавани, в одной из местных «хрущевок», телефонный звонок оторвал шестилетнюю Катю от игры с котенком. Катя взяла трубку и вдруг закричала от радости:

– Папа! Мама, это папа!!!

И с трубкой в руке побежала на кухню к маме и бабушке.

Семнадцать таких звонков переполошили в тот день семьи экипажа «Антея» в России и в Украине. А на Соловках, в увешанном древними иконами алтаре Анзерского Голгофо-Распятского скита, монах Константин говорил старцу – настоятелю скита:

– Отец Петр, велики грехи мои, и потому, полагаю, не дошла моя молитва до Господа – умер дед моего сына Александра капитан Казин. Наложите на меня епитафию...

Старец пожевал губами и ответил необычно:

– Не суди, раб Божий, Господа нашего, а постигай умыслы Его сердцем своим и душой своей.

Константин удивился:

– Не постигаю я, отец Петр. А каков же умысел в смерти моего тестя?

Старец опять пожевал губами:

– А такой... Тесть твой выполнил Божий промысел – спас свою команду. И на том его земная миссия окончилась. А воспитывать твоего сына – твоя миссия. Постигаешь?

– Так я же удалился от мира...

– Ага... Ты удалился, а Господь тебя обратно возвращает. – И Старец перекрестил Константина. – Иди с Богом, возвращайся к сыну.

Послесловие

По данным Международного морского бюро, в 2009 году сомалийские пираты совершили 217 нападений и захватили 47 судов и 867 моряков.

На момент завершения работы над этой книгой у пиратов в заложниках находилось более 20 судов и 350 моряков.

Из Интернета

Директор Международного бюро мореплавания (МБМ) Поттенгал Мукундан считает, что патрулирование Аденского залива боевыми кораблями не устраняет опасность пиратства. Примером могут служить два захвата – болгарского и греческого судов, причем в первом случае преступники атаковали конвой, охранявшийся кораблями ВМС стран Западной Европы. «Боюсь, в этом году нападений будет больше, чем в прошлом, – отметил Мукундан. – На это указывает сложившаяся тенденция. Победить пиратов очень трудно. Они ушли дальше от берегов Сомали на северо-восток, восток и юго-восток. Нужны более массированные действия».

5 мая 2010 года в Аравийском море, в 350 морских милях к востоку от острова Сокотра (Йемен), сомалийскими пиратами был захвачен танкер «Московский университет» с грузом нефти для Китая. Экипаж танкера состоял из 23 российских граждан, среди членов экипажа были две женщины, всем им по приказу капитана удалось укрыться и забаррикадироваться в рулевом отсеке судна. Более 20 часов моряки выдерживали осаду пиратов, которые стреляли по двери отсека из пулеметов и гранатомета и пытались выкурить моряков дымовыми шашками.

Спустя 20 часов на помощь танкеру пришел противолодочный корабль «Маршал Шапошников», и 6 мая 2010 года морская пехота провела успешную операцию по освобождению захваченного морскими разбойниками судна. Пираты были задержаны, никто из морских пехотинцев и моряков танкера не пострадал.

После проведения оперативно-следственных действий сомалийские пираты были посажены в лодку в 300 морских милях от берега и отпущены на свободу, однако спустя час после этого сигнал их радиомаяка исчез из эфира. По сообщениям прессы, никто из пиратов до берега не добрался.

Командование «Маршала Шапошникова» считает, что спасение моряков «Московского университета» удалось благодаря правильным действиям его капитана и предварительным тренировкам экипажа на случай пиратского нападения.

Ангел с небес Чистая комедия

Сначала была крошечная тьма.
Потом в этой крошечной тьме возник какой-то звук – прерывистый и едва слышный. Словно морзянка.
И она полетела на этот звук...
И вот уже мелькают мимо нее всякие звезды и планеты, а она все несется по Млечному Пути на этот тихий звуковой сигнал...
И наконец, вот откуда этот звук – с голубой планеты, окутанной стратосферой и атмосферой.
Все ближе эта планета, все больше...
Земля!
Уже различимы из космической высоты ее океаны и материки...
Уже пролетает она облака...
А сигнал все слышней, и... ага! вот! – в такт этому сигналу где-то в Евразии пульсирует алая точка...
Она ныряет в облака, со свистом проносится сквозь них и зависает над огромным городом, окутанным ядовитыми парами, дымами и газами...
Но именно здесь, в этом городе, где-то в Сокольниках, звучит этот зовущий сигнал. И она, не раздумывая, ныряет вниз...

Павла Пачевского разбудил противный звонок будильника.

Собственно, он просыпался и еще раньше от невыносимого скрежета на соседней стройке и рева грузовиков за окном, но, проснувшись и чертыхнувшись, Пачевский снова провалился в душный летний сон. А вот будильник... Звонок будильника на тумбочке требовал полного пробуждения.

Не открывая глаз, Пачевский стукнул ладонью по будильнику, снял с живота тяжелую, с увесистой ляжкой ногу жены, сонно выбрался из постели, подошел к окну и грязно выругался – там, во дворе, мусорная машина с чудовищным скрежетом домкратов и звоном битого стекла загружала в свое чрево баки с мусором.

– Блин! – сказал Пачевский в сердцах и, почесывая промежность, побрел через гостиную (она же детская) в туалет.

Ему было 50, но выглядел он на все 58 – в линялой майке, старых сатиновых трусах, с покатыми плечами и рыхлой фигурой. Замороженный жизнью и безденежьем «лузер».

И жена у него была ему под стать – располневшая на картошке и макаронах...

И квартира у них была старая – двухкомнатная совковая малогабаритка, 47 квадратных метров, включая кухню и совмещенный санузел. С затертым ковром на стене, с доперестроечными обоями и не то рижской, не то шатурской мебелью. Впрочем, навесные кухонные шкафчики были точно шатурские, образца 1980 года.

– Паша! – не открывая глаз, позвала жена из спальни. – Паша!

Пачевский с зубной щеткой во рту выглянул из санузла:

– У-у?

– Опять воду не спустил, – сказала жена. – Убью!

Пачевский покорно вернулся в санузел, и оттуда послышался водопад туалетного бачка.

Еще через двадцать минут в потоке прохожих он шел к метро.

Стояло свежее летнее утро, но москвичи не видели его – они тоже спешили на работу. И Пачевский спешил – хмурый, с несвежим лицом, словно и не умывался, и не брился.

И вдруг...

Вдруг дорогу ему забежала красотка лет 27:

– Мужчина, можно с вами познакомиться?

Пачевский шарахнулся от нее, обошел и молча ускорил шаг. Но она не отставала:

– Мужчина, я хочу с вами познакомиться!..

– Да отвяжись ты, блин! – бросил Пачевский в сердцах. – Уже по утрам начали работать!

– Мужчина, я не работаю, я ангел с небес, можно с вами познакомиться?

А он на ходу, чтоб отвязаться:

– У меня нет денег...

А она не отстает:

– Да я без денег. Мужчина!..

Он остановился, сказал враждебно:

– Ну, чё те надо?

– Познакомиться с вами.

– Зачем?

– Вы мне очень понравились.

– Чем я тебе понравился?

– Вы мужчина.

– Тут полно мужчин.

– Где?

– Да вот, вокруг!

– Нет, что вы! Это не мужчины.

– А кто?

– Это носители белковых веществ.

– А я?

– А вы мужчина!

– С чего ты взяла?

– У вас чистая генетика.

Он не понял:

– Чего?

– Ну, вы очень сексуальный. Вот тут... – Она положила ладонь на его ширинку и восторженно: – О да!..

Он ударил ее по руке и оглянулся:

– Ты чё, больная?

И ушел.

Но она пошла за ним.

– Мужчина, подождите!

Он шел, не отвечая, но она увязалась всерьез:

– Мужчина!

Он резко остановился, сказал с досадой:

– Ну чё ты привязалась?! Ё-моё!

А она:

– Пойдемте ко мне, пожалуйста! Или к вам, мне все равно!

Он посмотрел на нее в упор.

Она была очень красива, молода и сексапильна, эдакий не то действительно ангел, не то чертовка с небесно-голубыми глазами и влажными губками.

– Ты из дурдома, что ли?

– Нет.

– А откуда?

– Я же вам сказала: я ангел с небес. Пожалуйста, мужчина, пойдете! – И снова протянула руку к его ширинке.

Но теперь он успел отпрянуть:

– Слушай, отвяжись! Я на работу спешу! – И двинулся дальше.

Но она не отстает:

– Мужчина, зачем вам на работу? Там нет ничего интересного.

– Откуда ты знаешь?

А она на ходу:

– А что там может быть интересного? Кроме Кати, конечно...

Он удивленно остановился, спросил подозрительно:

– Какой Кати?

Она:

– Ну, Скворцовой, из столовой. У нее такая большая грудь. Но она фригидна, честное слово!

Он опешил:

– А ты... ты ее откуда?.. Ты вообще кто? С моей работы?

– Нет, я же вам сказала: я ангел...

Он снова пошел к метро, говоря на ходу, с сарказмом:

– Ага! Ангел с небес!

А она шла рядом, стараясь прижаться к его плечу.

– Правильно! – И всей ладонью взяла его за ягодицу. – Пойдете, мужчина!

Он вильнул задницей, отстраняясь:

– Прекрати! Я милицию позову!

– Зачем?

– Чтоб у тебя документы проверили.

– Не надо! У меня нет документов.

– Как это нет? Ты откуда взялась?

– С третьего кольца.

– С какого еще третьего кольца?

– Венеры. В Параллельной Галактике.

Тут он зашел в метро, а она – за ним.

Перед турникетом была толчея, поскольку – утро, и все спешили на работу.

Двигаясь в потоке людей, он сунул свой билет в прорезь турникета и прошел.

Она поспешила за ним, но створки турникета резко клацнули и сомкнулись перед ней, она испуганно отскочила, не смогла пройти.

А он уже уходит к эскалатору.

Она в отчаянии и громко, на весь холл, кричит ему:

– Мужчина!!!

Он оглянулся и увидел, как она со слезами тянет руки к нему.

– Не бросайте меня, мужчина!

Все, конечно, выставились на них, и он спешно вернулся, перегнулся через турникет, еще раз сунул свой билет в турникет и сказал ей:

– Проходи! Быстрей!

Она, подтягивая живот и как-то сверхъестественно – до струны – ужимаясь в талии, с опаской, на цыпочках и боком пошла мимо створок.

Он схватил ее за руку, протащил через турникет и ушел к эскалатору. А она – за ним:

– Мужчина, большое спасибо...

Ухватившись за его пояс, она зашла, пошатнувшись, на эскалатор и, устояв, тут же опустила руки ниже, к его ягодицам. И обмерла от кайфа.

– Ой, мужчина!..

Он ударил ее по рукам:

– Прекрати!

Но это был уже не тот грубый тон, что раньше, – ему таки польстило ее настырное обожание.

И, стоя рядом с ней на эскалаторе, он, хмурясь, подхватил ее игру:

– Там у вас на Венере все такие?

– Какие?

– Озабоченные.

– Ну конечно! – ответила она, стоя рядом с ним. – Венера же планета любви. – И снова потянула руку к его паху.

Он отстранился:

– Ну хватит! Хватит!

Она испугалась:

– Как это хватит? Уже? – Положила руку ему на ширинку и успокоилась. – Нет, там все хорошо...

– Убери руку! – сказал он негромко.

Но это не помогло – на них уже стали оглядываться окружающие и пассажиры встречного эскалатора.

Он с силой отвел ее руку и держал, не позволяя ей дотянуться до его ширинки.

А она спросила в искреннем недоумении:

– Но почему, мужчина?

– Прекрати, я сказал!

С эскалатора он трусливо убежал к подошедшему поезду, вместе с толпой пассажиров забился в вагон.

И, стоя в уже тронувшемся вагоне, вдруг увидел, как она совершенно непостижимым образом буквально просочилась к нему сквозь плотную толпу пассажиров. А просочившись, оказалась прижатой к его спине, да так, что он спиной почувствовал все ее тело. И невольно закрыл глаза от накатившего желания.

А она зашептала ему в затылок:

– Мужчина, давайте выйдем. Ну пожалуйста! Я вас очень прошу!

Он взял себя в руки и сказал ей вполоборота, через плечо:

– Слушай, откуда ты взялась на мою голову?

– Я же сказала: с Венеры, – честно ответила она.

А он с сарказмом:

– Ага, только что приземлилась...

– Правильно.

– И прямо ко мне?

– Ну конечно! Я еще в космосе получила *тако-ой* сигнал от вашего члена...

Он испуганно перебил ее:

– Цыть!

И повел глазами по сторонам – их разговор явно слышали окружающие.

А она, продолжая прижиматься к его спине, опять приложила руки к его ягодицам, медленно сдвинула одну из ладоней вниз, в промежность его ног и зашептала:

– Ну пойдем ко мне. Пожалуйста...

Окружающие изумленно воззрились на них и даже отодвинулись.

Пачевский вспотел, сглотнул свой кадык и на остановке рывком выдернул ее из вагона.

Поезд ушел, а Пачевский, стоя на платформе, сказал ей в бешенстве:

– Слушай, я тебя сейчас убью! Чё ты хочешь?

Она в изумлении захлопала ресницами:

– Почему вы меня убьете? Я хочу вас любить! Я очень сексуальная! Честное слово! Пои-демте! Вы не пожалеете!..

Он без слов смотрел ей в глаза. Но это действительно были ангельские глаза – чистые и совершенно искренние.

И что-то необъяснимое случилось с Пачевским – он пошел за ней.

– Это какой-то бред! – сказал он на улице. – Куда мы идем?

На столбах висели объявления с корявыми, от руки, надписями: «СДАЮ КОМНАТУ РЯДОМ С МЕТРО. Телефон...» Она на ходу оторвала такую бумажку и опять прижалась к Пачевскому. Воркуя, обняла его за талию:

– Мужчина, мы идем ко мне...

Пожилые прохожие женщины смотрели на них с осуждением.

Под их взглядами Пачевский снял ее руку со своей талии и попытался шутить:

– Ты же только приземлилась. Где ты живешь?

Она показала в какой-то переулок:

– А вот здесь, рядом с метро...

Они зашли в обычный московский двор – пыльный, с мусорными ящиками. Он сказал:

– И сколько мужиков ты сюда уже приводила?

– Нисколько. Я же только прилетела.

– С Венеры?

– Ну да...

– И выбрала Москву?

Она вздохнула:

– Ужасный город! Триста шестьдесят миллиграмм ОВ на галлон кислорода. В шесть раз выше нормы!

Он удивленно посмотрел на нее:

– Ты это... как это?.. Эколог?

– Я женщина, – сказала она и повела его к какому-то подъезду. – Нам сюда...

Он остановился:

– Подожди. У тебя дети есть?

– А как же! Пять.

– Пять?!

– Три мальчика и две девочки. Они близняшки. Настоящие ангелочки! Идем...

– Постой. И они дома?

– Конечно, дома.

– Здесь???

– Нет, они там. – Она показала в небо. – Пошли, не бойся!

В ступоре он вошел в подъезд, стал подниматься за ней по пыльной лестнице. А она уверенно шла впереди, глядя в бумажку, которую сорвала со столба.

На третьем этаже он устало замедлил шаг.

На пятом у него началась одышка.

Но она шла впереди, и ее стройные ножки, бедра, фигурка и сексапильная походка тянули его вверх.

Хватаясь за перила, он стал подтягиваться, помогая своим ногам.

На последнем – шестом – этаже он уже еле дышал, а она уверенно нажала кнопку звонка на какой-то двери. Потом ласково отерла пот у него со лба и положила руку ему на ширинку.

– Сейчас, милый, сейчас! Я знаю: ты уже...

Дверь открылась, на пороге стоял парень лет 16, невысокий, круглолицый, с плутовской улыбкой и удивительно похожий на кота Матроскина.

Поглядев на них, парень ухмыльнулся и молча пропустил их в квартиру.

Это оказалась стандартная коммуналка с узким полутемным коридором, какими-то тазами и велосипедом под потолком, несколькими дверьми в боковой стене и проемом на общую кухню.

Парень указал на последнюю дверь по коридору:

– Вам туда. Сто рублей в час.

Она, воркуя, сказала Пачевскому:

– Милый, дай ему триста. – И объяснила: – Тебе же придется поспать после этого. Хоть полчаса...

Полчаса спустя вокруг этого дома собралась толпа. Люди показывали пальцами вверх, на шестой этаж, который стал странно светиться, окрашиваясь сначала в золотисто-медный цвет, а затем разгораясь каким-то огненным свечением.

Но когда, завывая сиренами, примчались пожарные машины, сияние уже пропало, шестой этаж потерял свечение и стал как прежде. А прохожие разошлись...

Три часа спустя Пачевский – как выпавшийся пацан – вприпрыжку слетел по лестнице. Выскочил на улицу и – не то вальсируя, не то паря в воздухе – помчался по тротуару так легко, что все женщины невольно озирались ему вслед.

А Пачевский, выбежав на мостовую, стал голосовать машинам. Вскоре у его ног притормозила какая-то «девятка», Пачевский сел в кабину:

– Лесной бульвар!

– Двести рублей, – сказал водитель.

– Гони! – легко ответил Пачевский.

Типография при издательстве «Женский мир» была советская, со старым оборудованием – медленно раскручивался барабан с гигантской катушкой бумаги... резак, как заторможенный, медленно резал эту бумагу на книжные страницы... полуавтомат тащил эту бумагу к печатным машинам... печатные машины штамповали на бумагу постраничный книжный набор... еще один автомат собирал их в стопки... сшиватель пробивал... и лента конвейера медленно волокла вереницу этих стопок к склейке...

Женщины в темных халатах, стоя у конвейера, вручную мазали клеем корешки будущих книг...

И конвейер тащил эти стопки дальше, в переплет...

Хозяйка издательства шла вдоль конвейера, за ней спешили директор типографии и Пачевский. Директор на ходу говорил хозяйке:

– Елена Михайловна, у меня бумага кончается.

Хозяйка на ходу выговаривала Пачевскому:

– Паша, ты должен был час назад газетку привезти. Где ты был полдня?

– Я попал в теракт, – легко соврал на ходу Пачевский.

– В какой еще теракт?

– На Варшавке, в метро...

– В метро теракт? А почему ни по радио, ни по телевизору?

– Они теперь не сообщают. Чтoб народ не пугать.

– Да? – нахмурилась хозяйка. – Вот сволочи! И много людей погибло?

– Не знаю. Нас из туннеля пешком вывели, – продолжал врать Пачевский. – И пришлось на такси, за счет подотчетных. Но я верну из зарплаты.

Хозяйка отмахнулась:

- Ладно! Но мне газетка нужна! Сейчас конвейер станет!
- Может, на офсетке допечатать? – сказал директор типографии.
- Какой офсетке?! Ты с ума сошел? Это «Жаркие ночи»! На газетке улетает!

Действительно, переплетная машина одевала стопки страниц в дешевую бумажную обложку с названием «ЖАРКИЕ НОЧИ» и сбрасывала на конвейер, который тащил готовые книги в упаковку. А оттуда книги, еще сырые, уходили, не залеживаясь, в продажу...

В лифте какой-то пожилой автор умоляюще заглянул Пачевскому в глаза:

– Павел, я вас умоляю! Ну зачем они зарезали мой тираж? У меня прошлая книга разошлась тиражом шесть тысяч! За две недели!

Пачевский бессильно пожал плечами:

– Я не хозяин издательства. Я экспедитор.

– А вы скажите хозяйке! Это же «Кулинарные секреты голливудских звезд»! Женщины расхватывают!

– Хорошо, я скажу...

Выйдя из лифта и кивнув охраннику, Пачевский оказался в коридоре издательства, вдоль стен и до потолка заваленном коробками и пачками книг.

А охранник остановил пожилого автора:

– Стой! Куда?

– Я автор! Мне нужно...

Но охранник перебил:

– Тут таких авторов! Звоните по телефону...

Пройдя через тесный лабиринт канцелярских столов, за которыми сотрудники и сотрудницы издательства сидели у компьютеров, говорили по телефонам и корпели над какими-то сводками, Пачевский зашел в свою каморку-кабинет.

Это было очень высоко и с видом на весь Лесной бульвар. И все тут было тоже завалено стопками книг – на подоконнике, на полу, на книжных шкафах, на сейфе, за стулом Пачевского и даже под его столом. Только на столе их не было, поскольку вся поверхность стола была занята какими-то принтерными отчетами и ценниками. И два телефона трезвонили одновременно.

Пачевский схватил обе трубки:

– Алло! Минутку!.. Алло! Ну занят я был, занят! Где ты сейчас? На Можайке? Срочно гони на Варшавку, грузи две тонны газетки и дуй сюда, у нас тут «Жаркие ночи» горят! – И в первую трубку: – Алло, Новгород? Ты какой клей нам отправил?.. Нет, хозяйка за этот клей платить не будет!.. А потому, что твой клей не держит ни хрена, книжки рассыпаются после первого чтения!..

Тут снова зазвонил первый телефон, Пачевский схватил трубку:

– Алло! Календари? Завтра из Назрани придет допечатка!..

Короче, рабочий день Пачевского – это непрерывная гонка телефонных звонков, ругани с типографиями, бумажными фабриками, книжными магазинами и прочими клиентами. Он нырнул в эту работу с головой и вынырнул только через пару часов, позвонил по внутреннему телефону в столовую:

– Алло, Катя! Там все съели? Я сейчас умру от голода! Принесешь? Спасибо...

И – в ту же секунду от бешеного порыва ветра распахнулось окно. Ветер взметнул в воздух все бумаги с его стола, открыл обложки книг и распахнул дверь в общий офис.

Пачевский испуганно ринулся ловить бумаги, которые норовили вылететь на улицу, и оглянулся на новый хлопок двери, закрывшей его кабинет от остального офиса.

И вдруг – увидел ее, Ангела с Небес! Она стояла на его столе и говорила в бешенстве:

– Какая еще Катя?! Как ты можешь?!

Пачевский был совершенно потрясен:

– Ты? Как ты сюда попала? У нас же охрана!

А она разъяренно:

– Пусть эта Катя только войдет! Я ей...

– Да она же принесет мне поесть! – в оторопи оправдывался он. – Ты что?

Тут раздался стук в дверь и женский голос из-за двери:

– Павел Борисович!

– Не смей ей открывать! – сказала Ангел с Небес. – Иначе я не знаю...

– Но я есть хочу!

– Я принесла.

Он изумился:

– Ты? Что ты могла принести?

– Смотри, милый... – Она села на стол и открыла лукошко, спрятанное за ее спиной. А из лукошка достала какие-то банки и свертки. – Это икра, черная. А это сметана, пиво...

А за дверью пышногрудая Катя с подносом в руках удивленно стучала:

– Павел Борисович! Вы же просили поесть...

И в ответ услышала:

– Не нужно, Катя! Спасибо...

Обиженно пожав плечами, Катя ушла, а сотрудники, подняв головы от своей работы, удивленно воззрились на закрытую дверь каморки Пачевского.

Меж тем там, в каморке, Пачевский, сидя за накрытым столом, не уставал изумляться:

– Где ты это взяла?

– В «Седьмом континенте». – И Ангел с Небес поставила перед ним еще одну банку черной икры. – Ты ешь, милый, ешь! Мужчинам нужно много икры и сметану с пивом! Это укрепляет – сам знаешь что...

С удовольствием голодного мужика он мазал ложкой икру на хлеб и удивлялся:

– У тебя ж денег нет!

– Денег? – сказала она. – Конечно, нет. А зачем?

– Ну как? Эта икра, пиво... Ты ж говоришь – в «Седьмом континенте»... – И вдруг он замер в догадке: – Ты?.. Ты это украла?

Но она не поняла:

– Почему? Я просто взяла. Ты кушай. Мне нравится смотреть, как ты кушаешь. Я тебя очень хочу... – И обняла его со спины.

А он:

– Прекрати! Здесь нельзя!

– Как «нельзя»? Почему?

Он попытался уклониться, но она обняла его, и ее руки нырнули ему под рубашку...

А за дверью его каморки стоял все тот же общий гул и шум – служащие продолжали разговаривать по телефонам и корпеть над своими бумагами. Но постепенно над всем этим разноголосым шумом и телефонными звонками все явственнее слышался характерный стон женской истомы:

– О!.. О-о!.. О-о-о!!!

Служащие изумленно подняли головы и не поверили своим ушам и глазам. Дверь и стена каморки Пачевского стали светиться каким-то золотисто-огненным свечением, и оттуда все явственнее, громче и в ускоряющемся ритме доносилось шумное дыхание и прерывистое:

– О!.. О-о!.. О-о-о!!! О-О-О!!!

Вдруг из коридора просунулась в дверь голова охранника:

– Хелена идет!

Несколько сотрудников посметливее бросились к двери и встретили в ней хозяйку.

– Хелена Михайловна, тут такой вопрос: через месяц первое сентября, а Петров не дает тираж на школьные учебники...

– Хелена Михайловна! «Библиоглобус» третью неделю задерживает оплату...

Но хозяйка все равно услышала то, что нельзя было не расслышать: истомный, на предпоследней фазе, женский стон. И изумленно посмотрела в сторону этих звуков. А затем, нахмурившись, решительно пошла к золотисто-алой двери каморки Пачевского.

Служащие схватились за головы.

Хозяйка с ходу толкнула дверь, но дверь оказалась заперта, а оттуда явственно донеслись последние, усталые аккорды разрядки.

Хозяйка гневно застучала в угасающую дверь.

Ей никто не ответил.

Тогда она жестом приказала охраннику принести ей связку ключей, вставила один из ключей в замочную скважину и – распахнула дверь!

Служащие за ее спиной потупились, кое-кто в ужасе закрыл глаза.

А хозяйка шагнула в каморку Пачевского и увидела...

Пачевский, закрыв глаза, обессиленно спал на стуле за своим пустым столом. А кроме него, в крохотном кабинете-каморке не было абсолютно никого.

Изумленно обойдя кабинет, хозяйка оглянулась на дверь, уже потерявшую свое свечение, заглянула в книжные шкафы и даже под стол...

Но нигде никого, да и спрятаться тут практически некуда.

И только окно, распахнутое на улицу, вызвало у хозяйки подозрение. Она подошла к окну, выглянула наружу. Однако и там никого, да и высоко – 12-й этаж...

Хозяйка подошла к спящему Пачевскому, тронула его за плечо:

– Паша!

Пачевский, очнувшись, открыл глаза:

– А?

– Ты уснул.

– Да? Извините.

– Пора тебе в отпуск.

– Да я вроде был недавно...

Осматривая открытую дверь, в каморку стали осторожно заглядывать сотрудники.

Хозяйка меж тем говорила Пачевскому:

– А где бумага? И почему у тебя телефоны не работают?

Пачевский удивился:

– Как это не работают? – И поднял трубку. Трубка гудела обычным гудком. – Работают...

– Странно... – сказала хозяйка. – А я звонила – никаких гудков...

Но тут оба телефона, словно спохватившись, залились звонками. Пачевский схватил сразу две трубки:

– Аллю! Слушаю!

И из обеих трубок услышал голос Ангела с Небес:

– Милый, спасибо! Мне было так хорошо!

Хозяйка, стоя рядом, изумленно спросила:

– Кто это?

Но Пачевский только в недоумении пожал плечами:

– Не знаю... Ангел пролетел...

И хозяйка развернулась к служащим, столпившимся в двери:

– Так! Работать! Что столпились? Всем работать!

Кто-то спросил:

– А что тут было?

– Ничего не было! – сказала хозяйка. – Ангел пролетел!

Среди ночи жена толкнула Пачевского:

– Паш, там кто-то есть...

Пачевский сонно отвернулся на другой бок.

Но она не отставала, трясла и шептала:

– Паш, я боюсь...

Он недовольно открыл глаза:

– Ну, в чем дело?

– Там кто-то ходит...

– Где?

– Не знаю. Там...

– Не морочь! Кто там может ходить? Дети в деревне.

Но тут действительно что-то прошелестело и звякнуло в темной квартире.

Жена испуганно вздрогнула и прижалась к Пачевскому.

– Ё!.. – тихо сказал Пачевский, осторожно спустил ноги с постели, повел глазами по сторонам, отключил из розетки торшер и, вооружившись этим торшером, словно булавой, тихо двинулся из спальни.

В гостиной было абсолютно темно...

Пачевский осторожно двинулся дальше – на странные звуки, снова возникшие на кухне.

Однако и на кухне был ночной мрак.

Пачевский свободной рукой нащарил выключатель и включил свет.

Стоя у распахнутых створок навесных кухонных шкафчиков, она – а это была, конечно, она, Ангел с Небес, – возмущенно развела руками:

– Блин, как вы живете? Ничего вкусного!

Он обалдел:

– Ты?!

И посмотрел на окно.

Но окно было закрыто, и на подоконнике нерушимо стояли горшок с фикусом и старенький фотоувеличитель. То есть влететь в окно, не опрокинув их, было совершенно невозможно.

Между тем она продолжала:

– И я не понимаю! У тебя такая красивая жена! Почему ты ее не...

– Тсс! – спохватился он и закрыл кухонную дверь. – Ты с ума сошла?! Зачем ты явилась?

Но она как ни в чем не бывало продолжала открывать кухонные шкафчики и отвечала ему через плечо:

– Ну, где-то я должна жить... Черт! Это ужасно – ничего сладкого!

– Это из-за детей, – объяснил он. – Я запрещаю. У них от сладкого зубы портятся.

В коридорчике слышались шаркающие шаги, Пачевский испуганно закрыл дверь плотнее и прижал ее спиной.

Но жена, дергая дверную ручку, сказала снаружи:

– Паша, открой!

И Ангел с Небес ее поддержала:

– Да открой, что ты боишься? Она тебя убьет, что ли?

– Еще как! – сказал он.

А жена уже с силой толкала дверь:

– Паша! В чем дело?

– Это глупо! – сказала Ангел с Небес. – Отойди от двери. Пусть она войдет.

Он обреченно закрыл глаза и отошел от двери.

Жена открыла дверь и обвела глазами пустую кухню.

– Что тут происходит?

Пачевский открыл глаза.

Ангела с Небес нигде не было.

– С кем ты разговаривал? – удивилась жена.

– Ни с кем...

– Как ни с кем? – Она проверила стенной шкаф, выглянула в окно. – Я же слышала. Ты разговаривал...

Он занервничал:

– Ну, разговаривал. Сам с собой.

– Женским голосом?

Он сфальшивил, сказал тонким голосом:

– Ну, просто в горле что-то... Гм-м!

Она повела рукой по открытым шкафчикам:

– А что ты ищешь?

– Сладкое что-нибудь, горло першит. Неужели нет ничего?

Она усмехнулась, встала на стул и с самой верхней полки достала банку сгущенки.

– Заначка! – сказала она и поставила банку на кухонный стол. – Настоящая! Вологодская!

– Спасибо, – буркнул он.

– Я пошла спать. Ты придешь?

– Угу. Иди уже.

Она сладко потянулась всем телом и прильнула к нему:

– Я тебя жду...

– Сказал же: приду! – Он повел глазами по кухне. – Только чаю выпью...

Она чмокнула его и вышла из кухни.

Он облегченно выдохнул и закрыл глаза. А когда открыл – Ангел с Небес уже сидела на кухонном столе и с недоумением вертела в руках банку сгущенки. Говоря при этом:

– А что это? Как это открыть?

Пачевский шагнул к ней, хотел взять сгущенку, но жена вдруг вернулась:

– Паша, а что тут шумело? Мыши?

Он обмер, посмотрел на кухонный стол.

На столе никого не было, даже банки сгущенки.

– А? – сказал он в ступоре.

– Я говорю, у нас мыши завелись?

– Да, кажется...

– Придется мышеловку купить... Ладно, я тебя жду...

И жена ушла.

Он обессиленно присел на кухонный стол.

Из-за его спины протянулась рука с банкой сгущенки.

– Открой, пожалуйста...

Он даже не удивился. Взял банку, шагнул к кухонному шкафу, открыл ящичек, извлек из него консервный нож и стал открывать сгущенку.

А Ангел с Небес, сидя на кухонном столе и болтая ногами, говорила гневно:

– Как ты обращаешься с женой? Почему она не беременна? И вообще я не понимаю: почему у вас на улицах совершенно нет беременных женщин? Вы их не?... А зачем вы живете? Вы обязаны регулярно заниматься сексом! Хотя бы два раза в сутки! Это минимум, без которого женщины не могут!..

Он протянул ей открытую банку:

– Держи.

– А это вкусно?

– Попробуй.

Она высунула язык, лизнула сгущенку и воскликнула от восторга:

– Вау!

– Тихо! – испугался он и зажал ей рот.

Но она больно куснула его пальцы и тут же стала лакать сгущенку языком, приговаривая:

– Ой, как вкусно! Ой!.. А я-то подумала, это знаешь что? Но это куда вкусней!.. А выглядит как мужская... Ой, как вкусно!.. И это есть в «Седьмом континенте»? Я завтра возьму тысячу банок!

Он протянул ей ложку:

– Вот ложка. Ложкой удобней.

Повертев ложку в кулачке, она зачерпнула ею сгущенку и отправила в рот.

– Вау! – плотно повторила она. – Действительно, так удобней! Как это называется? Ложка? Вы давно их придумали?

Глядя, как она ест, Пачевский осторожно спросил:

– А у вас там... на этой... на Венере... мужиков – что, совсем нет?

– Не-а...

– Никаких?

– Нет...

– А эти? Ангелы?

– Так они ж ангелы. У них ни борода не растет, ничего. От них нельзя забеременеть.

Он оцепенел, потом спросил с напрягом:

– А ты... Ты от меня забеременеть хочешь?

– Конечно! А зачем я сюда прилетела? Бог нам велел рожать. И у меня там дети – как забеременею, сразу к ним улечу, тут же... – Она доскребла в банке остатки сгущенки, вылизала ложку, облизнула губы и зажмурилась от счастья: – Ой, как вкусно! – Причмокнула языком и сладко – всем телом – прильнула к Пачевскому. – Можно, я тебя соблазню?

Он отпрянул и испуганно глянул на дверь:

– Здесь?! Ты с ума сошла!

Но она уже ластилась к нему и, медленно опускаясь на колени, шептала:

– Конечно, мой сладкий... Здесь... Здесь и сейчас...

Пачевский обмер, откинул голову и закрыл глаза.

Летом, в период отпусков, сотрудники издательства «Женский мир» работали каждый за двоих, и Пачевский совмещал свои обязанности с обязанностями экспедитора. То есть в фургоне с надписью «КНИГИ» колесил рядом с шофером по городу, развозя новые тиражи по книжным магазинам и уличным лоткам. Большие книжные магазины, вроде «Москвы» на Тверской и «Дома книги» на Ленинском проспекте, расплачивались, конечно, безналично и через банки, а уличные лотки и палатки – налом, который Пачевский складывал в свой потертый кожаный портфель. Летом уличная книжная торговля идет вдвое, а то и втрое лучше, чем зимой, к концу дня портфель становился тяжелым.

Приехав в издательство, Пачевский устало опускался на стул в своем кабинете-каморке, устало откидывал руки за голову и устало, в ожидании хозяйки, закрывал глаза. Но тут же и открывал их, косился на окно.

Однако никто в это окно не влетал.

С разочарованным вздохом Пачевский вставал, закрывал дверь своего «кабинета», открывал портфель, пересчитывал деньги, бумажными ленточками заворачивал их стопками по тридцать, пятьдесят и сто тысяч рублей и складывал в свой небольшой сейф.

В тот день все повторилось, как обычно, – поездка по душной и пыльной летней Москве, усталость и простая операция пересчета выручки и упаковки ее в сейф.

Но когда все было посчитано, за его спиной вдруг раздался негромкий восхищенный свист.

Он испуганно оглянулся.

Конечно, это Ангел с Небес.

– Вот здорово! Ты такой богатый! – сказала она, глядя на деньги. Он горестно усмехнулся:

– Если бы!

– Что значит «если бы»?

– Это не мои деньги.

– А чьи?

– Хозяйки издательства.

Пачевский собрался положить деньги в сейф, но она остановила его:

– Подожди! Зачем ей столько денег? – И каким-то легким, почти неуловимым жестом выхватила одну пачку.

Пачевский испугался:

– Стой! Что ты делаешь? – И попытался отнять деньги. – Отдай!

Но она совершенно необъяснимым образом перемещалась в пространстве, словно летала.

И говорила при этом:

– Перестань! Мне здесь трудно летать – тут атмосфера.

– Отдай бабки, я сказал!

– Ничего с ней не случится, если мы возьмем немножко. Я не могу все время воровать в магазинах. Я хочу, как нормальный человек, пойти в приличный ресторан...

Пачевский не успел ответить – дверь открылась, и в его каморку вошла хозяйка.

– Паша, ты привез выручку?

– Да, конечно... – сказал Пачевский.

– Давай, мне некогда! – И хозяйка протянула руку за деньгами. – Сколько сегодня?

Пачевский, глядя через плечо хозяйки, сделал требовательный жест, и хозяйка удивленно оглянулась. Но там уже никого не было.

– Кому ты машешь? – сказала хозяйка.

– Нет, никому... – И Пачевский, подавив вздох, обреченно подвинул деньги по столу к хозяйке.

– Ты какой-то странный стал, – заметила она и спросила еще раз: – Сколько сегодня?

– Семьсот тысяч... – ответил Пачевский, пряча глаза.

– Маловато, – сокрушенно сказала хозяйка, сбросила, не считая, деньги в большой полиэтиленовый пакет и понесла в кассу.

А Ангел, стоя на сейфе, захлопала в ладоши:

– Ура! Вот видишь! Вот видишь! Она ничего не заметила! – И, швырнув вверх пачку денег, радостно заплясала: – Мы идем в ресторан! Мы идем в ресторан!..

Конечно, теперь он спал по ночам далеко не столь крепко, как раньше. И потому при первом же шорохе открыл глаза.

В темноте он сначала увидел только свечу, которую она внесла в спальню.

А уже потом – ее, Ангела с Небес.

Нужно отдать ей должное – в коротенькой и прозрачной ночной сорочке, сквозь которую, как у стриптизерш, просвечивали узенькие бедра и тоненькая ниточка стрингов, она была так соблазнительна, как никогда раньше.

Ладошкой прикрывая трепыхающееся пламя свечи, она подошла к кровати.

Пачевский, онемев от ее наглости, скосил глаза на жену.

Но жена, отвернувшись от него, спала на боку.

А Ангел, поставив свечку на тумбочку рядом с будильником, нырнула в постель к Пачевскому.

– Ты с ума сошла! – без голоса прошептал он, осипнув от страха.

– Ничего подобного! – ответила она в полный голос и свободно потянулась в постели. – Ой, как тут мягко!..

– Ты не можешь тут спать...

– Конечно, не могу. Спать с таким мужчиной глупо. – И она прильнула к нему всем телом, повела рукой по его груди... по животу... и еще ниже...

– Перестань! – сказал он. – Исчезни!

Но она будто и не слышала, а, наоборот, стала целовать его грудь... живот...

Он задохнулся и закрыл глаза:

– О-о!.. О!.. Господи!..

В комнате занялось золотое свечение, но тут жена толкнула Пачевского в бок:

– Паша!

– Что? – спросил он, не открывая глаз.

– Ты стонешь. Проснись!

– Отстань, дай поспать... О-о!..

Но жена не отставала:

– Паша, очнись! Что тебе снится? И зачем ты зажег свечу?

Тут, расталкивая его, рука жены соскользнула по его животу вниз, к паху.

– О Господи! – почти испугалась она. – Ну наконец-то! Поздравляю!

И жарко обняла Пачевского. И Пачевский вдруг ответил ей с таким пылом и рвением, какого она не испытывала, наверное, со времен их медового месяца.

А в воздухе вдруг зазвучала, все нарастая, знакомая песня:

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

...На отраженном потолке
Скользили тени —
Скрещенье рук, скрещенье ног,
Судьбы скрещенье...

Действительно, пламя свечи отбрасывало на потолок скрещенье их рук и ног. Только (хотите – верьте, хотите – нет) на сей раз этих ног было не две пары, а три...

На рассвете, то есть еще тогда, когда адские мусорные машины только выезжали из своих гаражей, Ангел с Небес опять разбудила Пачевского.

– Ну что теперь? – сказал он стоически.

– Вставай!

– Зачем? Еще ночь...

– Вставай, я сказала! – И она бросила перед ним его старые, еще армейские, из лосиной кожи кроссовки.

– Господи, где ты их нашла?

– Нашла. В кладовке. Вставай!

Поливальная машина шла по мостовой и мощной струей сбивала пыль к тротуару. Позади нее двигалась техничка и на прицепе тащила за собой какой-то внедорожник. А еще дальше, по тротуару легкой ангельской походкой бежала она, Ангел с Небес, и, оглядываясь, насмешливо подгоняла Пачевского:
– Давай!.. Давай!.. Мужчина!..
Пачевский, тяжело дыша, старался не отставать.
А когда потный, с одышкой, он вернулся домой и на полусогнутых поднялся к своей квартире, он еще с лестницы услышал голос жены:

Любовь нечаянно нагрянет,
Когда ее совсем не ждешь!..

И, войдя в квартиру, не поверил своим глазам: жена, причесанная, в новеньком коротком халатике, пекла на кухне блины и громко, в полный голос пела:

И каждый вечер сразу станет
Так удивительно хорош!..
И ты поёшь!..

Увидев мужа, она танцующим шагом ступила к нему с протянутыми руками:
– Сердце! Тебе не хочется покоя!.. Сердце! Как хорошо на свете жить!.. Садись, дорогой! Блины! Твои любимые...
– Ты видишь? – сказала за спиной Пачевского Ангел с Небес. – А если б ты делал это два раза в день? Она бы тоже летала!..

И снова фургон с надписью «КНИГИ» колесил по Москве, разгружая книги у книжных магазинов «Библиоглобус», «Москва», «Дом печати»... Накладные... счета... накладные... Книжные палатки и прилавки на улицах и в метро...

Но теперь в своей каморке в издательстве часть выручки Пачевский регулярно клал себе в карман.

И жизнь его стала – сплошная малина! Жена села на «кремлевскую диету», похудела, постриглась в модной парикмахерской, от еженощного секса помолодела лет на двадцать и закармила Пачевского не только блинами, но и самыми невероятными кулинарными изысками. И даже обновила обои в квартире...

А в дорогих бутиках – в «Атриуме», на Манеже и на Смоленке – Ангел с Небес примеряла платья, сапоги, нижнее белье, джинсы, кофточки, плащи и еще бог знает что.

И поминутно выскакивала из примерочной, весело и кокетливо показывая себя Пачевскому.

Ей действительно все было к лицу и все по фигуре, остальные покупательницы восторженно смотрели на нее и бросались примерять то же, что выбрала она.

И Пачевскому льстило это, он любовался своей красоткой и щедро платил за ее наряды. А она льнула к нему и шептала:

– Мужчина, я хочу в «Экспедицию».
– В какую еще экспедицию? – изумился Пачевский.
– Это такой ресторан. На Солянке. Там можно на вертолете полетать!
– Кто тебе такую чушь сказал?
– Ничего не чушь! Я видела рекламу. А можно мне эту кофточку? Смотри, как на мне сидит...

* * *

В издательстве Пачевский, отведя директора типографии от конвейера в дальний угол цеха, взял его за грудки:

– Коля, ты мне доверяешь?

– А в чем дело? – ответил тот осторожно.

– Заработать хочешь?

– Ну, допустим.

– Нет, ты не крути: да или нет?

– Ну, хочу, конечно! Кто не хочет?

– Значит, так, смотри. «Жаркие ночи» улетают, как горячие пирожки. Любой тираж! Да или нет?

– Ну...

– Дышло гну! Думай! Я пригоню левую бумагу, ты сделаешь левый тираж, и я его двину мимо кассы – бабки пополам. Ты понял?

Директор испуганно посмотрел ему в глаза, но Пачевский не ослаблял напора:

– Прикинь, Колян! Доллар делаем на книжке! Доллар!!! Тиснешь тысячу – пятьсот твои. Тиснешь десять тысяч – пять штук в карман! Тачку купишь, человеком станешь! Катю будешь катать! А у Кати сиськи!!! Ну?!

Директор охрип:

– Дышло гну! Давай бумагу...

Конвейер, увеличив скорость, стал печатать левые тиражи. Пачевский, увеличив темп, разгружал книги у книжных магазинов и уличных торговцев, делил выручку с директором типографии и выводил свою жену в концерты на Жванецкого, Митяева и Макаревича.

А по утрам бегал по парку «Сокольники».

И снова разгружал книги... Книжные магазины... уличные прилавки... И польщенно принимал от Ангела с Небес цветы, с которыми она являлась к нему в его каморку в издательстве. И гулял с ней по Чистым и Патриаршим прудам, по Тверской и Манежу.

– Мужчина, – говорила она, облизывая эскиммо на палочке, – а что такое Государственная дума?

– Это наш парламент.

– Там сочиняют законы?

– Да. А почему ты спрашиваешь?

– Я хочу, чтоб они сочинили закон о любви.

– Как это «о любви»?

– Очень просто. Ведь все, что мы делаем, мы делаем ради любви. Правильно? Чтобы нас любили. Значит, нужен закон: три раза в день – час любви! И тогда все – никто на вашей земле не будет никого убивать, завоевывать. Понимаешь? Кончатся все войны! Поцелуй меня!..

Конечно, на них оглядывались прохожие, но Пачевскому это льстило, он гордился и собой, и своим Ангелом и как-то заехал с ней в ресторан «Экспедиция» на Солянке. А там оказались не только экзотическая еда и оранжевый вертолет посреди зала, но – вдруг – живая музыка, джаз-банд, да какой! Конечно, не Игорь Бутман и не Алексей Козлов, а кто-то из молодых. Но – ранних...

При первых звуках саксофона и трубы Ангел с Небес совершенно остолбенела. Даже отшатнулась к Пачевскому, спросила с испугом:

– Что это?

– Это джаз. Ты никогда не слышала?

– Нет.

– А что, у вас там нет музыки?

– Есть. Но у нас только эти... Брамс, Шопен, Моцарт... А это... Ой!.. Ой, как хорошо-то!.. Ой!.. – И ее тело, словно само собой, стало вибрировать в такт музыке и даже слегка взлетать над стулом.

Но Пачевский успел схватить ее за плечи, прижать к сиденью.

Тут из-за соседних столиков несколько пар вышли танцевать, Ангел посмотрела на них... присмотрелась... а затем вскочила и потащила Пачевского:

– Идем! Идем! Я тоже так хочу!

– Только не летать! – предупредил он ее.

– Хорошо, я постараюсь...

Подойдя к танцующим, она еще пару секунд присматривалась к их движениям, затем стала осторожно копировать, а затем...

Кто-то из музыкантов тут же обратил внимание на идеальную – в такт музыке – пластику и легкость движений ее тела, на синхронную пульсацию ее тела под каждый звук их инструментов. И поддал темп, и повел ее своей музыкой...

А вслед за ним и остальные музыканты стали играть как бы только ей...

И она совершенно отдалась этой музыке, да с таким сексапиллом, что к Пачевскому подошел метрдотель, прошептал на ухо:

– Мне кажется, вам пора в экспедицию. Всего сто баксов.

Пачевский посмотрел на оранжевый вертолет.

– А что? Эта штука летает? В натуре?

– И еще как! – заверил его метрдотель. – Женщины обожают.

Пачевский достал из кармана бумажник, отдал метрдотелю столларовую купюру, и тот радушным жестом показал на вертолет, на трапе которого уже стояли пилот и стюардесса в голубой аэрофлотской форме.

Пачевский взял Ангела за руку и повел к вертолету.

– Ага! – сказала она с восторгом. – Мы полетим? Я ж тебе говорила!

По короткому трапу они поднялись в вертолет, пилот ушел в свою кабину, а в салоне стюардесса задрала иллюминаторы, показала им на широкий диван и бар с напитками и удалилась, задрав дверь.

Но музыка продолжала звучать, и одновременно пилот объявил по радио:

– Приготовиться к взлету! Принять по сто грамм!

Пачевский с усмешкой налил себе и Ангелу.

Вертолет задрожал, наполнился шумом двигателя.

– Начинаю отсчет! – сообщил по радио голос пилота. – Десять!.. Девять!.. Восемь!.. Принять еще по сто грамм!..

Пачевский и Ангел выпили.

– Семь!.. Шесть!.. Пять! – продолжал голос по радио. – Вертолет испытывает перегрузки, сбросьте одежду!..

Ангел с Небес послушно, как ребенок, сняла платье.

– Четыре!.. Три!.. Два!.. Всю одежду! Всю!.. Старт!..

И Ангел с Небес действительно взмыла в воздух, словно в невесомости.

– Мы летим! Мы летим! – радостно закричала она. – О, мужчина!

И спикировала на диван, прямо Пачевскому на колени...

А вертолет вдруг действительно взлетел – да, к изумлению и ужасу всех остальных посетителей ресторана, он вдруг налился золотисто-огненным свечением и, проломив крышу ресторана, воспарил в московское небо.

Конвейер в типографии продолжал печатать левые тиражи – «Жаркие ночи», «Секс после 50», «Кулинарные секреты голливудских звезд»...

И фургон с надписью «КНИГИ» продолжал колесить по Москве...

И Пачевский днем собирал «левую» выручку...

По ночам занимался любовью то с женой, то с Ангелом с Небес, а то одновременно с обеими...

И еще на теннис начал ходить...

Но кое-кто заметил потертый портфель Пачевского.

И однажды – ближе к вечеру, когда Пачевский снял выручку с последней точки у метро «Беговая» и шел – буквально 10 шагов – до своего фургона, какой-то парень вдруг сбоку упал ему под ноги, а второй – на бегу – толкнул в спину. Пачевский упал, и тут же третий парень, пробегая, рванул портфель из его руки.

Конечно, это был примитивный прием, веками отработанный всеми уголовниками мира.

Но с Пачевским у них вышла накладка.

Потому что любой, даже профессиональный, инкассатор легко расстаётся с деньгами, поскольку эти деньги – чужие.

Но со своими деньгами – извините!

Пачевский, даже грохнувшись на асфальт, портфель не выпустил. И тогда все трое парней стали бить его и вырывать портфель, говоря сквозь зубы:

– Отдай!

– Отдавай портфель, сука!

– Быстро отдавай! Убьем!..

И убили бы (а чего там!), если бы не странная худенькая женщина, которая вдруг взялась неизвестно откуда, чуть ли не из воздуха соткалась. Фурией – да что там фурией! – бешеной пантерой она налетела на грабителей и стала лупить их не хуже знаменитых китайских кунфу-исток и каратисток, делая при этом совершенно немыслимые кульбиты.

Конечно, трое крутых парней тоже вмазали ей (и не раз!), но изумленные прохожие видели своими глазами, как она рубилась с ними, словно супервумен, а некоторые из свидетелей потом утверждали, что даже слышали, как она рычала:

– Это мой мужчина! Мой! Я вам за него глотки перегрызу!..

И перегрызла бы, если бы не милиция. Но при первых звуках милицейской сирены грабители прыгнули в разные стороны и сбежали, а спасительница Пачевского вдруг исчезла в воздухе столь же внезапно, как появилась.

Окровавленный Пачевский поднялся с земли и, прихрамывая и держа двумя руками спасенный портфель, пошел к фургону...

Впрочем, этот маленький инцидент никак не отразился на общем ходе нашей правдивой истории. Через пару дней Пачевский был снова в порядке, снова колесил по Москве с левыми и правыми тиражами, снова играл в теннис, бегал по утрам в парке «Сокольники» и даже заглядывался там на молоденьких болонок – тьфу, простите, на молоденьких блондинок, хозяек этих болонок...

А дома, после душа, втягивая живот, он с гордостью смотрел на себя в зеркало в фас и профиль – он похудел, окреп, помолодел...

И выглянул из санузла:

– Ангелина!

– Что, милый? – сказала она через плечо, сидя за кухонным столом и строя на швейной машине какое-то белое одеяние. – Я не Ангелина.

– А кто?

- Я Ангел с Небес.
- Ладно, Ангел, а Шура где, жена?
- Ушла в магазин.
- Тогда ты! Подай мне тапки.
- Минутку, я занята...
- Какой, блин, минутку?! Я тут мокрый стою!

Она словно обмерла – перестала строчить, медленно повернула к нему свое ангельское лицо, и вдруг ее небесно-голубые глаза наполнились слезами, и она, закрыв лицо руками, стала рыдать, совсем как ребенок.

- Эй, в чем дело?

Но она, отвернувшись, продолжала рыдать.

Навернув полотенце на пояс, он подошел к ней, тронул за плечо:

- Эй, что случилось?

Но она резко отстранилась и сказала, рыдая:

- Все! Все! Я улетаю! Я не могу так больше!

Он попытался обнять ее:

- Куда ты улетаешь, глупая?!

– Не прикасайся ко мне! Все! Все! Прощай! – И она стала бегать по квартире и судорожно швырять в свою сумку какую-то косметику, бижутерию.

- Ну подожди! Подожди! В чем дело?

– Ни в чем! Ты мне нагрубил! Ты меня обидел! Прощай навсегда! – И она взвилась в воздух, воспарила под потолок.

Он подпрыгнул за ней, пытаясь поймать, но она зависла под потолком горизонтально – так, что он был не в силах ее достать. И стала словно проваливаться сквозь потолок.

- Эй! – закричал он испуганно. – Постой! Не улетай! Ангел!..

– Нет! – жестко сказала она, уже наполовину исчезнув в потолке. – Я улетаю! Ты мне нагрубил!

Он брякнулся на колени и простер к ней руки:

- Прости! Я не хотел! Честное слово! Я извиняюсь! Ну, прости! Ну пожалуйста!

Она чуть снизилась:

- Мужчина, ты меня обидел!

- Я больше не буду, клянусь!

Она опустилась еще чуть-чуть и теперь висела в воздухе, словно юная еврейка на картине Шагала.

- Я тебе не верю!

- Верь мне! Честное слово! Я не хотел!

Она снизилась еще, сказала со слезами:

- Это было грубо, мужчина...

Он дотянулся до нее, схватил ее, обнял, стал целовать и завалил в кровать.

Она сопротивлялась, уклоняясь от его поцелуев:

- Нет! Не смей! Я не хочу! Нет!..

Но он уже сорвал полотенце с чресел своих и...

Позже, бессильно лежа на его плече, она тихо шептала:

– Мне было так хорошо... Мужчина, я тебя люблю. Пожалуйста, не обижай меня. Никогда не обижай, ладно?

- Ладно.

- Ты обещаешь? Если ты еще раз меня обидишь, я не смогу летать.

Он удивился:

– Как это? Почему?
– Потому что ангелам вообще нельзя на вашу землю. Здесь такая атмосфера! И такая грубость. Мне тут очень трудно. Не обижай меня, ладно?
– Хорошо. Но и ты... Так нельзя – чуть что, сразу в слезы. Может, ты беременна?
– Нет еще.
– Откуда ты знаешь?
– Я знаю.
– Ладно. А теперь... Пожалуйста, исчезни – сейчас Шура придет, мы с ней в деревню едем.
– В какую деревню? Зачем?
– За детьми. Они у Шуриных предков, а через неделю им в школу, первое сентября.

Встаем.

– Поцелуй меня...

Он поцеловал.

– Еще!

Из прихожей послышался скрип ключа в двери. Он испугался:

– Все, все! Исчезни! Шура идет!

– Нет, поцелуй!

Он поцеловал ее и поспешно встал, а она сказала:

– Я тоже хочу в деревню.

Он удивленно повернулся:

– А тебе-то зачем?

И увидел, как она медленно уплывает вверх, растворяясь в воздухе под потолком.

Но – запоздало: Шура с пластиковыми сумками «Седьмого континента» уже на пороге и, изумленно глядя в потолок, испуганно хлопает глазами:

– Что это?... Что это было?..

– Где? – сказал Пачевский.

– Ну вот, в воздухе! Только что...

Он пожал плечами:

– Что там могло быть? Тебе померещилось... – И, навернув полотенце на бедра, прошел мимо нее на кухню.

Шура, хлопая глазами, смотрела на потолок, потом – вслед своему мужу, снова на потолок над кроватью и снова Пачевскому вслед. Затем, закрыв глаза и стряхивая наваждение, потрясла головой.

Церковный звон остановил ее посреди бульвара. Она замерла как вкопанная, слушая его, и зачарованно пошла на эти звуки – пошла, не обращая внимания на поток авто, на красные светофоры... Гудели машины, визжали тормоза, орали водители, а она шла, не слыша и не видя их, шла словно по воздуху или как привидение... И пришла к храму Христа Спасителя. И вошла в него. И все той же зачарованной походкой, словно на магнит, уверенно свернула в зал, где с небольшой иконы глянул на нее Николай Угодник.

Подойдя к иконе, она остановилась, посмотрела ему в глаза. Помолчала, а потом вдруг сказала негромко:

– Коля, так вот ты, оказывается, где!

Николай на иконе как-то странно заерзал плечами и спросил:

– А в чем дело?

– Ты мне можешь помочь?

– Я не помощник, я угодник. А в чем дело-то?

– Ты можешь выйти?

– Зачем?

– Поговорить нужно. Выйди на пару минут.

Николай посмотрел по сторонам, оглянулся себе за спину. Но никого не было ни в зале, где висела икона, ни, видимо, за его спиной.

– Ладно, – сказал он. – На пару минут.

И вышел из иконы.

Минуту спустя Николай, разминая затекшие плечи и шею, шел по набережной Москвы-реки, а она шла рядом и говорила со слезами на глазах:

– Я не знаю, что с этим делать, Коля! Почему он смотрит на других баб? Ведь я... Я же ангел, настоящий ангел!

– Не плачь. Перестань...

– Нет, ты скажи, что ему нужно? Я самая лучшая! А он все равно... Ты можешь на него повлиять?

– Нет, не могу.

– Но почему?!

– Это не моя тема.

– Как? Что значит не твоя тема?

– Это у тебя претензии к Главному программисту. Он сотворил мужские и женские программы. Вы, бабы, живете любовью, а мужики – телом. Такие программы. Я не имею права вмешиваться.

– И ничего нельзя изменить?

Николай молчал.

– А если... – сказала она. – Если я пойду к Нему?

– К Творцу, что ли?

– Ну...

– Не советую. У Него таких жалоб знаешь сколько! За тысячи-то лет...

В вагоне электрички поминутно хлопала входная, из тамбура, дверь и очередной разносчик «тысячи мелочей» громогласно объявлял:

– Вниманию пассажиров предлагается! Уникальное средство от комаров, всего тридцать рублей за флакон! Надувные шары – разноцветные, в виде сердца, золотой рыбки и фаллоса. А также липкие ленты от мух, удобрения «Волшебный рост» для сада и огорода, средство от перхоти и стимулятор мужской потенции «Вечный зов»...

Сидя с женой в другом конце вагона, Пачевский через головы пассажиров увидел, как Ангел с Небес стала набирать у продавца весь ассортимент и усиленно махать ему, Пачевскому, рукой – звала к себе. Благо Шура, жена Пачевского, сидела к ней затылком. Пачевский наклонился к Шуре и сказал:

– Я в туалет, это в соседнем вагоне...

И ушел по проходу в конец вагона, молча и на ходу выдернул Ангела в тамбур. А в тамбуре недовольно сказал:

– Ты с ума сошла? Что ты набираешь?

– Ты не понимаешь, – сказала она. – У нас там ничего этого нет.

– Где «там»?

– Ну там. – Она показала вверх.

– А ты уже собираешься отчалить? Туда?

– Конечно. Ты меня все равно не любишь.

Он вздохнул:

– Начинается! – И сменил тему: – А на хрена там шары?

– Что значит «на хрена»? – удивилась она. – У меня же там дети! Я все украшу, будет красиво!

- Фаллосами?
- Почему? Не только. Смотри: тут золотые рыбки, сердце...
- А «Волшебный рост»? Это не для детей!
- Я знаю. Это для моих цветов.
- А «Вечный зов»?
- Для тебя. Дай мне еще немножко денег...

Электричка, грохоча по мосту, пересекла какую-то речку, и в вагон, где сидели – в разных концах – Ангел и Пачевские, вошла молодая нищенка с грудным ребенком на руках и девятилетней веснушчатой дочкой, которая одной рукой держала мать за рукав, а другой, выставленной вперед, просила подаяние.

Ангел, потрясенная, словно окаменела, глядя на них.

А они молча, без единого слова, шли по проходу, и только изредка что-то ложилось в протянутую ладошку девочки, и тогда она кланялась своей русой головкой и тихо говорила:

– Спасибо, извините... Спасибо, извините...

Ангел как замороженная встала и пошла за ними, но тут снова клацнула тяжелая раздвижная дверь, и в вагон вошел слепой нищий. Привычно начав: «Люди добрые, помогите слепому Христа ради!», он двинулся по проходу, постукивая палкой перед собой. И вдруг... И вдруг замер, обратив лицо и слепые глаза на нее, на Ангела.

– Люди! Люди!!! – завопил он вдруг. – Я вижу ангела! Я вижу ангела!!!

И брякнулся на колени, отбросив палку.

– Ангел! Излечи! Ангел!!! – И пополз к ней на коленях, вопя в полный голос: – Исцели слепого!

– Встань, – сказала ему Ангел с Небес.

– Нет, не встану, пока не исцелишь! Исцели меня, ангел небесный! Сотвори чудо!

Она протянула к нему руку, погладила по голове:

– Плачь. Плачь, я сказала!.. Видишь? Не умеешь плакать. Иди! Когда выплачешь зло, по которому ослеп, тогда исцелишься. Любовью и молитвой исцелишься. Понял?

– Пас! Серега, пас!

– Бей! Бей, Валера!..

На пустыре за деревней пацаны играли в футбол. Двенадцати– и одиннадцатилетние братья-погодки Сергей и Валерий явно выделялись среди них какой-то особой мужской статью, напористостью и просветленной чистотой иконописных лиц.

– Боже мой, как выросли! – почти испуганно сказала Шура Пачевскому, стоя с ним на краю пустыря и глядя на сыновей, летящих с мячом к воротам.

Пачевский и сам залюбовался ими, а Ангел с Небес, стоя у него за спиной, произнесла негромко:

– Ну вот. Теперь я все понимаю.

Он повернулся к ней:

– Что ты понимаешь?

– Почему я выбрала тебя.

– Почему?

– А ты сам не видишь? У тебя божественный набор хромосом.

В лесу стучал дятел – гулко и быстро, словно морзянкой. И паутина на сосне чуть дрожала от этого стука – словно струны у арфы. И в резной, как на картинах Куинджи, тени прятались и пели цикады и птицы. А из солнечных пятен в тень и обратно перелетали белые бабочки. И тихо шелестел по гальке неглубокий прозрачный ручей...

Сыновья Пачевского, его жена Шура и ее родители разбрелись по лесу, собирая грибы.

А Пачевский свернул на какую-то тропу и пошел по ней, любуясь своим Ангелом с Небес. В легоньком платице и с венком из полевых цветов на голове, она буквально порхала впереди него.

– Боже мой! Господи! – взмахивала она руками и взмывала на них высоко в воздух, под самые ветки дубов и берез. – Как же тут хорошо! Наконец я снова могу летать! А воздух! Боже мой, какой тут воздух! За такой воздух с вас нужно брать налог, честное слово!

– Замолчи! А то в Кремле если услышат...

– Нет, правда. – Она приземлилась рядом с ним на какой-то пригорок, упала в траву и раскинула руки. – Я умирала в Москве, умирала! А тут...

Он прилег рядом с ней.

Она перевернулась на живот и положила свой подбородок ему на грудь.

– Мне так тяжело в Москве! Эта атмосфера меня просто давит! Наверное, поэтому у меня там ничего не получалось. Но теперь...

– Что у тебя не получалось?

– Глупый! Как ты не понимаешь? – И ее рука медленно поползла по его груди вниз, к его животу и еще дальше.

Он испугался:

– Не смей! Нам пора домой, на поезд.

– К черту поезд! Мы не поедem в Москву, там что-то плохое случится... – И она расстегнула ремень на его брюках.

– Не нужно! Тут люди вокруг!

– Никого тут нет, не бойся.

– Подожди!

– Нет, я не могу больше ждать. Я хочу такого сына, как у тебя. И даже двух.

И склонилась к его чреслам.

Бессильно закрывая глаза, он опять застонал от вожделения и истомы:

– О-о!.. О Боже... И в оранжево-солнечном окоме расплылись и закачались над ними деревья, и взлетели они над планетой Земля, окрашенной золотисто-огненным сиянием, и зазвучало в воздухе голосом Луи Армстронга:

When a little blue bird,
Who has never said a word,
Starts to sing: «Spring! Spring!...»

Когда крохотная птичка,
Которая никогда не поет,
Вдруг начинает петь: «Весна! Весна!»,
И когда голубой колокольчик
Даже в глубине ущелья
Начинает звенеть: «Динь! Динь!»,
Это значит: природа
Просто приказывает нам
Влюбиться, о да, влюбиться!

И тогда птицы делают это!
И пчелы делают это!
И даже необразованные мошки делают это!

Так давай же займемся этим!
Давай любовью займемся, детка!

И в лесу – действительно! – и птицы, и пчелы, и даже необразованные мошки делали это. А на лесном пригорке, нет, не на пригорке, а в заоблачной выси, в раю – под песню Армстронга – делали это Пачевский и Ангел с Небес. И не было в *этом* ни пошлости, ни порнухи, а были только природная красота и райская изысканность... Где-то вдали гудела и проносилась электричка, а божественный Армстронг продолжал:

В Испании даже баски делают это!
И латыши, и литовцы делают это!
Так давай же займемся этим!
Давай любовью займемся, детка!

Все голландцы в Амстердаме делают это!
Не говоря уже о финнах!
Так давай же займемся этим!
Let's do it!
Let's fall in love!

Все романтические морские губки делают это!
Моллюски на морском дне делают это!
Даже ленивые медузы делают это!
Let's do it!
Let's fall in love!

Угри и электрические скаты делают это!
Золотые рыбки делают это!
Даже черви, прости меня Боже, делают это!
Let's do it!
Let's fall in love!

Черные «ауди» и «мерседесы» с мигалками и депутатскими номерами один за другим подъезжали к Государственной думе. Загорелые народные избранники в сопровождении шустрых помощников выходили из машин навстречу десяткам телекамер и степенно проходили в здание, где предъявляли вахтерам свои мандаты. Телекомментаторы, стоя у камер, вели прямой репортаж: – Наши камеры установлены перед Государственной думой, которая собралась после летнего отпуска. Депутатам предстоит рассмотреть госбюджет на следующий год и расходы на оборону и вооружение. Впервые после развала СССР это самые высокие статьи... Поднимаясь по широкой мраморной лестнице, депутаты на ходу здоровались друг с другом и стекались к залу заседаний. У дверей зала стояла еще одна охрана, депутаты в очередной раз предъявляли свои депутатские «корочки» и проходили в зал. Рассаживались в кресла... Обменивались рукопожатиями... Листали тома госбюджета, которые лежали на столиках у каждого из них... Спикер занял свое место в президиуме, звякнул колокольчиком и нагнулся к микрофону: – Господа депутаты! Прошу тишины! У нас много работы! Гул в зале утих, депутаты осели в свои депутатские кресла.

– Ну что ж... – сказал спикер. – Все в сборе? Это хорошо. Здравствуйте. Очередную сессию работы Государственной думы Российской Федерации объявляю открытой! Сейчас мой вице-спикер огласит...

Но крупная дама с «химией» на голове, собравшаяся что-то огласить, не успела подняться со своего кресла.

Потому что в этот момент что-то зашуршало и зашелестело под потолком зала заседания, все депутаты изумленно задрали головы, да так и застыли с распахнутыми от оторопи ртами.

Там, под потолком, некое неземное существо в белом одеянии, с распахнутыми, как крылья, руками и с золотистым нимбом вокруг головы плавно облетало огромную люстру, медленно снижаясь, ширя свои круги над залом и пристально вглядываясь с высоты в каждого депутата.

Позже эти депутаты утверждали, что на них воздействовало не столько парение этого существа – в конце концов, в цирке можно увидеть и не такие трюки, – а какое-то иное, telepатическое, что ли, излучение или свечение, исходившее от нимба этого Ангела.

А в том, что это именно Ангел, а не цирковая гимнастка, никто из них даже не усомнился, тем паче что существо это было, во-первых, какой-то неземной красоты и женственности, а во-вторых, оно или, точнее, Она спланировала на трибуну, уселась на ней верхом и сказала внятным человеческим голосом:

– Здравствуйте, господа российские думцы и думки! Я Ангел и явлена вам с посланием Оттуда! Мне велено сообщить вам последнее предупреждение! Ваш народ стоит на грани гибели. Если вы немедленно не примете чрезвычайные законы, он канет в Лету, как канули в нее филистимляне, канаане и другие народы, послушавшиеся Гласа Небес. Посмотрите на себя...

С этими словами Ангел опять взмыла в воздух и низко поплыла над залом, говоря так, словно вещала каждому почти интимно:

– Да, посмотрите на себя! Вас тут четыреста мужчин, но только три процента из вас настоящие мужчины, способные плодиться. А ведь вы избранные, вы имеете депутатское питание, два месяца отпуска на любых курортах и многие другие привилегии. А что же делается в остальной стране?! Вот статистика... – И она вдруг стала выбрасывать из своих рукавов какие-то листовки, возносясь все выше над залом. – У вас дети просят подавание! У вас почти миллион сирот! У вас из новорожденных только пять процентов здоровы. Пять процентов! Так какие же расходы на оборону вы можете тут обсуждать, если здоровье ваших женщин и детей в смертельной опасности! Кого вы будете защищать вашими танками и ракетами, если на ваших улицах вообще нет беременных?! Быть беременной у вас чуть ли не стыдно! В других странах женщины гордятся беременностью и ходят пузом вперед, ведь беременность – это милость Божья, ведь это Он сказал: плодитесь, размножайтесь! А вы? Вы плодитесь? Вы размножаетесь? – Она вознеслась под самый потолок, и ее голос обрел грозные ноты пророка, а нимб вокруг ее головы из золотого стал пурпурно-алым. – Я, Ангел с Небес, предупреждаю вас: если вы срочно, немедленно не примете закон о любви и материнстве и не сделаете заботу о материнстве главным – вы слышите? главным! – расходом вашего бюджета, вы пойдете в Ад! Все! Все пойдете! И либералы, и консерваторы! И демократы, и коммунисты! Вы слышали меня? Это было последнее предупреждение! Последнее... – И она растворилась в воздухе, как не было.

«ЯВЛЕНИЕ АНГЕЛА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ!» – с такими аршинными заголовками вышли назавтра все газеты. Но каждая из них по-своему цитировала пророческую речь этого Ангела, поскольку, когда депутаты и охрана Думы очнулись от наваждения и бросились искать видео или хотя бы аудиозаписи этого события, оказалось, что почему-то все микрофоны и телекамеры были в эти минуты отключены...

Зато несколько именитых художников тут же приступили к созданию гигантского полотна в духе «Явления Христа народу», а самый знаменитый российский скульптор даже решил изваять этого Ангела, чтобы заменить этой монументальной фигурой памятник Карлу Марксу в Охотном Ряду.

– А-а-а-а-а!!!

Среди ночи истошный женский крик сорвал с постели разом и Пачевского, и его жену, и их детей-подростков.

Но Пачевский все-таки успел на кухню раньше всех.

И увидел бешено летающе-скачущую под потолком мышеловку, которая визжала голо-сом Ангела с Небес:

– А-а-а-а-ай!.. Ай-яй-яй!.. Ой!..

Тут подоспели Шура и дети и в ужасе, с открытыми ртами застыли в двери.

А мышеловка несколько раз стукнулась об потолок и наконец брякнулась на пол.

Шура отпрянула и, заикаясь, произнесла:

– Ч-что... Что это?

Пачевский пожал плечами:

– Ничего. Мыши.

– К-какие м-мышы?! – изумилась Шура. – Под потолком?

– Ну, летучие мыши. Не знаешь? – сказал Пачевский.

– Папа, она же орала! – сказал старший сын.

– Не орала, а пищала. Мыши пищат. Идите спать, ребята. Спать! Спать!

Дети сонно пожали плечами и ушли в гостиную на свою двухэтажную кровать, а Шура веником осторожно ткнула мышеловку.

Но мышеловка уже никак не реагировала.

Хотя рядом с ней на полу были капли алой крови.

– Что это? – показала Шура на эту кровь.

– Ну что это? – сказал Пачевский. – Кровь. От летучей мыши...

Взяв мышеловку, он бросил ее в мусорное ведро под кухонной раковиной и – уже лежа в постели – сказал жене:

– И прекрати ты ставить мышеловки! А то еще не то поймает!

Утром в храме Христа Спасителя было светло, пустынно и торжественно.

Ангел с Небес подошла к иконе Николая Угодника, произнесла негромко:

– Помоги мне, Коля. Поможешь?

– А в чем твое дело? – спросил Николай, заспанно оживая в окладе.

– Он стал засматриваться на брюнеток.

– Опять ты за свое! Я ж тебе сказал: это у тебя претензии к Творцу. Он напортачил с мужской программой, сделал их полигамными, а вас моногамными.

– И что делать?

– А чё тут можно сделать? Это генетическая программа, ее даже Гейтс не переделает. Что у тебя с ногой?

– Да в мышеловку попала.

– Исцелить?

– Спасибо, я сама.

– Тут этот приходил, слепой один. Сказал: ты велела молиться.

– Ну?

– Ну, исцелил я его, конечно. Но я тебя прошу: больше не посылай их ко мне.

– Почему?

– По кочану!.. Тьфу, извини, набрался я от них этой лексики! Короче, приходиться сюда нужно не через знакомства с тобой, а через покаяние. А они никогда не каются, ни в чем. А чуда требуют. Устал я с ними... – Николай стал опять устраиваться в окладе, но вспомнил: – А ты это, ты вообще крещеная?

– Не знаю... Не думаю...

– Вот именно! Давай я тебя хоть окрещу.

И – преобразилось пространство, и прямо под сводами храма Христа вдруг брызнуло яркое палестинское солнце, возникли органная музыка и не то купель, не то бассейн, не то воды реки Иордан, в которой Иоанн Креститель крестил первых христиан.

А на Ангеле с Небес вдруг появился тот самый белый наряд, в котором летала она над депутатами Думы, – с белыми, как крылья, рукавами. И в этом наряде Николай Угодник опустил ее с головой в воду, говоря при этом:

– Печать дара Святого Духа, аминь...

Между тем именно в это время посреди Москвы случилось другое событие.

Как всегда, в типографии грузчики под завязку загрузили фургон пачками с книгами.

Как всегда, со двора издательства фургон выехал на Лесной бульвар.

Как всегда, подкатил к ближайшему светофору.

Только на этот раз на перекрестке стоял еще и регулировщик ГИБДД, полосатым жезлом он приказал водителю прижаться к тротуару.

– Блин, а чё ты сделал? – спросил Пачевский водителя, сидя рядом с ним в кабине фургона.

– А хрен его знает! – ответил тот и прижал фургон к тротуару.

Регулировщик подошел, козырнул:

– Инспектор Васильев, ваши документы.

Водитель подал ему свои права и техталон.

– Путевку, накладные на груз, – сказал инспектор.

– Командир, мы книги везем, вот отсюда, из издательства. – Пачевский, перегнувшись через колени водителя, показал милиционеру на окна издательства.

– Путевку, накладные на груз! – требовательно повторил милиционер.

Водитель отдал ему путевку, а Пачевский достал из портфеля накладные.

– Выйдите! – приказал мент. – Откройте фургон!

– Это еще зачем? – изумился Пачевский.

– Выполняйте, что сказано.

Пожав плечами, Пачевский и водитель вышли из машины, водитель обошел фургон, открыл замок на задней двери и распахнул ее.

– Да книги тут! Видишь? – сказал Пачевский милиционеру. – Ты думал, оружие, что ли?

И тут вдруг неизвестно откуда возник и с тыла подкатил к фургону милицейский «рафик». А из «рафика» вышли двое в милицейской форме, показали Пачевскому свои «корочки».

– МВД, Управление по борьбе с экономической преступностью.

Затем взяли у регулировщика накладные и приказали Пачевскому:

– Выгружайте книги! Пересчитаем.

И Пачевский все понял, посмотрел на окна издательства.

На двенадцатом этаже, в открытом окне стояла хозяйка издательства и спокойно смотрела на происходящее.

Милиционеры надели Пачевскому наручники, посадили в «рафик».

Когда «рафик» двинулся, через его зарешеченное заднее окно Пачевский видел удаляющееся здание издательства и фигуру хозяйки в окне двенадцатого этажа.

– Ну, что отпираться? – вздохнул Пачевский на допросе у районного прокурора. – Да, бес попутал – гнал левые тиражи...

Прокурору было не больше сорока, и он усмехнулся:

– А бес был в юбке?

Пачевский удивился:

– Откуда вы знаете?

– А бес всегда в юбке, – сказал прокурор и погладил себя по глубокой залысине, словно она свидетельствовала, что он большой эксперт в этом вопросе. Затем протянул Пачевскому протокол допроса: – Распишись в показаниях.

– А-а-а... а что мне светит? – с заминкой спросил Пачевский.

– Хищения в крупных размерах... – Прокурор достал из ящика и обтер об рукав большое красное яблоко. – Срок – от семи до двенадцати.

Пачевский в ужасе схватился за голову:

– Ёк-тать!..

– Но она-то хоть стоила этого? – поинтересовался прокурор и хрупко надкусил свое яблоко.

– Кто? – не понял Пачевский.

– Этот бес в юбке.

Пассажиры электрички вышли на платформу и, спасаясь от холодного сентябрьского дождя, бросились на привокзальную площадь в автобусы.

И только две женщины с тяжелыми сумками в руках растерянно топтались в грязи, вглядываясь сквозь дождь в замызганные надписи автобусных маршрутов.

Все-таки один из водителей оказался человеком и, трогая свой автобус, высунулся из окна:

– Эй, бабы! Вам в СИЗО?

– Нет, мне в следственный изолятор! – крикнула Ангел.

Шура посмотрела на нее как на недоразвитую, а водитель сказал:

– Так я ж и говорю: в СИЗО. Садитесь.

И открыл переднюю дверь автобуса.

С трудом подтянув свои тяжелые сумки, Ангел, а за ней и Шура забрались в автобус.

Колеса автобуса катили по грязной жиже проселочной дороги.

За окном дождь срывал с леса последние листья и швырял их в лужи.

В автобусе все места были заняты – их занимали два или три старика и не меньше тридцати женщин с такими же, как у Шуры и Ангела, тяжелыми кошелками.

Впрочем, Ангел с Небес уже потеряла свой ангельский вид – на ней было какое-то безразмерное, с чужого плеча не то пальто, не то плащ, стоптанные кроссовки, линиялая косынка на голове. И только глаза – огромные голубые глаза – еще выделяли ее из общей массы...

Шура, стоя в проходе, смотрела на нее подозрительно, пытаясь вспомнить, где она могла видеть эту странную женщину.

А Ангел с Небес прислушивалась к разговору двух женщин, сидевших рядом.

– А чё Катя? – говорила брюнетка. – Катя дала прокурору и вытащила мужика.

– Совсем, что ли? – спросила вторая, рыжая.

– Ну! – подтвердила брюнетка. – Прокуроры что, не мужики, что ли?

– Извините, – наклонилась к ним Ангел. – Можно, я спрошу?

– Ну? – выжидающе сказала брюнетка.

– Эта Катя – она прокурору что дала-то?

Женщины изумленно уставились на нее.

– Ты больная? – сказала брюнетка.

– Цветочек она ему подарила! – объяснила рыжая.

* * *

За серым бетонным забором с колючей проволокой и сторожевыми вышками длинные тюремные бараки СИЗО были тоже накрыты мутным осенним дождем.

А возле железных ворот и проходной, в комнате с надписями «НЕ КУРИТЬ», «НЕ СОРИТЬ», «НА ПОЛ НЕ ПЛЕВАТЬ» и «ПРАВИЛА СВИДАНИЙ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ», женщины, стоя в очереди к узкому окошку приема передач, удивленно спрашивали друг друга:

– А куда делась эта, психическая?

Ангела с Небес среди них действительно не было.

– Да за цветочками пошла, для прокурора, – сострила рыжая.

Но Ангел с Небес была в этот миг совсем недалеко от них.

С усилием вытащив из бетонной стены свою сумку, она поставила эту сумку на цементный пол, отряхнула с плаща бетонную пыль и тяжело вздохнула:

– Господи, я совсем без сил осталась...

Затем подняла глаза.

Перед ней была мужская камера с двухъярусными нарами, зарешеченным окном и парашей в углу. На нарах густо, впритирку сидели и лежали зэки самого разного возраста. И среди них, на нижних нарах – Пачевский.

Ангел, снимая с головы косынку, осторожно улыбнулась:

– Боже мой! Сколько мужчин!

– Сука! Ты зачем пришла? – вдруг сказал ей Пачевский.

– Мужчина, – ответила она заискивающе, – я скучаю. Я принесла...

Но он вскочил и бросился на нее, крича и размахивая кулаками:

– Пошла отсюда! Вон! Проститутка! Тварь!..

Зэки, сидя на нарах, смотрели на него с интересом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.